792 (092)
М69

271733

К. Н. Михайловъ.

ВАСИЛІЙ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧЪ ДАЛМАТОВЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ, ОЧЕРКАХЪ И АНЕКДОТАХЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СНИМКОВЪ В. П. ДАЛМАТОВА ВЪ РОЛЯХЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ТЕАТРЪ»

271733

~~21764~~

ПРОВЕРЕНО
19 г.

Пр. 2010

(042)

№ 20

Пр. 1955 г.
792(092)
М69

К. Н. Михайловъ.

ВАСИЛІЙ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧЪ ДАЛМАТОВЪ,

АРТИСТЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ЗАВѢТЫ СТАРАГО АКТЕРА.

ШУТКИ, ОСТРОСЛОВІЯ, ОСТРОУМІЯ, АНЕКДОТЫ,
ЧЕРТЫ И БЫЛИ ИЗЪ ЖИЗНИ

В. П. ДАЛМАТОВА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ, ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ,
СО СНИМКАМИ В. П. ДАЛМАТОВА ВЪ РОЛЯХЪ
И СЪ ФАКСИМИЛЕ ЕГО ПОЧЕРКА.

26764 271733
Свердловский Государственный Университет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск
Свердловский Институт Журналистики
Типографический Г.У. каталог

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Научная
Библиотека
г. Свердловск

ВАСИЛІЙ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧЪ ДАЛМАТОВЪ (ЛУЧИЧЪ),

артистъ Имп. Александринской сцены. Род. 1845 г., умеръ 14 Февр. 1912 г.
Послѣдній портретъ.

Да, жизнь твоя, вѣрь, не пройдетъ безслѣдноій:
Пустъ сломашъ мечъ, пускай отброшенъ щитъ,—
Твои завѣты юность сохранитъ,
Нашъ гордый рыцарь, о, нашъ рыцарь бѣдныій!

Т. Щепкина-Куперникъ.

Я приношу свою искреннѣйшую благодарность друзьямъ В. П. Далматова—генералу А. Н. Маслову, П. П. Гнѣдичу, А. А. Плещееву, художнику Н. И. Кравченко, художницѣ-фотографу г-жѣ Ел. Мрозовскоій, извѣстному любителю театра Нпк. Ив. Гордову, а также любезному и доброжелательному А. Я. Брафману, директору Лит.-Художественнаго Общества, сообщившимъ мнѣ нѣкоторыя, весьма существенныя и важныя, подробности и черты изъ жизни Василія Пантелеймоновича, а также всѣмъ тѣмъ, кто способствовалъ мнѣ воспроизвести его благородный образъ съ достаточной ясностью и рельефностью. Ихъ сообщенія были своевременнымъ и превосходнымъ дополненіемъ къ тому матеріалу, который я имѣлъ и который основанъ на моихъ личныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ.

Я почувствовалъ, къ своей величайшей радости, что были люди, которые горячо и искренно любили В. П. и, какъ реликвіи, сумѣли оберечь и сохранить въ своей душѣ даже мелкія черты и штрихи изъ его жизни. Низкій мой имъ поклонъ!

Глубокую и нѣжную любовь проявили актеры Александринской сцены къ памяти Василія Пантелеймоновича.

Марія Гавриловна Савина, это свѣтлое и глубоко чарующее явленіе Александрийской сцены, и всѣ ея товарищи по театру предприняли цѣлый рядъ мѣръ, чтобы увѣковѣчить память своего славнаго товарища.

Дружное участіе всѣхъ актрисъ и актеровъ въ сохраненіи памяти Василія Пантелеймоновича, всѣхъ большихъ и малыхъ служителей русской сцены, свидѣтельствуетъ или о томъ, что Василій Пантелеймоновичъ умѣлъ внушать къ себѣ любовь всѣхъ своихъ товарищей по сценѣ, или о томъ, что семья актеровъ Александрийскаго театра дружна и едина въ счастьи и несчастьи, или о томъ, что и покойный Василій Пантелеймоновичъ умѣлъ внушать къ себѣ любовь и преданность товарищей, и самая семья Александрийской сцены трогательно дружна.

Жаль только, что въ Москвѣ отнеслись къ нему нѣсколько холоднѣе.

Въ августѣ мѣсяцѣ я жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, занимаясь въ тамошнихъ архивахъ, и сдѣлалъ нѣкоторымъ артистамъ, бывшимъ друзьямъ и сотоварищамъ В. П. по сценѣ, визиты, прося ихъ устроить что-нибудь въ Москвѣ достойное памяти и личности В. П. Былъ, между прочимъ, и въ Большомъ театрѣ. Говорилъ я, кажется, горячо, и всѣ мнѣ обѣщали, находя, что устроить что-нибудь даже необходимо, но до сихъ поръ ничего не предпринимаютъ.

Несомнѣнно, Литературно-Художественное Общество въ С.-Петербургѣ, однимъ изъ основателей котораго былъ В. П., съ своей стороны, сдѣлало кое-что для увѣковѣченія его памяти: оно собрало около 6.000 рублей для постановки мраморнаго пьедестала на его могилѣ съ его медальономъ, сдѣланнымъ по проекту одного молодого скульптора, повѣсило его портретъ, сдѣланный масляными красками художникомъ Н. И. Кравченко, и почти всѣ его снимки въ роляхъ, сдѣланные извѣстной художницей-фотографомъ Е. Мрозовской, въ помѣщеніяхъ театральной школы имени А. С. Суворина.

Однако, надо помнить и не забывать В. П. Далматова не только артистамъ, но и болѣе широкимъ кругамъ русскаго общества! Онъ былъ *актеромъ Божьей милостью*...

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ (Лучичъ) представлялъ собою типичную, чрезвычайно яркую фигуру артиста классическаго періода русскаго театра. Онъ весь былъ проникнутъ воспоминаніями, преданіями, разсказами и традиціями Мочалова, Щепкина, Каратыгина, Прова Садовскаго, Модеста Ивановича Писарева и другихъ, самыхъ выдающихся представителей русской образцовой сцены. Онъ былъ какъ бы естественнымъ, прирожденнымъ хранителемъ и продолжателемъ традицій классическаго періода русскаго театра.

Василій Пантелеймоновичъ неоднократно называлъ себя «артистомъ-бродягой», «артистомъ-художникомъ», «общественнымъ дѣятелемъ на сценической аренѣ», «пролетаріемъ», «босякомъ, дошедшимъ до возможной вершины благополучія». Но, прилагая къ себѣ послѣдній эпитетъ, онъ такъ называлъ себя не въ умаленіе, а въ установленіе факта, что̀ можетъ сдѣлать изъ человѣка упорная, вдумчивая и постоянная работа надъ собой. Его монументальная фигура, величественные жесты, аристократическія движенія, густой, сочный баритонъ и умный, размѣренный тонъ рѣчи какъ бы свидѣтельствовали о томъ, что онъ является звеномъ, объединяющимъ его самаго и его время съ затерявшимся въ воспоминаніяхъ классическимъ періодомъ русской сценической исторіи. Онъ былъ счастливымъ воплощеніемъ русской образцовой сцены.

Василій Пантелеймоновичъ умеръ на посту, какъ часовой, во всю жизнь почти никогда не болѣлъ и сломался, какъ ломается сухой, но крѣпкій стволъ дерева—отъ сильнаго напора вѣтра.

Быстрая развязка съ жизнью очень поразила своею неожиданностью многочисленныхъ друзей Василія Пантелеймоновича.

Василій Пантелеймоновичъ умеръ 67 лѣтъ отъ роду, но онъ такъ сохранился и такъ былъ моложавъ, что легко сходилъ подъ мужчину бальзаковскаго возраста, лѣтъ на пятьдесятъ.

В. П. Далматовъ былъ не только тонкій, остроумный и интересный собесѣдникъ, но и прирожденный провозглашатель тостовъ, спичей, зажигающихъ сердца рѣчей. В. П. часто заканчивалъ свои спичи стихотворными импровизаціями. Стихи у него лились свободно и легко. Ихъ много расползлось по міру, но жаль, конечно, что никто не записывалъ ихъ за нимъ.

Я видѣлъ у поэта В. В. Уманова-Каплуновскаго стихи, написанные самимъ В. П. въ его альбомъ автографовъ и имѣющіе автобіографическое значеніе. В. В. Умановъ-Каплуновскій любезно разрѣшилъ мнѣ ими воспользоваться. В. П. записалъ:

И силъ во мнѣ еще осталось много,
И не погасъ во мнѣ еще огонь ума,
Но все трудней становится дорога,
Все тяжелѣй суровой жизни тьма.

3 марта 1905 г. Спб.

Это былъ 1905-ый, тяжелый, революціонный годъ, когда В. П. съ такой радостью мечталъ о зарѣ русской жизни, о русской конституціи, о политическомъ обновленіи, о томъ, что, наконецъ, Россія вступила въ полосу обще-европейской культуры, и безконечно ликовалъ. Когда былъ опубликованъ актъ 17-го октября о созывѣ Государственной Думы, то В. П. устроилъ спеціальный обѣдъ, на который онъ пригласилъ своихъ интимныхъ друзей, гдѣ шампанское лилось въ честь «русской конституціи, обновляющей жизнь забитаго и приниженнаго русскаго человѣка», «за русскую свободу». При этомъ онъ не упустилъ

случая поднять заздравный кубокъ и за царя, но «царя конституціоннаго, ограниченнаго основными законами страны» и за «великій русскій конституціонный народъ».

Настоящая книжка есть дань теплой и вѣрной дружбы, постоянной памяти и преданности, даже послѣ смерти, къ человѣку, который былъ въ жизни смѣлъ, бѣдности и лишеній не боялся, много и тщательно учился и работалъ надъ усовершенствованіемъ своего духа, своихъ способностей и дарованій, достигъ большого общественнаго положенія и широкой, во всѣхъ слояхъ культурнаго общества, популярности, исключительно благодаря самому себѣ, былъ отъ природы чрезвычайно уменъ и талантливъ, осторожень (правда, только въ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни, послѣ жестокаго житейскаго опыта и неоднократныхъ разочарованій въ людяхъ), тактиченъ и деликатенъ (иногда В. П. тонко намекалъ на то, что онъ происходитъ изъ весьма знатной фамиліи вольнолюбивой Далмаціи, издавна воспитанной въ традиціяхъ европейскаго рыцарства и аристократизма духа).

Эта книжка—вѣнокъ на могилу чистаго душой человѣка. Эпизодическій характеръ изложенія настоящей книжки избранъ авторомъ потому, что эпизодическіе моменты въ личной біографіи В. П. Далматова, какъ и всякой художественной натуры, были наиболѣе интересными и характерными по своей психологической ситуаціи. Иногда хорошій анекдотъ лучше характеризуетъ человѣка, чѣмъ многотомныя и ученыя разсужденія господъ изслѣдователей. Въ анекдотѣ часто открывается искрящаяся огнями геніальность человѣческой души.

* * *

Для характеристики В. П. Далматова привожу прелестное стихотвореніе извѣстной поэтессы Т. Щепкиной-Куперникъ, посвященное ему.

ПАМЯТИ

Василія Пантелеймоновича Далматова

† 14 февраля 1912 г.

Онъ къ намъ пришелъ издалека, оттуда,
Изъ той чужой, прекрасной стороны,
Гдѣ море блещетъ цвѣтомъ изумруда,
А цѣпи горъ угрюмы и мрачны,

Вершины ихъ полны нѣмой угрозы,
Но у подножья недоступныхъ горъ
Цвѣтутъ роскошно пальмы, лавръ и розы
И море стелетъ ласковый просторъ.

Далмація, ты южной красотой
Италіи сестра на половину,
Но по душѣ—родная славянину
Могучею, суровой простотой.

Въ тебѣ живутъ, въ тебѣ взростаютъ люди,
Такіе же могучіе, какъ ты:
Въ нихъ рыцарской отвагой дышатъ груди,
Но ихъ сердца младенчески просты.

Мечемъ владѣетъ каждый тамъ умѣло,
Передъ врагомъ стоитъ не трепеща,
Тамъ гордый духъ, тамъ сердце бьется смѣло,
Подъ складками крестьянскаго плаща.

Далмація, ты щедро надѣляла
Своихъ дѣтей наслѣдьемъ вѣковымъ:

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

артистъ Имп. Александринской сцены, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Съ портрета сдѣланнаго въ Варшавѣ.

Какъ Римлянамъ, давала гордость имъ
И какъ Славянамъ—жажду идеала.

Онъ былъ твой сынъ, твой настоящій сынъ,
И къ намъ пришелъ въ страну снѣговъ и горя,
Изъ глубины родныхъ своихъ долинъ,
Отъ береговъ сверкающаго моря.

Онъ намъ принесъ дары свои съ собой:
И горделивый взглядъ, и стройность стана,
Духъ рыцарскій свободный и прямой,
И доброту, и сердце безъ обмана.

Онъ намъ принесъ въ искусство правды пылъ
И душу неспособную къ измѣнѣ,
И рыцаремъ онъ часто былъ на сценѣ,
И рыцаремъ всегда онъ въ жизни былъ.

По-рыцарски былъ откровененъ въ спорѣ,
По-рыцарски онъ вѣренъ былъ мечтѣ,
Онъ облегчалъ всю жизнь чужое горе
По-рыцарски служилъ онъ красотѣ.

Когда-жъ его недугомъ оковало,
И понялъ онъ предчувствіе конца,—
Нашъ гордый рыцарь опустилъ забрало,
Чтобъ не видали мертваго лица.

О, милый рыцарь, о, нашъ рыцарь бѣдный,
Никѣмъ приказъ нарушенъ не былъ твой!
Но гордый профиль, темный взглядъ побѣдный
У насъ въ душѣ остался, какъ живой.

Да, жизнь твоя, вѣрь, не пройдетъ безслѣдной:
Пусть сломанъ мечъ, пускай отброшенъ щитъ,—
Твои завѣты юность сохранитъ,
Нашъ гордый рыцарь, о, нашъ рыцарь бѣдный!

И тѣмъ, кого любилъ ты и училъ—
Не разъ, быть можетъ, образъ благородный
Придастъ къ труду стремленія и силъ.
Поможетъ душу сохранить свободной.

Пусть здѣсь твое угаснетъ бытіе,—
Печаль въ сердцахъ сохранена глубоко...
Спокойно спи!.. Ты совершилъ свое—
О, рыцарь нашъ безъ страха и упрека!!

Т. Щепкина-Куперникъ.

24 февраля 1912 года.

Стихотвореніе это, напечатанное съ разрѣшенія автора для учениковъ Драматической школы имени А. С. Суворина и друзей В. П. Далматова, прочтено на VII субботникѣ Литературно-Художественнаго Общества 10 марта 1912 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

В. П. Далматовъ по воспомпнаніямъ М. Г. Савпной.—Болѣзпь В. П. Далматова.— Смерть В. П. Далматова.—Панихиды по В. П. Далматовѣ.— Похороны В. П. Далматова.—Артисты о В. П. Далматовѣ.

Первая встрѣча.

Я считаю необходимымъ привести цѣликомъ разсказъ А. А. Плещеева, сдѣланный имъ со словъ Маріи Гавриловны Савиной, о томъ, какимъ былъ Василій Пантелеймоновичъ на зарѣ своей артистической карьеры. Изъ этого разсказа видно, какъ постепенно шелъ В. П. въ дѣлѣ своего самоусовершенствованія и сколько псевдонимовъ онъ перемѣнилъ, прежде чѣмъ сдѣлаться и навсегда остаться для исторіи русской сцены Далматовымъ.

«Въ Минскѣ, въ 1869 году, 16-го августа, на сценѣ мѣстнаго театра, въ миломъ наивномъ водевилѣ Баженова «Бѣдовая бабушка» выступили юная М. Г. Стремлянова, впослѣдствіи наша дорогая Савина, и начинающій любитель, пріѣхавшій изъ Одессы и рекомендованный отцомъ Маріи Гавриловны, Г. Н. Стремляновымъ, застѣнчивый юноша Чудинъ.

Этотъ Чудинъ былъ ни кто иной, какъ будущій Далматовъ.

Бѣдовую бабушку играла бывшая артистка Императорскихъ театровъ Ирина Семеновна Сандунова, Глова отца—Г. Н. Стремляновъ, Глашеньку—М. Г. Стремлянова.

— Безумно застѣнчивый былъ Чудинъ,—вспоминаетъ Марія Гавриловна,—робкій, конфузливый юноша. Онъ поминутно краснѣлъ и волновался буквально до потери сознанія. Чудинъ выглядѣлъ длиннымъ-длиннымъ и худымъ, такъ что семья актеровъ называла его «Вася-жердь».

Г. Н. Стремляновъ, любившій Чудина, видя застѣнчивость Василія Пантелеймоновича, говаривалъ:

— Моего Васю затпаютъ!

Сезонъ кончился и Марія Гавриловна потеряла Чудина изъ виду. Говорили, что онъ служилъ въ Муромѣ, въ Ярославлѣ, во Владимірѣ, у извѣстнаго антрепренера Смирнова и друг. Василій Пантелеймоновичъ суфлировалъ, игралъ самыя разнообразныя роли, слѣдилъ за выходами и проч.

Чудинъ превратился въ Василія Пантелеймоновича Стрѣлкова! Стрѣлковъ превратился въ Никитина... Чудинъ, Стрѣлковъ и Никитинъ не встрѣчались съ Маріей Гавриловной, и что съ ними было, какъ протекала ихъ карьера, она ничего не знала. Только въ концѣ семидесятыхъ годовъ на афишѣ въ Пензѣ появилось впервые имя Далматова. Покойный А. А. Краевскій обратился въ 1882 г. къ Савиной съ просьбой, уговаривая ее поѣхать въ Москву, чтобы читать вмѣстѣ съ Д. В. Григоровичемъ и П. И. Вейнбергомъ на вечерѣ въ пользу студентовъ, въ Большомъ театрѣ.

Краевскій просилъ М. Г. читать изъ «Онѣгина».

— Съ кѣмъ я буду читать?—спросила Марія Гавриловна.

— Пригласили извѣстнаго актера Пушкинскаго театра, Далматова.

Это имя Маріи Гавриловнѣ ровно ничего не говорило.

Савина согласилась.

Пріѣхавъ въ Москву, Марія Гавриловна отправилась въ Большой театръ, гдѣ назначена была репетиція. На лѣстницѣ она встрѣтила спускавшагося со сцены полнаго молодого человѣка, франтоватаго, въ шинели, лицо котораго показалось Савиной знакомымъ.

Встрѣтившійся сдѣлалъ видъ, что не видалъ ея.

— «Гдѣ я его видѣла»?—подумала Марія Гавриловна.

Поднявшись на сцену, Савина спросила:

— А гдѣ же Далматовъ?

— Вечеромъ онъ явится, Марія Гавриловна, и вы прочтете передъ концертомъ главу изъ «Онѣгина»,—просили распорядители Марію Гавриловну.

Передъ Маріей Гавриловной очутился вечеромъ Чудинъ.

— Вася!—воскликнула Марія Гавриловна.—Да почему же вы не поклонились мнѣ? прошли мимо меня?.. Это вы—Далматовъ?

Василій Пантелеймоновичъ сконфузился, оробѣлъ.

— Я не думалъ, что вы меня, Марія Гавриловна, захотите узнать...

— Какъ же вамъ не стыдно!

Это была первая встрѣча Савиной съ Далматовымъ.

Чудина она больше не видала...

Марія Гавриловна, вспоминая Василія Пантелеймоновича, преклоняется, по ея словамъ, предъ той энергіей, предъ той исключительной настойчивостью, съ которыми Далматовъ занимался самообразованіемъ, выработалъ изъ себя актера и достигъ большого положенія. Работалъ онъ, не зная свободной минуты. Только съ его упорствомъ, съ его горячей любовью къ театру можно было добиться этого. Остался ли онъ, говоритъ Марія Гавриловна, такимъ же застѣнчивымъ и конфузливымъ до послѣднихъ дней своихъ, она не знаетъ... Очень можетъ быть, что остался, стараясь маскировать и скрывать». («Новое Время» 21 февраля 1912 г.).

А. А. Плещеевъ.

Болѣзнь В. П. Далматова.

У В. П. Далматова былъ длительный бронхитъ. Онъ часто ужасно кашлялъ, мѣнялъ по нѣсколько платковъ въ день, и я нерѣдко обращалъ его вниманіе на характеръ его болѣзни и просилъ обратиться къ спеціалистамъ, но онъ всегда успокаивалъ меня, говоря: «При моемъ организмѣ я ничего не боюсь»! Постоянно и напряженно дѣятельный, онъ былъ все время на ногахъ, то въ Театральной школѣ имени А. С. Суворина, директоромъ которой онъ состоялъ, то въ Александринскомъ театрѣ, куда пріѣзжалъ нерѣдко раза два въ день.

6-го февраля В. П. съ утра жаловался на усталость, на головную боль и общее недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, не выдержалъ пребыванія въ бездѣйствіи дома и уѣхалъ въ Театральную школу, гдѣ пробылъ до часа ночи, такъ какъ въ этотъ день было засѣданіе Хозяйственнаго Комитета.

Во вторникъ, 7-го февраля, В. П. уже окончательно слегъ.

Былъ приглашенъ докторъ Липскій, который установилъ у В. П. инфлуенцу.

Инфлуенца была особенно тяжелаго свойства, В. П. мучительно и продолжительно кашлялъ и все время жаловался на головную боль.

9-го февраля положеніе стало сильно ухудшаться и, главное, безъ особенныхъ внѣшнихъ основаній.

Былъ созванъ консиліумъ, состоявшій изъ врачей— А. А. Липскаго, театральнаго врача Розенберга, Кноха и Нарбута.

Діагнозъ врачей состоялъ въ томъ, что вся нервная система не только разрушена, но и не въ состояніи поддаваться леченію, что вслѣдствіе напряженія, явившагося слѣдствіемъ мучительнаго, жестокаго кашля, произошло легкое кро-

воизліяніе въ мозгъ, отчего и происходитъ нестерпимая головная боль.

11-го февраля былъ созванъ консиліумъ врачей во второй разъ. Врачи установили начало гипознаго воспаленія легкихъ, какъ слѣдствіе осложнившейся инфлуенцы.

Это осложненіе отразилось на сердцѣ В. П. Къ этому присоединилось полное отсутствіе аппетита, что особенно ухудшало положеніе больного. Ему предлагали пищу, но онъ отъ нея отказывался упорно.

14-го февраля утромъ, часовъ въ 12, врачи опредѣлили отекъ легкихъ и полный упадокъ силъ. Мучительный кашель съ кровью душилъ В. П. Все время онъ былъ въ полномъ сознаніи, говорилъ очень мало, чрезвычайно отрывисто, нерѣдко впадалъ въ забытье и, видимо, сильно страдалъ, но крѣпился и не показывалъ вида окружающимъ его, какъ тяжела его болѣзнь. В. П. въ это время часто сталъ задыхаться, ему не хватало воздуха, такъ что пришлось прибѣгнуть къ кислороду.

14-го февраля, въ 10 часовъ вечера, къ В. П. пригласили священника для напутствія въ дальній, вѣчный путь. В. П. охотно согласился на это предложеніе, но, по свойственной ему деликатности, даже здѣсь, уже у гробовой доски, онъ съ особой тихой мягкостью и скромностью сдѣлалъ только одно возраженіе:

— Уже поздно (была ночь) и неудобно тревожить священника; вѣдь онъ то же человѣкъ, хочетъ успокоиться, отдохнуть...

Однако, священникъ былъ приглашенъ, и В. П., несмотря на довольно значительный упадокъ силъ, довольно ясно произносилъ за священникомъ слова молитвы:

«Вѣрую, Господи...»

Послѣ припятія Св. Таинъ, В. П. перекрестился и, облегченно вздохнувъ, сказалъ, что теперь онъ чувствуетъ себя несравненно легче.

Однако, черезъ полчаса дыханіе стало затрудняться и

началась агонія. Она длилась не долго, и хотя, какъ всякая предсмертная агонія, была мучительна, но, все же, не носпла того ужаснаго характера, который, обыкновенно, знаменуетъ конецъ бреннаго существованія человѣка.

Во время агоніи В. П. сильно волновался, срывался съ постели и настоятельно просилъ подать ему платье, намѣреваясь ѣхать въ Театральную школу имени А. С. Суворина, хотѣлъ побывать въ Александринскомъ театрѣ и требовалъ его репертуаръ и, вообще, всѣ его послѣднія мысли были связаны съ Театральной школой имени А. С. Суворина, его дѣтищемъ, и съ Александринскимъ театромъ, съ которымъ онъ сросся, какъ сростается съ деревомъ плющъ, плотно его обвившій.

Въ послѣднія предсмертныя минуты, весь въ бреду, хотя и съ продолжительными проблесками сознанія и спокойствія, В. П. вспомналъ своихъ отсутствующихъ друзей, знакомыхъ, товарищей по Александринской сценѣ и, особенно, звалъ къ себѣ М. Г. Савину, съ которой онъ хотѣлъ поговорить наединѣ въ послѣднія предсмертныя минуты. М. Г. Савина была занята въ этотъ вечеръ въ Александринскомъ театрѣ. Къ величайшему сожалѣнію, ей сообщили о желаніи умиравшаго В. П. нѣсколько поздно. Пока она раздѣвалась и разгримировывалась, спѣша на квартиру къ В. П. (Итальянская, 29), онъ уже умиралъ.

В. П. Далматовъ умеръ въ 11 часовъ 25 мин. вечера 14-го февраля 1912 г.

* * *

М. Г. Савина вмѣстѣ съ другими товарищами В. П. по Александринской сценѣ пришла къ нему тотчасъ же, какъ кончилась агонія и трупъ еще не успѣлъ окоченѣть.

Его товарищи по сценѣ искренно и сильно плакали, особенно страдалъ В. Н. Давыдовъ.

Въ день смерти В. П. при немъ постоянно были люди— прежде всего, его семья и его друзья, изъ которыхъ нап-

18 Июня 1911 г.

Дорогой

Михаилъ Алексеевичъ!

Препровождаю на Ваше благоусмотрение фельетонъ, какъ пробный къ будущимъ иллюстрирующимъ которые я... мысленно уже приготовилъ и доставлю на следующей

нервенъ. Если соблаговолите напечатать, очень прошу не отказаться сдѣлать распоряженіе, чтобы мнѣ присылали корректуру — Итальянская 29. Можетъ быть, лучше что либо прибавить или убавить.

Искренно преданный Вамъ [illegible]

школы имени А. С. Суворина, драматической труппы Александринскаго и Михайловскаго французскаго театровъ, театра Корша, дивный вѣнокъ отъ Е. Н. Рощиной-Инсаровой, Литературнаго фонда, Театральнаго общества, «Петербургской Газеты». Депутація отъ офицеровъ л.-гв. Павловскаго полка во главѣ съ командиромъ полка возложила вѣнокъ. Труппа Александринскаго театра заказала на гробъ роскошный покровъ. Похороны состоялись въ пятницу, 14-го февраля, на Волковомъ кладбищѣ.

На панихидахъ вечеромъ, какъ и ночью, часы надъ В. П. читали артисты Императорскихъ театровъ—Маріинскаго и Александринскаго, освободивъ отъ этой обязанности монахинь.

Ночью при гробѣ, соблюдая очередь, дежурили ученицы и ученики Театральной школы имени А. С. Суворина, причемъ одинъ (или одна) стоялъ въ головахъ, а другой—въ ногахъ.

Многіе стояли на колѣняхъ, горячо молились и плакали. Въ глубокой тиши ночи это было сладостно и жутко. Гробъ стоялъ въ кабинетѣ, гдѣ мы съ нимъ такъ часто и оживленно вели бесѣды.

Лицо В. П. было закрыто густой фатой, чтобы не было его видно, какъ онъ самъ проспалъ при жизни.

Вокругъ цѣлая оранжерея цвѣтовъ и безконечное количество вѣнковъ. В. П. весь былъ въ цвѣтахъ. Поклонники и поклонницы, ученики, ученицы и вѣрные друзья дежурили и плакали у гроба милаго и добраго человѣка.

Похороны В. П. Далматова.

Въ виду того, что описаніе похоронъ В. П. сдѣлано А. А. Плещеевымъ, сыномъ извѣстнаго поэта Плещеева, талантливо, красиво, полно и съ особымъ подъемомъ настроенія, вызваннымъ искреннимъ горемъ и чувствомъ дав-

нишней дружбы, считаю у мѣста привести его цѣликомъ, въ подлинномъ текстѣ («Новое Время», 18-го февраля 1912 г.):

«Сѣрое, свинцовое, угрюмое небо, слякоть, пронизывающій дождь. Петербургъ расплакался въ день погребенія незабвеннаго Далматова.

На сердцѣ и безъ того жутко; огромная толпа, провожающая Василія Пантелеймоновича, горюетъ. Литія около Александринскаго театра какъ бы напомнитъ ему о томъ, съ кѣмъ онъ прощается. Послѣдній разъ Александринскій театръ молчаливо глядитъ на Далматова, скрытаго подъ балдахиномъ, въ дубовомъ гробу.

Процессія двигается далѣе; толпа буквально переполняетъ Театральную улицу и направляется по той дорогѣ, по которой она провожала столько большихъ и малыхъ талантовъ русской литературы, русской сцены.

Часъ спустя показалось Волково кладбище, этотъ печальный и жалкій Пантеонъ столицы. Колесница остановилась наконецъ у Большого собора, миновавъ тотъ уголъ, гдѣ расположены знаменитые «литераторскіе мостки».

Рядомъ съ памятникомъ Д. В. Григоровича вырыта свѣжая могила, убранная ельникомъ и окруженная собравшимися для прощанія съ любимымъ актеромъ. Здѣсь вся молодежь и преподаватели школы имени Суворина, школы, одухотворенной Далматовымъ.

На могилу смотритъ возвышающійся надъ головами, бронзовый Тургеневъ, словно спрашивающій, кого привезли въ нашу компанію—Григоровича, Кавелина, Щедрина,—для кого вырыта эта яма?

Василій Пантелеймоновичъ, по счастливой случайности, нашелъ послѣдній пріютъ рядомъ со старинымъ пріятелемъ Д. В. Григоровичемъ, который любилъ его и котораго любилъ Далматовъ. Мы когда-то съ Далматовымъ провожали сюда Григоровича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ провожали очень многихъ.

Соборъ былъ переполненъ молящимися, тутъ были налицо товарищи и друзья Далматова. Всѣмъ имъ не хватило, однако, здѣсь мѣста, и нѣсколько сотъ человѣкъ мокли у собора и могилы подъ дождемъ. Принесли громадный деревянный крестъ съ врѣзаннымъ портретомъ Василія Пантелеймоновича.

Наступилъ послѣдній моментъ этой жестокой, неизбѣжной человѣческой трагедіи, показался гробъ, приподнятый почитателями Далматова, зазвенѣли лопаты, ломъ, и выросъ холмъ глиняно-песочнаго цвѣта, превратившійся въ гору изъ цвѣтовъ и лавровъ.

Кто-то изъ старниковъ вспомнилъ похороны Мартынова, вспомнилъ старинную литографію съ изображеніемъ этого скорбнаго событія и сталъ сравнивать, у кого было больше на похоронахъ?

Ужасная статистика, заниматься которой весьма наивно.

Только вчера на Волковомъ кладбищѣ В. П. Далматовъ зарылъ въ землю свой прекрасный талантъ, которому не давалъ увядать при жизни, разрабатывая его, мучаясь и страдая за него.

Талантъ никогда не приноситъ человѣку полнаго спокойствія! Талантливый человѣкъ мечется, никогда недоволенъ своимъ творчествомъ и полонъ исканій. Наконецъ, у таланта при жизни всегда есть завистники. Цѣнятъ талантъ, какъ его слѣдуетъ цѣнить, честно и благородно, большею частью послѣ его смерти.

Сколько разъ скорбѣлъ дорогой мой другъ Василій Пантелеймоновичъ на пути своей долгой сценической дѣятельности! Сколько препятствій выростало передъ нимъ для спокойной работы, сколько разъ сердце его обливалось кровью. Страшный, неустанный, тяжелый трудъ актера нерѣдко встрѣчалъ незаслуженную, убогую, обидную оцѣнку той мушкары, которая врывалась въ область чуткой, талантливой театральной критики. Однимъ взмахомъ пера пытались свести на нѣтъ всѣ заслуги таланта. Сколько ра-

достей приноситъ актеру трезвое, благородное отношеніе художественной критики и какъ оскорбляютъ его наглые выпады проходимцевъ.

И за себя, и за каждаго товарища много скорбѣлъ въ жизни Далматовъ, жалуясь на ненормальность такого положенія. Прежде чѣмъ занять то мѣсто на сценѣ, которое онъ съ честью занялъ, душа его переживала тяжелые, мятежные дни, отнимавшіе покой, и до конца жизни его волновали тѣ же старые, но вѣчно новые вопросы.

Теперь нашъ Далматовъ успокоился...»

* * *

Біографъ В. П. Далматова Н. И. Афанасьевъ, близкій къ нему человѣкъ, тоже искренно и тяжко скорбитъ о потерѣ такого отзывчиваго, добраго и благороднаго человѣка и дѣятеля сцены, какъ В. П. Вотъ что онъ пишетъ:

«Похороны вдохновеннаго художника сцены имѣли трогательный, широко общественный характеръ. Хоронили того, кого искренно любили, кто своимъ талантомъ, благородствомъ и добротой оставилъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ своихъ многочисленныхъ друзей и поклонниковъ. Обстановка похоронъ, ихъ печальная торжественность соотвѣтствовали величію и мощности личности покойнаго. Уже съ утра на выносъ собралось столько народа, что ни квартира покойнаго, ни лѣстница въ квартиру не смогли вмѣстить всѣхъ пожелавшихъ сказать послѣднее прости дорогому другу. Толпа ждала выноса гроба на улицѣ, затѣмъ пошла въ непогодь (временами моросилъ дождь) за траурной колесницей и на Волковомъ кладбищѣ слилась съ толпою собравшихся у кладбищенскаго Большого собора. Церковь большой вмѣстимости, ярко освѣщенная, переполнилась, и вниманіе всѣхъ сосредоточилось на останкахъ артиста, покоившихся въ дубовомъ гробу на катафалкѣ, окруженномъ зеленью и массой вѣнковъ. Лицо покойнаго было закрыто, по его предсмертному желанію, бѣлой пе-

лепой и невидимо. Гробъ полузакрытъ богатымъ покровомъ — даръ Императорской спб. драматической труппы, живые цвѣты друзей оживляли печальную картину, среди цвѣтовъ выдѣлялась камелія М. Г. Савиной» (18-го февраля 1912 г. «Новое Время»)».

Похороны вышли весьма торжественными и пышными: цѣлое море головъ, безконечная вереница экипажей и «вѣчная память», которую пѣла тысячная толпа, были данью любви, уваженія, преданности и нѣжнаго тяготѣнія поклонниковъ, поклонницъ и друзей, стянувшихся къ гробу любимаго человѣка. Императорская спб. драматическая труппа присутствовала почти въ полномъ составѣ: М. Г. Савина, М. А. Потоцкая, В. Н. Давыдовъ, Степанъ и Кондратъ Яковлевы, Ходотовъ, Чижевская, Корвинъ-Круковскій и друг. Литературно-Художественное общество было представлено товарищемъ председателя генералъ-лейтенантомъ А. И. Масловымъ, директоромъ генералъ-лейтенантомъ К. И. Величко и др., а также множествомъ членовъ общества. Театральная школа имени А. С. Суворина въ полномъ составѣ учащихъ и въ полномъ весьма многочисленномъ составѣ настоящихъ и бывшихъ учащихся во главѣ съ временнымъ директоромъ А. А. Плещеевымъ хоронила своего любимаго директора. Было также много артистовъ театра Литературно-Художественнаго общества, большая часть которыхъ не могла остаться до конца похоронъ, будучи занята генеральной репетиціей. Среди собратьевъ покойнаго по перу были: Баранцевичъ, Рышковъ, Н. И. Кравченко, князь М. Н. Волконскій и др.; на выносѣ, кромѣ того, были В. П. Буренинъ, П. П. Гнѣдичъ, Я. А. Плющевскій-Плющикъ и мн. др.

Кругомъ гроба В. П. Далматова было нѣсколько десятковъ вѣнковъ, изъ нихъ серебряные—отъ А. С. Суворина, Литературно-Художественнаго общества, театра этого общества, отъ учащихся театральной школы имени А. С. Суворина и др., красивый вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ отъ Импе-

раторской спб. драматической труппы, отъ газетъ «Новое Время» и «Петербургская Газета», отъ различныхъ театровъ, учрежденій, группъ (офицеровъ л.-гв. Павловскаго полка) и друзей (отъ товарища предсѣдателя Литературно-Художественнаго общества генералъ-лейтенанта А. Н. Маслова и его супруги—вѣнокъ съ надписью «Вѣчная память вѣрному другу Василію Пантелеймоновичу») и др.

Надписи такъ характеризуютъ покойнаго: «Истинному художнику сцены»—отъ А. С. Суворина, «Памяти вдохновеннаго художника» отъ московскаго Художественнаго театра, «Директору-другу» отъ преподавателей Театральной школы, «Прими наше послѣднее прости, незабвенный, любимый, великій учитель нашъ» отъ учащихся Театральной школы, «Не говорите мнѣ, онъ умеръ... онъ живетъ», «Гордости русской сцены», «Ты былъ... ты есть... ты будешь съ нами» отъ театра Литературно-Художественнаго общества, «Аристократу русской сцены» отъ школы сценическаго искусства и пр.

Изъ церкви гробъ былъ донесенъ на рукахъ друзей до могилы, рядомъ съ Д. В. Григоровичемъ, близъ Большого собора, черезъ дорожку—могилы И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова. Мѣсто выбрано удачно и какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ славѣ и талантамъ Далматова. Передъ открытой могилой было сказано нѣсколько рѣчей, произнесены стихотворенія. Раньше въ храмѣ произнесъ надгробное слово настоятель церкви дирекціи Императорскихъ театровъ о. Пигулевскій.

Особенно трогательнымъ было слово Владимира Николаевича Давыдова.

Заслуженный артистъ своей сердечной оцѣнкой дарованія и достоинствъ покойнаго вызвалъ глубочайшее вниманіе. Толпа замерла и вмѣстѣ съ артистомъ переживала всю значительность утраты. Онъ сказалъ:

«Всѣ ждутъ надгробнаго слова. Но что сказать?! Слова мертвы передъ такими людьми, какъ онъ. Хвалить и про-

славлять его излишше. Онъ самъ прославилъ себя своимъ могучимъ талантомъ... Русская драма понесла невозвратимую потерю, погасъ ея лучшій свѣточъ. Мы потеряли джентльмена, благороднаго руководителя учащихся театральной школы, радѣтеля ея нуждъ и печалей, хорошаго человѣка... Осѣнимъ себя крестнымъ знаменемъ и пожелаемъ ему Царства Небеснаго... Спи, спи покойно, добрый, незабвенный товарищъ. Прощай, до скораго, скораго свиданія...»

Такъ говорилъ Давыдовъ. Простота его рѣчи и заключительныя искреннія слезы тронули до глубины души слушателей. Многіе, вслѣдъ за В. Н. Давыдовымъ, горько и безутѣшно плакали.

Артистъ Всеволодскій и ученикъ театральной школы Поплавскій прочли свои стихотворенія, г. Сладкопѣвцевъ художественно набросалъ печаль героинь и героевъ пьесъ объ утраченномъ ими королѣ Лирѣ, Гамлетѣ... Ученица театральной школы Горчакова оплакала невозвратность потери учителя-друга Далматова... Артистъ Корвинъ-Круковскій провозгласилъ вѣчную память. «Вѣчная память» была спѣта и повторена тысячью голосовъ.

Долго не расходились, долго толпились у свѣжей могилы, надъ которой водруженъ былъ временный деревянный крестъ съ портретомъ покойнаго и надписью:

«Артистъ Императорскихъ театровъ Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, 14 февраля 1912 г.»

Послѣ погребенія В. П. Далматова учащіеся и многіе преподаватели Театральной школы имени А. С. Суворина собрались въ помѣщеніи школы, чтобы подѣлиться впечатлѣніями о горестной утратѣ. Замѣститель Далматова А. А. Плещеевъ, предложивъ сначала почтить память покойнаго вставаніемъ, обратился съ краткой рѣчью къ присутствовавшимъ. Затѣмъ произнесъ рѣчь бывшій преподаватель школы В. В. Сладкопѣвцевъ, коснувшійся взглядовъ Далматова на преподаваніе въ школѣ. Ученикъ старшей группы г. Островскій вспомнилъ лекцію Далматова объ этикѣ актера. Всѣ бесѣды были посвящены В. П. Далматову.

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

загримированный одною только тушью подъ А. С. Пушкина въ день празднованія 50-лѣтія со дня смерти великаго поэта.

«... Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ».

(Живая картина въ Маломъ театрѣ въ Петербургѣ—театръ А. С. Суворина).

Уральский ... Научная библиотека г. ...ловск

Артисты о Далматовѣ.

Кончина В. П. Далматова заслонила собой всѣ театральныя злобы дня.

Многіе артисты не могли опомниться отъ неожиданнаго, страшнаго удара.

Всего какую-нибудь недѣлю назадъ видѣли Василія Пантелеймоновича хлопотавшимъ на маскарадѣ въ Маломъ театрѣ.

Правда, онъ выглядѣлъ утомленнымъ, усталымъ, но могла-ли кому-нибудь придти мысль о столь быстромъ концѣ.

Самъ Василій Пантелеймоновичъ былъ далекъ отъ мысли такъ скоро умереть.

Въ день смерти, до двухъ съ половиной часовъ дня, онъ былъ въ полномъ сознаніи и даже велѣлъ позвать парикмахера.

Интересовался перемѣной репертуара въ Александрійскомъ театрѣ, жадно читалъ газеты, ища сообщеній о своей болѣзни.

Что̀ потерялъ русскій театръ въ лицѣ покойнаго?

Предоставимъ объ этомъ высказаться его товарищамъ по Александринскому театру.

В. А. Мичурина.

— Сейчасъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, даже трудно опредѣлить цѣнность этой потери. Одно несомнѣнно: потеря громадная.

Такихъ артистовъ, какъ Далматовъ, можно замѣстить, но нельзя замѣнить.

Мы, артисты, больше всего потеряли въ немъ не обыкновеннаго товарища, а товарища-друга, деликатнаго, корректнаго, воспитаннаго человѣка.

За 25 лѣтъ, что я прослужила въ Александрпнскомъ театрѣ, у меня пикогда не было съ нимъ пикакихъ недоразумѣній.

Думаю, что пи у кого пхъ съ нимъ не было.

Еще недавно, послѣ того, какъ прошелъ мой юбилей, я ѣздила благодарить всѣхъ участвовавшихъ въ немъ.

Далматова я не застала и оставила ему визитную карточку.

Онъ позвонилъ мнѣ по телефону и, въ свою очередь, благодарилъ меня за впзитъ, прибавивъ, что извиняется за то, что немного испортилъ мнѣ мой праздникъ своей неудачной игрой.

Онъ обвинялъ въ этомъ свое сердце.

Я думала, что онъ, какъ всегда, шутитъ, говоря о сердцѣ, но онъ прибавилъ серьезнымъ топомъ:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, у меня что-то неладное съ сердцемъ.

Послѣ газетныхъ рецензій о «Свѣтитъ да не грѣетъ», въ которыхъ ему дѣлались упреки за неясное произношеніе, онъ употреблялъ усплія, чтобы яспѣе говорить, и чувствовалось, какъ ему это трудно было.

Послѣдній разъ, въ день закрытія спектаклей, передъ Великимъ постомъ, мы играли съ нимъ «Провинціалку», и онъ былъ страшно счастливъ, что на спектаклѣ присутствовали высокопоставленныя особы.

Кстати, припомнпаю, что онъ жаловался, какъ ему трудно пѣть въ этотъ вечеръ.

Онъ первничалъ и сердился на какую-то дверь, которую закрыли.

Не могу себѣ представить, кто можетъ теперь играть вмѣсто него графа Ступендьева?

Далматовъ могъ служить примѣромъ для всей труппы, въ смыслѣ удивительнаго отношенія къ дѣлу.

Человѣкъ пикогда въ жизни не хворалъ.

Въ прошломъ году, утомленная спектаклями, я шутя сказала ему:

— Хоть-бы кто-нибудь прихворнулъ, что-бы перемѣнили пьесу. На васъ, Василій Пантелеймоновичъ, плохая надежда.

— Да, просите, что угодно, но только не этого,—отвѣтилъ онъ.—Хворать я не умѣю.

Сейчасъ я ѣду играть «Прохожихъ».

Давыдовъ тоже играетъ, и мы сегодня говорили съ нимъ объ этомъ: нужно смѣяться, плясать, а на душѣ такъ тяжело... Вотъ ужъ правда: «смѣйся, паяцъ»!

К. А. Варламовъ.

— Двухъ мнѣній о Далматовѣ быть не можетъ. Прекрасный человѣкъ, честный, милый, незлобивый, всѣми любимый, относившійся ко всѣмъ удивительно учтиво, тепло, словомъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ людей.

— Какъ артистъ?

— Очень талантливый, но съ своеобразнымъ толкованіемъ, которое нравилось ему, но не нравилось публикѣ.

Я его любилъ въ комедіи, а не въ драмѣ.

Онъ незамѣнимый графъ въ «Провинціалкѣ» и прекрасный князь Обрѣзковъ въ «Живомъ трупѣ».

Такія роли всѣ у него были великолѣпны.

Вообще, это страшная утрата, и больше всего потеряли его товарищи.

Мы всѣ убиты горемъ.

Р. Б. Аполлонскій.

— О Далматовѣ можно сказать очень много. Во-первыхъ, это первоклассный актеръ, во-вторыхъ, образецъ безпримѣрнаго отношенія къ дѣлу, въ-третьихъ, превосходный това-

рищъ, а въ общемъ—это незамѣнимая потеря для театра. Я бы поставилъ имя Далматова на ряду со всѣми лучшими корифеями сцены.

Несмотря на нѣкоторый недостатокъ дикціи, который ему, однако, не мѣшалъ, онъ былъ крайне разнообразнымъ актеромъ, одинаково превосходнымъ въ ролп Грознаго и въ роляхъ молодыхъ фатовъ.

Помните, какъ онъ безподобно игралъ въ «Кухнѣ вѣдьмы» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ его недавно въ Плюшкинѣ, и это тоже было очаровательно.

Далматовъ славился умѣньемъ гримироваться и его гримъ былъ художественнымъ.

Часто гримъ бываетъ мертвой маской, которая скоро надоѣдаетъ, а его гримы всегда исходили изъ самой отдѣлки роли, изъ пониманія ея.

Ю. М. Юрьевъ.

— Смерть Далматова—незамѣнимая потеря для театра.

Судите сами: кто можетъ его замѣнить въ «Свадьбѣ Кречинскаго» или въ «Провинціалкѣ»?

Я не вижу ни одного актера.

Необыкновенно корректный товарищъ, дивный человѣкъ.

Я прочелъ въ газетѣ, будто въ послѣднее время Далматовъ не зналъ ролей.

Съ Далматовымъ этого никогда не было.

Наоборотъ, съ самыхъ первыхъ репетицій онъ всегда, на зубокъ, зналъ роль.

Конечно, мы всѣ страшно огорчены этой смертью.

Если у покойнаго были недостатки, въ смыслѣ дикціи, то какіе за то онъ давалъ образы, настроенія, какой у него былъ масштабъ громадный, какія широкія заданія.

За это можно многое простить.

«Петер. Газ.»,
16 февраля 1912 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Воспоминанія о В. П. Далматовѣ.—Шутки, анекдоты, острословія и мысли о сценѣ и театрѣ В. П. Далматова.—«Театральныя интервью».—«Отдыхательные» діалоги.—О возрастахъ мужчины.—Завѣты стараго актера.—**10 актерскихъ заповѣдей.**—Объ актерѣ и необходимости для него знанія физіологическаго строенія человѣческаго тѣла.—О жестѣ, позѣ и мимикѣ.—О Дельсартѣ (Дель-Сартэ).—Объ Айседорѣ Дункапъ.—В. П. Далматовъ и молодые писатели.

Воспоминанія о В. П. Далматовѣ.

Въ лицѣ Василія Пантелеймоновича Далматова (Лучичъ въ общежитіи) умеръ не только одинъ изъ весьма талантливыхъ русскихъ артистовъ-художниковъ, но и благороднѣйшій дѣятель сцены, имя котораго не можетъ не занять почетнаго мѣста въ ряду другихъ славныхъ именъ русской образцовой сцены. Онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу ея корифеевъ.

Желая полнѣе нарисовать выдающуюся личность бывшаго премьера Александринскаго театра, я рѣшаюсь воспроизвести его образъ съ той именно стороны, которая особенно, помимо сценическаго искусства, въ немъ цѣнилась—именно со стороны его юмора, шутокъ и острословій. Въ этой способности Далматова рельефно и коротко охарактеризовать извѣстное положеніе, извѣстное лицо и извѣстное событіе выразилась его живая, энергичная, богатая наблюдательностью натура.

Талантъ его былъ разнообразный, яркій, сочный, красочный, весь сотканный изъ блестковъ и вдохновеній. Внѣшность его была весьма представительная: крупный, плотный, коренастый, съ хорошо развитой грудью, онъ обладалъ богатыми голосовыми средствами и одно время даже пѣлъ въ оперткѣ.

Репертуаръ его былъ разнообразенъ. Онъ игралъ Гамлета, Фердинанда («Коварство и Любовь»), Карла Моора, Лира, Донъ-Жуана въ «Севильскомъ обольстителѣ» А. Н. Бѣжецкаго, Грознаго, Чацкаго, Репетилова, Хлестакова, Кречинскаго, Несчастливцева, корнета Отлетаева, Мармеладова, Плюшкина, Тигелина въ «Смерти Агриппины» В. П. Буренина, Мерича въ «Бѣдной невѣстѣ» Островскаго, Телятьева, герцога Альбу, Наблоцкаго, Тарелкина («Смерть Тарелкина»), Макбета, Петруччіо («Усмиреніе строптивой») и многія другія роли.

Мало того, онъ былъ великолѣпенъ въ чисто комедійныхъ пьесахъ, тамъ, гдѣ требовался юморъ.

Огромный талантъ, изумительная гибкость и удивительная работоспособность позволяли ему легко переходить отъ одной роли къ другой, несмотря на то, что онѣ бывали взаимно противоположны и весьма разнохарактерны.

Человѣкъ благородныхъ переживаній, изящный, джентльменъ въ душѣ и аристократъ по манерамъ, онъ былъ на русской сценѣ лучшимъ исполнителемъ «салонныхъ» ролей.

Помимо этихъ способностей, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ былъ въ высокой степени находчивый и остроумный застольный ораторъ, великолѣпный собесѣдникъ, всегда и ко всѣмъ благожелательный. Его юморъ славился, но юморъ у него былъ незлобивый, задушевный, дружескій, точно скорбящій о несовершенствѣ человѣческой природы.

Какъ товарищъ, онъ былъ предупредительнымъ и чуткимъ; точно также и учителемъ. Онъ былъ всегда другомъ мо-

лодежи—театральной и литературной. Гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ талантливаго молодого человѣка, онъ сейчасъ обогрѣвалъ его, ободрялъ и старался угадать, на что́ онъ способенъ.

Про одного молодого драматурга и теоретика сцены, печатавшаго свои статьи въ «Ежегодникѣ» Императорскихъ театровъ, онъ говорилъ:

— Его представленія о монотеатрѣ, быть можетъ, и справедливы, но выражены-то они такъ туманно и неясно, что сердцевины не видишь и не знаешь, гдѣ ее искать. Не чувствуешь, чтобы онъ самъ ясно представлялъ себѣ свой монотеатръ, не чувствуешь, чтобы между его душой и его монотеатромъ было единство, была причинная психологическая связь.

Вотъ что писалъ одинъ весьма тонкій и зоркій наблюдатель и цѣнитель театра и литературы (А. Измайловъ) о Василіи Пантелеймоновичѣ Далматовѣ:

«Иногда нѣтъ ничего противнѣе актерства въ человѣкѣ, вѣчной позы, подъ которой не разсмотрѣть настоящей души и настоящаго лица. Въ Далматовѣ это было наивно-мило, вѣяло отъ этого какой-то умирающей стариной, актерствомъ добраго стараго времени, романтикой и идеализмомъ забытыхъ сороковыхъ годовъ.

«Это было положительно стильно и прямо хорошо въ немъ, ибо это стало второй его натурой. И старый идеализмъ, юношескій энтузіазмъ, повышенность жеста, тона и мимики, трагическій смѣхъ или патетическое восклицаніе—все это стало подлиннымъ проявленіемъ его психики.

«Только совсѣмъ не знающему его человѣку, встрѣчающему его въ первый разъ, онъ могъ дать впечатлѣніе «зазнавшагося». О, этому человѣку было бы отъ чего зазнаться! Онъ вкусилъ отъ настоящей извѣстности и успѣха, и его голова могла иногда закружиться.

«Но Далматовъ не зазнался; въ компаніи ближайшихъ друзей, наединѣ, за столикомъ ресторана, въ его собствен-

номъ уголкѣ—мы видѣли его совершенно такимъ же, разгорающимся, впадающимъ въ паѳосъ, цитирующимъ Шекспира, покачивающимъ головой и бьющимъ себя въ грудь.

«Это была традиція, которую нести Далматовъ считалъ святымъ долгомъ актера, ибо слово «актеръ» для него звучало «гордо»: онъ долженъ былъ доблестно и отлично отъ другихъ блюсти свое званіе.

«Кто зналъ Далматова, какъ артиста, лишь послѣдній десятокъ лѣтъ, кто не видѣлъ его лѣтъ пятнадцать назадъ,—тотъ не зналъ Далматова. Какой это былъ сочный, прелестный талантъ, буйный, здоровый, широко расплеснувшійся! Онъ жилъ на сценѣ, и надо было его видѣть среди старшковъ—Свободина, Сазонова, Левкѣевой и нынѣ здравствующихъ—къ радости нашей—Давыдова, Варламова, Савиной, Стрѣльской.

«Веселье клокотало въ немъ и рвалось, кажется, даже помимо его воли. Поистинѣ онъ творилъ здѣсь же на сценѣ, можетъ быть, еще за минуту самъ не зная, какими огнями сейчасъ вспыхнетъ его молодой полножизненный талантъ.

«Такимъ молодымъ, задорнымъ, смѣющимся самымъ искреннимъ смѣхомъ,—потому что ему самому было тогда весело,—я помню его въ «Укрощеніи строптивой», гдѣ онъ создалъ неподражаемо живой образъ красиваго и обаятельнаго укротителя Катарины.

«Какой это былъ Хлестаковъ, какой Кречинскій, какой Агишинъ (въ «Женитьбѣ Бѣгушина»)!

«Годы революціи, крахъ идеализма, безотрадные идеалы новыхъ поколѣній, личныя огорченія,—все это, видимо, ударило огненнымъ штемпелемъ прямо въ сердце Далматова. Просто какъ человѣкъ, онъ какъ-то вдругъ растерялся, осѣлъ, состарился и погасъ.

«Послѣ возвращенія своего изъ послѣдней сибирской поѣздки, которая принесла ему бездну разочарованій, скорбѣлъ онъ не столько за себя, сколько вообще за актерскую судьбу, за актерскую кабалу у антрепренера, за поруганіе

Уральский Госуниверситет
Научная библиотека
г. Свердловск

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли корнета Отлетаева въ комедіи кн. Кугушева того же имени.
Одна изъ коронныхъ ролей В. П.

и оплеваніе искусства, которое для него было, дѣйствительно, святымъ, а кругомъ становилось лавочнымъ товаромъ.

«Въ этой тяжелой атмосферѣ новаго вѣка жить старому актеру становилось все труднѣе и труднѣе» («Биржевыя Вѣдомости», 15-го февраля 1912 года).

А еще ранѣе тотъ же авторъ говоритъ:

«Умеръ хорошій, старый актеръ и славный, добрый, веселый человѣкъ «Вася Далматовъ», какъ его звали всѣ, старъ и малъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе и зналъ его. А зналъ его буквально весь Петербургъ.

«Типичный актеръ стараго закала ушелъ съ добрымъ и вѣчнопамятнымъ Васпліемъ Пантелеймоновичемъ,—старый актеръ, влюбленный въ сцену, влюбленный въ старыя преданія и старый театральный обрядъ, хранившій ихъ такъ, какъ хранитъ старообрядецъ священный прапрадѣдовскій обрядъ вѣры.

«Ничего больше въ жизни не было для него выше этой великой любви, никакихъ иныхъ влеченій, никакихъ иныхъ воспоминаній. Театръ, актеръ и—больше ничего».

* * *

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ (Лучичъ) началъ свою артистическую дѣятельность въ Одессѣ, какъ любитель. Мало-по-малу онъ сталъ втягиваться въ сценическое дѣло и сдѣлался профессіональнымъ актеромъ.

Съ юга Россіи онъ перекочевалъ въ Москву, гдѣ вошелъ въ «Частный Пушкинскій театръ», иниціаторшей котораго была г-жа Бренко. Оттуда перешелъ въ «Русскій театръ», впослѣдствіи театръ Корша, построенный Степановымъ и Ліанозовымъ. Въ періодъ времени отъ «Пушкинскаго театра» до Малаго (Литературно-Художественнаго общества въ Петербургѣ) театра, т.-е. до того времени, пока В. П. не состарился, онъ съ особенной художественностью игралъ роли московскихъ фатовъ въ пьесахъ А. Н. Островскаго. Исполненіе имъ ролей было до того закончено, что самъ

Островскій приходилъ смотрѣть его и апплодировалъ ему изъ партера.

Въ Москвѣ онъ пользовался исключительнымъ успѣхомъ у москвичей. Появились «далматисты» и «далматистки» или «далматинки». Увлеченіе Москвы В. П. Далматовымъ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія было исключительнымъ и единодушнымъ. О немъ говорили, какъ о выдающемся, даже великомъ актерѣ.

Знаменитый антрепренеръ Лентовскій хотѣлъ спеціально для него построить театръ. Съ нимъ всѣ носились, даже самъ А. Н. Островскій, тогдашній управляющій Императорскими театрами.

Въ 1884 году онъ вошелъ, по приглашенію завѣдующаго репертуаромъ А. А. Потѣхина, въ составъ Александринскаго театра.

На Александринской сценѣ онъ игралъ всѣ отвѣтственныя роли классическаго репертуара: Гамлета, Эгмонта, Вильгельма Телля и роли современнаго репертуара. На казенной сценѣ Василій Пантелеймоновичъ не нашелъ должной оцѣнки со стороны непосредственнаго *чиновнаго* начальства.

Въ 1894 году при драматургѣ В. А. Крыловѣ, завѣдывавшемъ репертуаромъ Александринскаго театра, онъ покинулъ казенную сцену.

Драматическія пьесы В. А. Крылова, которыя, по преимуществу, и ставились, Василій Пантелеймоновичъ не цѣнилъ, не находилъ въ нихъ литературныхъ и сценическихъ достоинствъ и играть въ нихъ не считалъ для себя, какъ актера классическаго репертуара и традицій, возможнымъ. Отношенія лично съ В. А. Крыловымъ обострялись. Въ результатѣ онъ не выдержалъ и ушелъ въ отставку. Поѣхалъ на гастроли въ Москву.

Черезъ годъ вернулся въ Петербургъ. Принялъ ближайшее участіе въ организаціи Литературно-Художественнаго кружка, впослѣдствіи переименованнаго въ «Литературно-

Художественное Общество», и былъ выбранъ директоромъ «Кружка». Театръ «Кружка» началъ свои дѣйствія при содѣйствіи Василія Пантелеймоновича въ залѣ Кононова на Мойкѣ. Еще ранѣе, въ первые годы своего существованія, кружокъ поселился по Невскому проспекту, д. № 60. Въ немъ, какъ мнѣ разсказывалъ А. Я. Брафманъ, одинъ изъ нынѣшнихъ директоровъ Литературно-Художественнаго Общества, активную роль играли А. С. Суворинъ, артистъ Александринскаго театра Корвинъ-Круковскій, который много думалъ объ увеличеніи средствъ Кружка, и другъ. Затѣмъ кружокъ перемѣнилъ еще двѣ квартиры и, наконецъ, совершенно осѣлъ на Невскомъ пр., д. № 16, гдѣ пребываетъ и понынѣ.

Когда въ 1895 году былъ образованъ, при главномъ содѣйствіи А. С. Суворина, свой театръ (Малый театръ), Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ сдѣлался въ немъ премьеромъ, выступивъ въ первый разъ въ своей лучшей роли трагическаго репертуара—Іоаннѣ Грозномъ («Смерть Іоанна Грознаго» Ал. Толстого), въ «Королѣ Лирѣ», въ «Макбетѣ», «Укрощеніи строптивой» Шекспира и т. д.

Въ 1901 году онъ опять былъ приглашенъ на Императорскую сцену, выступивъ въ пьесѣ А. Н. Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ», въ роли Миловидова.

Съ тѣхъ поръ Василій Пантелеймоновичъ пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ у публики.

* * *

Помимо чисто артистической дѣятельности, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ не чуждъ былъ и писательства. Онъ написалъ, когда былъ помоложе, нѣсколько оригинальныхъ пьесъ: «Трудъ и капиталъ», «Бѣсъ корысти попуталъ», «Облава» и много другихъ, цѣлыхъ два тома. «Облава» ставилась на Императорскихъ сценахъ, въ театрахъ Корша, Горевой, Ѳедотова.

Наиболѣе интересная его книга, посвященная актерству и театральнымъ воспомнпаніямъ, «По ту сторону кулисъ», была выпущена въ 1908 году и достойна большого вниманія.

Его перу принадлежитъ много фельетоновъ, разсказовъ и повѣстей изъ театральной жизни въ «Новомъ Времени», въ «Театрѣ и Искусствѣ», «Нивѣ», «Новомъ Мірѣ» и другихъ изданіяхъ.

Чтобы показать, какъ велика была скорбь по этомъ человѣкѣ, когда только разнеслась вѣсть объ его смерти, достаточно помянуть, что многіе сильно плакали и добровольно простаивали всю ночь на панихидахъ, а ученики и ученицы Театральной школы имени А. С. Суворина дежурили по двое съ двухъ сторонъ гроба всѣ ночи.

Въ этомъ отношеніи надписи на лентахъ вѣнковъ, присланныхъ на его гробъ, свидѣтельствуютъ о безграничной любви къ нему людей самыхъ различныхъ слоевъ.

Какъ нарочно, самой судьбой было назначено пріютить его прахъ на Волковомъ кладбищѣ возлѣ его друзей—Григоровича и Тургенева.

Былъ грустный, хмурый, холодный день. Падалъ снѣгъ, шелъ дождь... Проносился рѣзавшій лицо вѣтерокъ. Мы хоронили Василія Пантелеймоновича. Было очень грустно. Но когда свое слово сказалъ Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ, славный артистъ Императорской Александринской сцены, то многіе заплакали.

Въ Василіи Пантелеймоновичѣ Далматовѣ я хотѣлъ бы отмѣтить помимо рыцарства, джентльменства, доброты и аристократичности духа, еще одну черту, не отмѣченную его біографами.

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, въ своемъ преклоненіи передъ женщинами, былъ вполнѣ европеецъ, былъ воплощеніемъ благородныхъ традицій испанскаго гранда Донъ-Жуана и былъ имъ вполнѣ безсознательно, инстинктивно. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ былъ Донъ-

Жуаномъ въ высшемъ, прекрасномъ значеніи этого слова. Его умѣніе одѣваться, укрѣплять свой организмъ, свои артеріи и мускулы, быть всегда физически здоровымъ, до щепетильности опрятнымъ, со всѣми обмываніями и обтираніями, было потребностью вложеннаго въ него начала—европейца Донъ-Жуана, смотрящаго на себя, какъ на рыцаря, какъ на кавалера, и на женщину, какъ на даму, а не какъ на предметъ только буйныхъ страстей мужчины. Въ этой-то его чертѣ и нужно искать основанія, почему онъ отдавалъ женщинѣ «всѣ лучшіе соки» своего сердца.

Во многихъ роляхъ, гдѣ нужно было играть барина, эта его черта чрезвычайно оттѣнена. Онъ въ самомъ себѣ, путемъ длительнаго процесса, путемъ долгой работы надъ собой выработалъ, вычеканилъ, какъ чеканятъ и шлифуютъ алмазъ, превращая въ брильянтъ, эти черты донъ-жуанства, рыцарства и джентльменства.

Чтобы еще болѣе понять, какъ онъ былъ дорогъ своимъ друзьямъ, можно привести много фактовъ, но одинъ изъ нихъ наиболѣе характерный.

По какому-то случаю, желая отмѣтить какой-то счастливый день жизни Василія Пантелеймоновича, его друзья въ складчину поставили ему на его квартирѣ телефонъ. Весь фокусъ состоялъ въ томъ, чтобы онъ объ этомъ не зналъ. Вскорѣ Василій Пантелеймоновичъ былъ очень пораженъ, когда услышалъ въ своей квартирѣ звонокъ телефона, который онъ не желалъ себѣ ставить изъ глубокаго убѣжденія, что ему не будутъ давать покоя, но противъ воли друзей онъ не возражалъ. Работа по проведенію телефона велась чрезвычайно конспиративно, въ отсутствіе В. П., причемъ то мѣсто, гдѣ монтеръ устанавливалъ телефонъ, нарочно заставили большимъ шкафомъ, такъ что всей черновой работы В. П. не видѣлъ.

Этотъ маленькій, казалось бы, на первый взглядъ, фактъ можетъ только свидѣтельствовать о томъ, что Васи-

лій Пантелеймоновичъ былъ способенъ внушать къ себѣ глубокую и искреннюю любовь.

Однако, я не могу не упомянуть, что многіе, въ томъ числѣ и драматургъ А. Н. Островскій, пріятель Василія Пантелеймоновича, говорили, что Василій Пантелеймоновичъ—Несчастливцевъ. Однако, смерть его не была смертью Несчастливцева. Онъ умеръ хорошо, въ шесть дней. Умеръ, точно подрубило стебель, точно срѣзана вѣтка. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ сломался, какъ ломаются сучья, здоровые, крѣпкіе, никогда не болѣвшіе сучья, безъ предварительнаго процесса сгниванія. Въ нѣсколько дней. Развѣ такъ умираютъ Несчастливцевы? Умереть хорошо, съ чистой совѣстью и безъ излишнихъ страданій—тоже большая и рѣдкая способность.

Помимо этого, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ умеръ во-время, умеръ въ репертуарѣ, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Я не могу себѣ представить Василія Пантелеймоновича безъ роли, безъ игры, безъ театра. Я не могу представить его себѣ «бывшимъ» актеромъ, гдѣ-нибудь въ богадѣльнѣ, въ больницѣ или на пенсіи. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ и театръ были слиты воедино. Онъ умеръ гордо, на своемъ актерскомъ посту, умеръ, интересуясь актеромъ, репертуаромъ Александринскаго театра, и, передъ уходомъ въ непзвѣстную вѣчность, призывалъ къ себѣ проститься одно изъ плѣнительныхъ именъ русской сцены и его старыхъ товарищей—Марію Гавриловну Савину.

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ умеръ во-время, умеръ не старый духомъ, сильный и бодрый, умеръ такъ, какъ умираетъ вѣрный своему долгу часовой.

* * *

Мое знакомство съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ Далматовымъ случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Десять лѣтъ тому назадъ я получилъ однажды письмо.

По почерку я никакъ не могъ угадать, кто мнѣ пишетъ. Почеркъ ровный, красивый, съ симметричными возвышеніями и пониженіями и твердымъ нажимомъ пера въ заглавныхъ буквахъ и въ росчеркѣ. Среди многочисленныхъ моихъ корреспондентовъ—литературныхъ и научныхъ—никто не имѣлъ такого своеобразнаго почерка. Я вскрылъ. На визитной карточкѣ значилось:

«Василій Пантелеймоновичъ

Далматовъ

привѣтствуетъ юнаго друга старой науки юриспруденціи, желаетъ съ нимъ познакомиться и видѣть его не въ торжественной обстановкѣ визита, а въ скромной обстановкѣ обѣда завтра у него дома».

Прочитавъ это приглашеніе, я улыбнулся. Меня озадачилъ стиль. Но затѣмъ чувство глубокой радости мною овладѣло. Я никакъ не могъ уяснить, почему Далматовъ, *самъ Далматовъ*, пишетъ мнѣ первый, зоветъ къ себѣ. Приходя въ Александрійскій театръ, среди великихъ стариковъ русской сцены—Савиной, Давыдова, Варламова—я восхищался монументальностью Далматова, его глубокой проникновенностью, баритональными тонами его голоса, его яркой читкой и дикціей, его удивительнымъ гримомъ, его способностью создавать роль на сценѣ.

В. П. Далматова я видѣлъ неоднократно въ Маломъ театрѣ (театръ Литературно-Художественнаго Общества), въ «Новомъ театрѣ» Лидіи Борисовны Яворской (княгини Барятинской), въ пьесахъ мужа которой, князя Владимира Владимировича Барятинскаго, особенно въ «Карьерѣ Наблоцкаго», такъ хорошъ былъ Василій Пантелеймоновичъ, а затѣмъ въ Александрійскомъ театрѣ.

Сценическій образъ былъ достаточно опредѣленный и ясный,—образъ большого актера, полнаго глубокихъ художественныхъ переживаній, живущаго театромъ и сценой и

думающаго думами о театрѣ и сценѣ. Театръ и сцена были слиты въ моемъ представленіи въ одно цѣлое съ Далматовымъ. Это было бронзовое скульптурное изваяніе, гдѣ стоялъ В. П. Далматовъ среди своихъ товарищей по сценѣ, возвышаясь между ними, на подмосткахъ, внизу стояли женщины и люди, справа—Александрінскій театръ въ колоннахъ, такой невеселый, неяркій, скучающій, а надъ Далматовымъ безоблачное, яркое небо, небо въ лучахъ,—незатемненное, небо русскаго драматическаго искусства. Для меня онъ былъ высокъ и недосягаемъ, и въ дымкѣ романтической дали онъ моему юному воображенію не представлялся человѣкомъ обыденнымъ, человѣкомъ каждодневной человѣческой суеты и пошлости, а человѣкомъ, поднимающимся надъ этой суетой и пошлостью въ высоту свѣтлаго русскаго драматическаго искусства, гдѣ онъ постоянно творилъ. Онъ былъ для меня большой человѣкъ.

И вдругъ этотъ большой человѣкъ мнѣ пишетъ.

Вечеромъ того же дня все разъяснилось.

Я получилъ письмо отъ моего брата, друга покойнаго Модеста Ивановича Писарева, у котораго въ 1886—1887 гг. живалъ подолгу Василій Пантелеймоновичъ. Братъ [1]) мнѣ сообщалъ, что онъ на этихъ дняхъ написалъ В. П. Далматову обо мнѣ, вслѣдствіе ихъ давнишнихъ пріятельскихъ отношеній.

Приглашеніе Василія Пантелеймоновича предупредило извѣщеніе брата. Это было деликатно и тонко.

Я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе въ область отношеній моего старшаго брата съ М. И. Писаревымъ и В. П. Далматовымъ.

М. И. Писаревъ очень цѣнилъ молодого даровитаго ар-

---

[1]) Нынѣ мой братъ Д. Н. Міхайловъ состоитъ въ должности Предсѣдателя Кавказской Археографической Комиссіи, авторъ многочисленныхъ научныхъ статей и книгъ по русской литературѣ и археологіи, и постоянно проживаетъ въ Тифлисѣ.

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли корнета Отлетаева въ комедіи князя Кутушева того же имени. Одна изъ коронныхъ и любимыхъ ролей Василія Пантелеймоновича. Игралъ повсюду, въ столицахъ и въ провинціи, начиная съ 1880 года. Въ Петербургѣ и въ лѣтнемъ театрѣ въ Орапіенбаумѣ Вас. Пант. игралъ эту роль въ первый разъ въ 1887 году вмѣстѣ съ нынѣ заслуженнымъ артистомъ Имп. Александринской сцены Р. Б. Аполлонскимъ.

Г. ...ЛОВСК

тиста и очень дружилъ со старыми и молодыми писателями и поэтами. Неоднократно онъ захаживалъ къ требовательному и строгому литературному критику, другу самобытника-славянофила Аполлона Григорьева, философу Н. Н. Страхову, съ которымъ частенько у него бывали «умственные» споры.

Еще былъ одинъ человѣкъ, къ которому весьма тяготѣлъ М. И. Писаревъ, это—профессоръ петербургскаго университета по каѳедрѣ русской литературы, знаменитый Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Тутъ любознательный до старости лѣтъ и чуткій Модестъ Ивановичъ многое почерпалъ для себя.

И у Н. Н. Страхова, и у О. Ѳ. Миллера собиралась молодежь, какъ университетская, такъ и литературная. Мой братъ былъ весьма близокъ къ обоимъ и, особенно, къ Н. Н. Страхову.

Тутъ онъ познакомился съ М. И. Писаревымъ, а у М. И. онъ встрѣтилъ В. П. Далматова.

Вскорѣ всѣ трое подружились.

Мой братъ, кромѣ того, что кончалъ въ то время университетъ, успѣшно заканчивалъ консерваторію по классу рояля. Дѣло было давнее, въ 1885—1886 г.г.

Писаревъ часто ему говорилъ:

— Садись, братъ Дмитрій, за эту самую рояль и хвати намъ одну порцію Бетховенской сонаты съ громомъ, съ молніей, съ испугомъ маленькаго, немощнаго человѣка передъ дикими, могучими, великими красотами міра. Ударь перстами и извлеки изъ звуковъ великія силы!

Однажды, послѣ такой игры, М. И. сказалъ:

— Ну, вотъ, и благодарю... Спала съ души тяжесть, возродился, очистилась душа. Я—есмь теперь человѣкъ. Что думаешь ты, братъ Василій?

— Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ...—отвѣчалъ Василій Пантелеймоновичъ,—нынѣ же безотлагательно приступающаго къ водкѣ и закускамъ.

Встрѣчи моего брата съ М. И. Писаревымъ и В. П. Далматовымъ за время 1886—1887 гг. были весьма часты. Кажется, въ 1887 г. у Василія Пантелеймоновича была уже своя небольшая квартира (П. П. Гнѣдичъ говорилъ мнѣ, что она была на Надеждинской ул.), въ которой онъ устраивалъ холостецкіе обѣды и завтраки съ «красивѣйшими женщинами міра».

Съ 1884 г. по 1887, т.-е. почти три года, Василій Пантелеймоновичъ очень много работалъ надъ ролями, весьма цѣня свое положеніе артиста Александрінской сцены.

Мой братъ былъ привлекаемъ на эти пирушки, по желанію Василія Пантелеймоновича, какъ «ученикъ честнаго славянофила Н. Н. Страхова и великаго учителя по части русской литературы Ореста Ѳедоровича Миллера».

Въ воскресенье, согласно его приглашенія, я былъ у Василія Пантелеймоновича въ его квартирѣ. Было начало пятаго. Къ обѣду подошелъ драматургъ, полковникъ Тупошенскій.

Въ семейной обстановкѣ сѣли обѣдать. Удивительное гостепріимство. Со мной велась бесѣда на литературныя и научно-юридическія темы, съ Туношенскимъ—на театральныя. Домашній хлѣбъ, который онъ такъ любилъ, его не удовлетворилъ; точно также недостаточно поджаристый поросенокъ... Онъ немного ворчалъ...

Съ этого дня мы видѣлись съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ весьма часто. Онъ повѣрялъ мнѣ свои дѣла, свои планы, свои сомнѣнія и разочарованія. Разница лѣтъ не давала себя чувствовать. Духъ у него былъ всегда молодой. Могучій, бурный темпераментъ иной разъ прорывался, и онъ едва сдерживалъ себя отъ негодованія противъ людей, «поппрающихъ ногами грубо, безразсудно свѣтлые идеалы любви, братства и добраго единенія». Онъ всегда имѣлъ въ виду конкретныхъ людей и конкретныя событія, антрепренеровъ и дѣльцовъ, артистовъ и режиссеровъ. Всѣ эти бурныя филиппики не выноси-

лись далѣе нашихъ комнатъ... Я молча ихъ встрѣчалъ. Я зналъ, что Василію Пантелеймоновичу надо выкричаться, высказаться, выпѣть въ бурныхъ тонахъ свой гнѣвъ, свое негодованіе, отойти и черезъ минуту онъ снова будетъ остроуменъ и деликатенъ. Онъ станетъ снова произносить свои рѣчи, вдумчивыя, примиряющія и ободряющія. Онъ станетъ вновь оглядываться по комнатѣ и спроситъ:

— Вѣдь, никто не слышалъ, какъ я сердился. Не столько сердишься, сколько голосъ, баритональные тона... дашь тонъ. Сердце-то ничсколько не трогается, сердце не сердится: оно спокойно... А вотъ голосъ, тотъ показываетъ свою силу, свою мощь. А сердце спокойно. Оно глядитъ на правыхъ и неправыхъ съ высоты своей мудрости.

— А когда играешь, когда творишь роль?—спросилъ я.

— Э, чего захотѣлъ! Роль—великое дѣйствіе актера, постоянное и сосредоточенное думаніе... Если сердце не сольется съ ролью, умъ не откроетъ логическаго содержанія роли и воображеніе, фантазія не представитъ самому актеру образъ, въ которомъ должна быть вычеканена роль, и все это не будетъ согрѣто любовью актера къ роли и къ автору, то актеръ не артистъ, не художникъ, а ремесленникъ. Ему надо бѣжа со сцены и признаться самому себѣ, что онъ ошибся въ избранной профессіи. О, сколькимъ слѣдовало бы уйти съ подмостковъ русской сцены! О, какъ бы слѣдовало расчистить ниву русской сцены! Какъ надо работать много и сосредоточенно работать надъ собой и въ самомъ себѣ, чтобы сдѣлаться артистомъ, художникомъ! Трудное дѣло.

— Это неправильно,—возразилъ я:—неправильно потому, что и среди ремесленниковъ, положимъ, самаго механическаго цеха—портныхъ и сапожниковъ, есть художники, умѣющіе выкроить такъ, что вашъ сюртукъ или ботинокъ легки, красивы и изящны, и если бы не было въ ходу неуклюжихъ, плохо сшитыхъ сюртуковъ и ботинокъ и всѣ бы хорошо кроили и шили, такъ не было бы воз-

можности дѣлить ихъ на дорогихъ и дешевыхъ, на художниковъ и ремесленниковъ.

— Не понимаю ремесленниковъ въ искусствѣ,—горячо, страстно говорилъ В. П.—Искусство—святая пристань, къ ней нельзя причаливать каждому, какъ и входить въ рай. Я не требую, чтобы всѣ, играющіе на сценѣ, были великими созидателями ролей, но требую, чтобы актеръ превращался въ артиста, въ художника, въ толкователя роли, кто, какъ и сколько можетъ, сообразно своей индивидуальности. *Я требую сліянія души актера съ ролью, я требую единства.* Всякій актеръ обязанъ, если онъ хочетъ быть артистомъ, художникомъ, бережно прикасаться къ созданію писателя; не оскорблять его, не умалять и не унижать... Онъ всегда долженъ его дополнять. Я говорю, конечно, только о такихъ сценахъ, гдѣ нѣтъ спѣшки и суетни, гдѣ каждому опредѣлено его мѣсто въ труппѣ и въ репертуарѣ, гдѣ каждому предоставлено время творить, а не покрывать хищническіе аппетиты антрепренеровъ быстрой смѣной пьесъ... О, еще много надо сдѣлать для упорядоченія русской сцены и устройства русской театральной братіи!.. Много дѣла... непочатый кругъ...—и Василій Пантелеймоновичъ куда-то уходилъ мыслями въ даль, и глаза его загорались блескомъ мудрости...

Подобные разговоры велись часто. Высказанныя имъ мысли являлись его задушевными, затаенными мыслями. О нихъ онъ говорилъ серьезно, и при этомъ его глаза, эти пронизывающіе, проникающіе въ человѣка глаза, острые и часто насмѣшливые, не мерцали, какъ это было у него всегда, когда онъ одушевлялся, а горѣли спокойнымъ блескомъ мудрости и смотрѣли куда-то далеко, туда, гдѣ когда-нибудь, въ далекомъ будущемъ, создастся идеальный русскій театръ.

Послѣдніе три года Василій Пантелеймоновичъ весь былъ проникнутъ желаніемъ основать настоящій народный театръ въ Петербургѣ. Съ этой цѣлью, со свойственной

ему осторожностью, зондируя почву у отдѣльныхъ гласныхъ петербургской городской думы, съ которыми онъ встрѣчался въ Литературно-Художественномъ обществѣ и въ другихъ мѣстахъ, онъ мечталъ о постройкѣ большого «Народнаго городского театра», гдѣ шла бы только драма, гдѣ, главное, было бы все образцово и дешево, на мѣстѣ цирка Чинизелли, который долженъ перейти къ городу за истеченіемъ срока контракта.

Тутъ предполагалась весьма сложная коммерческая комбинація.

Городъ едва ли далъ бы денегъ для народнаго театра, а если бы и далъ, то въ недостаточномъ количествѣ, и Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, въ своихъ планахъ, это обстоятельство учитывалъ. Онъ имѣлъ въ виду получить только стѣны и мѣсто подъ циркомъ Чинизелли, а капиталы онъ думалъ найти въ Москвѣ.

И дѣйствительно! Когда весной 1910 года онъ поѣхалъ въ Москву съ «Шантеклеромъ» въ составѣ труппы Малаго театра (Литературно-Художественнаго общества), то въ моемъ присутствіи Василію Пантелеймоновичу предлагали на это дѣло предварительно 600,000 рублей.

Такъ какъ мы жили съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ въ одномъ номерѣ, поодаль отъ насъ жилъ Б. С. Глаголинъ съ женой, а еще далѣе Кондратъ Николаевичъ Яковлевъ, артистъ Александринскаго театра, и я состоялъ у Василія Пантелеймоновича на амплуа его секретаря и юрисконсульта, то естественно, что Василій Пантелеймоновичъ не счелъ для себя возможнымъ не освѣдомить меня о предстоящемъ визитѣ «дѣловыхъ людей».

Фамиліи «дѣловыхъ людей» я не уполномоченъ открывать, они—москвичи. Ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— Слышали мы, Василій Пантелеймоновичъ, что думаете вы создать народный театръ. Мы пойдемъ на это дѣло. Сколько нужно?

Я посмотрѣлъ на Василія Пантелеймоновича и увидѣлъ, что онъ уже вооружается юморомъ: глаза пріобрѣтаютъ веселый блескъ и заостриваются на собесѣдникахъ, губы немного скосились и сжались.

— Денегъ нужна большая куча,—сказалъ Василій Пантелеймоновичъ.—Руками не обхватишь...

— Москва васъ любитъ,—сказали «дѣловые люди»,—крѣпко помнитъ, достанемъ, сколько можемъ, только бы вы не отреклись отъ дѣла. Стойте твердо и ведите его. Мы имѣемъ 600.000 на это дѣло.

Василій Пантелеймоновичъ уже совсѣмъ весело посмотрѣлъ на собесѣдниковъ и сказалъ:

— Ничего не сдѣлать! Мои планы большіе. Театръ долженъ быть оборудованъ по послѣднему слову сценической механики, съ разными усовершенствованіями и техническими приспособленіями, и при томъ это будетъ театръ, преслѣдующій не только высшія сценическія и литературныя цѣли въ драмѣ, но и учебное, педагогическое учрежденіе. Мой театръ долженъ учить правдѣ, добру, жизни, вѣрѣ въ Россію, любви къ ней, долженъ пробуждать лучшія чувства и благороднѣйшіе инстинкты. Мой театръ долженъ быть доступенъ всѣмъ... По нашимъ подсчетамъ, на это дѣло надо не менѣе полутора милліона... Собственно говоря, это дѣло города, а не частнаго лица, но, вѣдь, вы сами, чай, слышали, изъ кого состоитъ самоуправленіе города Петербурга. Для искусства у него ничего не добыть [1]).

«Дѣловые люди» призадумались. Во всякомъ случаѣ, Василій Пантелеймоновичъ не отказался отъ ихъ предложенія, и визитъ закончился завтракомъ въ «Метрополѣ».

Такимъ образомъ, Василій Пантелеймоновичъ уже имѣлъ базу для этого дѣла.

---

[1]) Въ ту пору городскимъ головой Петербурга былъ купецъ, нынѣ покойный, И. И. Глазуновъ и всѣмъ городомъ управляла выдвинувшая его консервативная партія.

Основаніемъ стремленія Василія Пантелеймоновича создать въ Петербургѣ народный театръ было то, что «Народный домъ» съ его «нехудожественной, уличной обстановкой» его не удовлетворялъ.

— Театръ,—храмъ,—говаривалъ Василій Пантелеймоновичъ.—Въ немъ надо сохранять благоговѣніе, тишину. У насъ и храмы не умѣютъ строить... Въ нихъ холодно и неуютно въ нихъ все громоздко. Въ храмѣ должно быть уютно и тепло. Храмъ—единственное мѣсто, гдѣ бездомному и оскорбленному человѣку оказываются радушіе и гостепріимство, не спрашивая платы за пропускъ. То же и театръ. Разница лишь та, что въ театръ за пропускъ надо платить' нельзя входить въ него въ грязныхъ сапогахъ, съ немытыми руками и лицомъ. Можете войти въ короткихъ залатанныхъ брюкахъ, въ бѣдномъ пиджакѣ, но предварительно счистите пыль, освободитесь отъ грязи вашей души, отъ злобы, отъ ненависти другъ къ другу, отъ житейской пошлости и душевной подлости. Театръ—храмъ. Храните въ немъ тишину и благоговѣніе.

Вторымъ желаніемъ Василія Пантелеймоновича было уйти съ Александринской сцены. Онъ усталъ.

— Нѣтъ репертуара, — говорилъ Василій Пантелеймоновичъ:—старье... Да и потомъ: хочется оставить послѣ себя память чѣмъ-нибудь. Театральная школа, которая создана въ честь одного изъ выдающихся, самобытныхъ геніевъ русской журналистики и драмы—Алексѣя Сергѣевича Суворина, будетъ первой ступенью практической школы, а второй—долженъ быть «Народный городской театръ»; а третьей и послѣдней будетъ Императорскій театръ. Но для моей труппы не будетъ необходимости уходить на Императорскую сцену, такъ какъ мы создадимъ не только для труппы, но и для всѣхъ служащихъ ссудосберегательныя кассы, страхованіе жизни отъ болѣзней, пенсіи и т. д., то именно, чего нѣтъ на казенной сценѣ и что единственно только и обезпечиваетъ дѣятелей сцены,

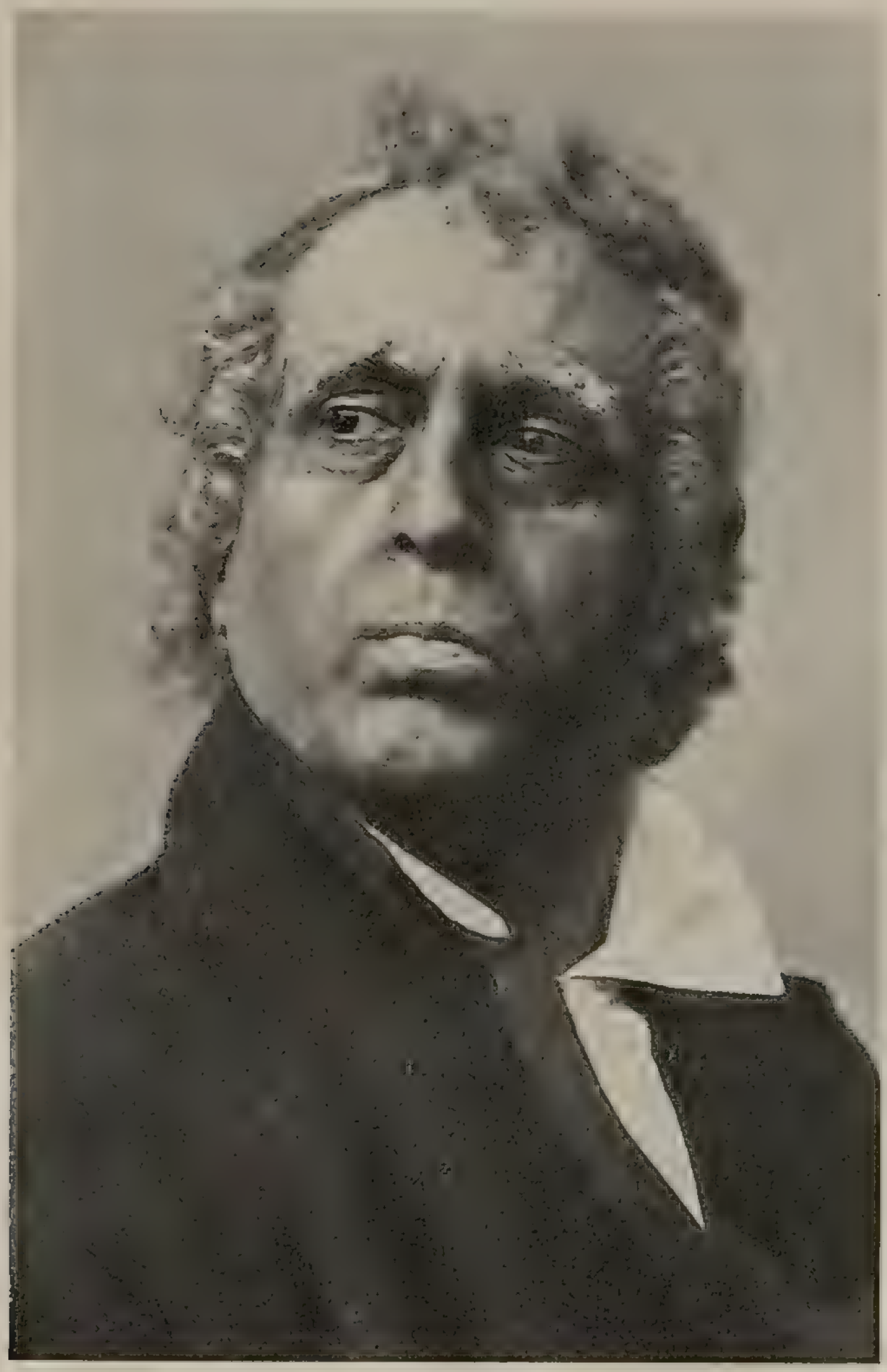
а моральное удовлетвореніе артистъ получитъ у насъ, такъ какъ и тамъ, и здѣсь публика одна и та же. Имѣя же въ виду, что городъ есть учрежденіе правительственное, то для служащихъ въ «Народномъ городскомъ театрѣ» будутъ выхлопотаны права службы. При бюро нашего театра будутъ состоять писатели—старые и молодые, особенно молодые, которые должны будутъ изучать сценическія свойства артистовъ, ихъ манеру играть и ихъ внутреннія качества, ихъ психологію. Благодаря такому пониманію актеровъ, писателямъ, талантливымъ и вдумчивымъ, будетъ легко создавать свои произведенія. Не надо подгонять свое писательство подъ талантъ, не надо излишне расшаркиваться и преклоняться предъ талантомъ артиста, не надо его идеализировать, но надо понять артиста, надо угадать, на какія возможности онъ способенъ, и въ дружной, совмѣстной работѣ надо вести искусство до грани совершенствованія, такъ какъ и писатель, и артистъ, въ равной степени, общественные дѣятели и служатъ одной великой цѣли—просвѣщенію и культурѣ Россіи.

При этомъ все лицо Василія Пантелеймоновича, бритое, бронзовое, съ толстыми чувственными губами, съ большимъ характернымъ лбомъ, озарялось свѣтлыми лучами, точно онъ въ дѣйствительности видѣлъ предъ собой эту грань совершенствованія. Идеальное будущее рисовалось его воображенію, какъ фактъ.

Насколько онъ жилъ судьбами русской сцены и ея дѣятелей, особенно провинціальныхъ, часто голодающихъ и обездоленныхъ, могутъ разсказать тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ долгіе годы засѣдалъ въ Императорскомъ Театральномъ Обществѣ. Чаще всего къ нему обращались лично. Однажды, когда мы возвратились къ нему на квартиру, то мы увидѣли, что корреспонденція едва протискивается въ его почтовый ящикъ.

Я говорю:

— Изобиліе плодовъ...



В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли секундъ-маіора Аптушева («Разгромъ» — историческія картины 1812 г. соч. П. П. Гнѣдича).

(Театръ Литературно-Художественнаго Общества въ Петербургѣ. — Театръ А. С. Суворина). 1898-й годъ.

— Ну, нѣтъ, изобиліе просителей, думающихъ, что у меня много плодовъ...

Передъ обѣдомъ онъ началъ раскрывать письма—изъ Томска, изъ Юрьева, изъ Новочеркасска, изъ Николаева, изъ Одессы—артисты просятъ помощи.

— Что я могу сдѣлать?.. Нужда велика, я знаю, но не могу же я всѣхъ содержать, силъ не хватитъ... Эти бѣдные думаютъ, что если ты добрался до дверей Александринскаго театра, то ты уже облагодѣтельствованъ судьбой, ты купаешься въ золотѣ. Наивные! Они не поймутъ что казенная сцена эксплоатируетъ артиста-художника...

— Что даетъ мнѣ казенная сцена? Ровно ничего... Развѣ она оцѣниваетъ людей? Каковы ея отношенія къ благороднымъ труженикамъ образцовой сцены? Какимъ словомъ назвать? Сплошной грабежъ... Провинціальная сцена, турне по провинціи дадутъ мнѣ въ десять разъ больше... И еще смѣются! говорятъ:—послужишь, миленькій, вѣдь никто такъ аккуратно не платитъ, какъ казенный театръ; хорошій, честный плательщикъ, да потомъ ежели ты особенно захочешь отличій, такъ мы тебѣ выхлопочемъ почетное гражданство, если ты изъ крѣпостной зависимости, а ежели дворянинъ, то ничего не выхлопочемъ. А золотые часы съ орломъ хочешь или запонки съ маленькимъ бриллянтикомъ и глупенькими сапфирами?! Не хочешь? Ну, такъ все равно дадимъ... Все-таки, заложить можно. Пожалуй, дадутъ тебѣ заслуженнаго... Заслуженный, это что же, старикъ, что-ли?!. Мнѣ лучше умереть, чѣмъ заслуженный... Казенная сцена не возвысилась до сихъ поръ до пониманія, что артисты казенной сцены не актеры, а творцы, созидатели сцены, ея культурные работники, ея прирожденные двигатели, что они—дѣятели сцены, какъ бываютъ дѣятели городскіе, общественные, политическіе, что не будь этихъ дѣятелей сцены, не было бы такого качества, какъ теперь, казенной сцены, что вся суть въ нихъ,

въ этихъ дѣятеляхъ сцены, а совсѣмъ не въ тѣхъ, кто управляетъ ими. Да, я вижу, вижу съ горечью въ душѣ, что меня грабятъ, вотъ уже лѣтъ двадцать.

— Такъ, Василій Пантелеймоновичъ, я не пойму, зачѣмъ стремиться на казенную сцену, особенно такимъ большимъ, крупнымъ сценическимъ дарованіямъ, какъ вы?! Вѣдь погибаютъ маленькіе таланты, а большихъ не согнешь. Даже жизнь со всѣми ея гадостями, подлостями и лишеніями предъ ними не властна.

— Вѣрно... Но только никогда не слѣдуетъ забывать: фирма хороша, вѣрный плательщикъ, безъ задержки и обмана. Затѣмъ:—Петербургъ, видимая культурность, женщины, книги, писатели, какое-то необъяснимое очарованіе большого, постоянно кипящаго города. Истомился я по культурѣ, по образованности и свыкся теперь съ ней, свыкся съ культурой жизни. Больно ужъ много блуждалъ я на своемъ вѣку по темной русской провинціи. Не могу же я, какъ въ былые годы, сегодня быть въ Кашинѣ, завтра въ Пензѣ, черезъ недѣлю въ Бердянскѣ, гдѣ будетъ на афишѣ выведено полуаршинными буквами: «пріѣхалъ на гастроли всеобщій любимецъ, знаменитый артистъ, драматическій актеръ NN, удостоенъ былъ пріема румынскимъ королемъ и занзибарскимъ султаномъ». Прежде это вранье было даже забавно, хотя и заставляло меня краснѣть, но теперь это противно, органически противно это шарлатанство, мелкое жульничество съ довѣріемъ публики. Однажды, впрочемъ, я сильно разсердился. Это было лѣтъ двадцать назадъ. Я разсердился на антрепренера за то, что онъ превратилъ меня въ кавалера какихъ-то орденовъ и въ друга какихъ-то королей. Накапунѣ только я пріѣхалъ въ этотъ городъ. Поѣхалъ въ театръ. Читаю афишу и глазамъ не вѣрю. Позвалъ къ себѣ антрепренера и говорю:

— Припли ко мнѣ, братецъ мой, отпечатанныя афишки.

— Зачѣмъ?

— Да пришли, говорю,—узнаешь!

— Весь запасъ?

— Весь запасъ.

— Ничего не понимаю!—и пожалъ плечами.

Прислалъ 1000 штукъ. Я далъ себѣ трудъ и разорвалъ ихъ пополамъ. Послалъ ему ихъ съ посыльнымъ на другой день, рано утромъ.

Онъ прилетѣлъ ко мнѣ блѣдный, смущенный.

— Что ты сдѣлалъ со мной? У меня нѣтъ афишъ для расклейки. Зарѣзалъ безъ ножа.

— Закажи. Напечатаютъ.

— Я закажу за твой счетъ...

— Что-о! да ты, братецъ, съума сошелъ!—и я такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что всѣ чашки и стаканы полетѣли:—я тебѣ, братецъ, не фокусникъ, не Робертъ Ленцъ, а русскій драматическій артистъ, волей Божіей артистъ и съ королями въ дружбѣ не состою. Я, братецъ, голодалъ, по шпаламъ ходилъ, послѣдніе штаны закладывалъ; но фокусникомъ не былъ и въ дружбу ни къ кому не лѣзъ. Я—русскій артистъ и больше ничего. Большимъ трудомъ я достигъ этого званія, постоянной, напряженной работою надъ собой, постояннымъ, напряженнымъ думаніемъ надъ тѣмъ, зачѣмъ я рожденъ и призванъ въ міръ. Я, братецъ мой, артистъ, а не шутъ, и играть съ довѣрчивостью милой, наивной русской публики тебѣ не совѣтую. Не слѣдуетъ обманывать дѣтей. Ихъ надо приласкать, погрѣть. Погрѣй ихъ, братецъ, талантомъ, теплотой и лаской твоего вдохновенія, а не шантажомъ, не пустой рекламой. Я не желаю участвовать въ шантажѣ, и тебѣ, братецъ, не совѣтую. Спроси Семенова-Самарскаго [1]), онъ мой нравъ знаетъ. Я непреклоненъ и твердъ. А теперь я тебя, братецъ, не задерживаю, ты можешь дѣйствовать.

---

[1]) Извѣстный провинціальный артистъ, впослѣдствіи артистъ Литературно-Художественнаго общества. Умеръ вскорѣ послѣ В. П. Далматова.

— И, что-же, ушелъ?—спросилъ я.

— А что ему было дѣлать? Ушелъ... Вѣроятно, мой видъ ему не понравился и мало внушалъ довѣрія за мирный исходъ нашей *пріятельской* бесѣды.

Пошли обѣдать... Какъ всегда, Василій Пантелеймоновичъ подливаетъ водки, краснаго вина, угощаетъ и о чемъ-то, видимо, напряженно думаетъ. Бесѣда идетъ лѣниво. Видя его состояніе духа, я не хочу его тревожить.

Наконецъ, Василій Пантелеймоновичъ спрашиваетъ:

— А сколько мы съ вами насчитали писемъ?

— Восемь штукъ.

— И точно по уговору,—сказалъ онъ задумчиво,—цѣлой пачкой...

— Да вы отошлите ихъ въ Императорское театральное общество при письмѣ, а въ четвергъ будете на засѣданіи и защитите ихъ.

— Да что вы?! Увѣряю васъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Медлить нельзя, маленькій провинціальный актеръ не можетъ ждать. Его надо выручать тотчасъ же... Мы сдѣлаемъ такъ: двумъ старымъ актерамъ мы пошлемъ по десяти рублей, а остальнымъ по пяти и напишемъ соотвѣтствующія письма.

— Да у васъ, вѣдь, денегъ нѣтъ сейчасъ! Какъ же вы это сдѣлаете?

— Надо достать. А въ четвергъ я имъ выхлопочу въ Театральномъ обществѣ дополнительно... Такъ будетъ лучше,—медленно, про себя, сказалъ В. П., раздумывая, гдѣ ему взять деньги.

На другой день Василій Пантелеймоновичъ собственноручно розослалъ всѣмъ письма и деньги.

Такихъ случаевъ на моей памяти чрезвычайно много. Чуткій къ горю провинціальнаго актера, Василій Пантелеймоновичъ всегда старался найти примиряющіе коррективы въ неудовольствіяхъ между актерами и антрепренеромъ, всегда старался быть мировой инстанціей. Къ нему

неоднократно обращались, какъ къ третейскому судьѣ, по частнымъ театральнымъ дѣламъ и по дѣламъ о дуэли, кодексъ которой онъ зналъ на зубокъ, и мнѣніе его принималось непреложно.

* * *

Однажды, лѣтъ шесть тому назадъ, къ Василію Пантелеймоновичу ввалился какой-то актеръ, котораго я раньше у него не видалъ. Въ очень потертомъ, попошенномъ сюртукѣ, съ небритыми щеками и съ красивыми, почти черными глазами, онъ пропзводилъ неэлегантное впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокій ростъ, статность, прпрожденное благородство, превосходныя манеры и правильныя черты лица свидѣтельствовали о красотѣ, о воспитаніи и интеллигентности посѣтителя.

Василій Пантелеймоновичъ живо привѣтствовалъ гостя:

— Старый дружище! какими вѣтрами тебя занесло сюда?

— Не вѣтрами, а холодомъ и голодомъ,—отвѣтилъ онъ съ привычной дикціей и тономъ хорошаго актера старой драматической школы.

— Плохо живется?

— Самъ видишь...

Бесѣдовали много... Вспомнпали старое, провинцію. Гость былъ моложе Василія Пантелеймоновича. Каждое движеніе Василія Пантелеймоновича было художественно-красивымъ, въ тонѣ было много искренности и добросердечія... Гость выглядывалъ на много старше Василія Пантелеймоновича.

Наконецъ, гость обращается къ Василію Пантелеймоновичу и говоритъ:

— Дай мнѣ, Вася, какое-нибудь пальто, я съ холоду дохну, какъ собака..

— Изволь, братецъ, только оно у меня послѣднее, виситъ въ передней. Самому будетъ не въ чемъ ходить.

— Значитъ, нельзя?

— Да какъ тебѣ сказать, оно бы и можно, только какъ же я пойду въ Александрпнскій театръ?! Мнѣ, понимаешь, все же, неловко появиться на Невскомъ въ такомъ нарядѣ, какъ у тебя. Увидятъ—осмѣютъ...

Гость задумался.. Наступила пауза. Воцарилось молчаніе. Василій Пантелеймоновичъ поглядывалъ на гостя черезъ пенснэ. Глаза его мерцали. Ясно было, что онъ вдумывался въ душу гостя и хотѣлъ угадать, что̀ онъ предпримегъ...

Гость прошелся по мягкому полу гостиной и нервно дергалъ бортъ сюртука, очень потертаго... Наконецъ, онъ сказалъ:

— А ты знаешь, Вася, я все-таки возьму.

— *Не рѣшишься*—отвѣтилъ Василій Пантелеймоновичъ.

Тотъ опустилъ голову, и, видимо, ему было весьма тяжело вести этотъ разговоръ. Гость попрощался и ушелъ...

Когда мы шли обѣдать, Василій Пантелеймоновичъ подошелъ къ вѣшалкѣ и съ нескрываемой веселостью сказалъ:

— Вѣдь, представьте себѣ, *рѣшился!* Унесъ пальто!

Это было, дѣйствительно, весело по обстановкѣ.

Къ вечеру Василій Пантелеймоновичъ извлекъ изъ своего гардероба старую шинель съ потертымъ мѣхомъ и облачился въ нее, чтобы «не быть смѣшнымъ, не быть уязвленнымъ въ своей гордости».

На другой день по почтѣ получилось письмо и въ немъ ломбардная квитанція на заложенное за пятьдесятъ рублей пальто.

Вчерашній гость писалъ:

«Другъ Вася! *рѣшился* взять пальто, заложить. Тотчасъ же пообѣдалъ, пилъ много и при всякой рюмкѣ поминалъ прпсно-памятнаго друга болярина Василія. Завтра уѣзжаю въ Пензу, на гастроли, и оттуда пришлю тебѣ на выкупъ пятьдесятъ рублей».

— Вретъ, не пришлетъ!—сказалъ Василій Пантелеймоновичъ, улыбаясь, когда разсказывалъ мнѣ финалъ этого ви-

зита.—Онъ мнѣ долженъ рублей пятьсотъ. Молчу я, молчитъ и онъ.

— Какова его сценическая біографія?—спросилъ я.

— Большой актеръ. Фатъ, красавецъ, съ безукоризненными манерами, съ хорошимъ образованіемъ, по рожденію почти-что князь, онъ отдалъ женщинамъ всѣ лучшіе соки своего тѣла. Онъ умѣлъ ихъ обожать, умѣлъ извлекать изъ ихъ души скрытые, затаенные звуки. Я помню его львомъ, побѣдителемъ женщинъ, красавцемъ... А теперь... вы сами видите..

— Все это очень поразительно!—сказалъ я.

— Что поразительно?

— Да поразительно то, что левъ, красавецъ, обожатель женщинъ, большой актеръ, а подъ конецъ мелкій грабитель. Вѣдь это же все ненормально и такъ легко искоренить.

— А какъ?

— Да просто. Императорское Театральное Общество, какъ высшій органъ, должно объявить всѣмъ людямъ, желающимъ быть актерами, принудительный налогъ, налогъ производительный, идущій на пользу самой же актерской братіи, часто легкомысленной. Необходимо объявить русскому актеру, что изъ его бюджета будетъ вычитаться извѣстный процентъ для образованія фонда вспомоществованія въ экстренныхъ случаяхъ для выдачи безвозвратныхъ ссудъ ему самому и его семьѣ въ случаѣ его смерти.

Василій Пантелеймоновичъ слушалъ мою горячую тираду съ какимъ-то одушевленіемъ и восторгомъ и говоритъ:

— Это правда, истинная правда! Сколько пропито, безъ толку проѣдено русскимъ актеромъ денегъ, а потомъ онъ умираетъ подъ заборомъ. Пора, давно пора измѣнить этотъ порядокъ. Да, это вѣрно! Маленькій нажимъ воли на бюджетъ актера, введеніе кооперативныхъ и страховыхъ организацій въ ихъ среду, и они спасены отъ нищенства, особенно ихъ семьи. Разработайте-ка вы эту мысль, сочините проектъ

и уставъ, а я внесу въ Императорское Театральное Общество и обѣщаю вамъ его провести.

— Превосходно! Я стану надъ нимъ работать.

* * *

Внѣшняя манера Василія Пантелеймоновича заключалась въ томъ, что когда на него ни посмотришь, онъ все время о чемъ-нибудь думаетъ. У него былъ всегда внутренно-сосредоточенный видъ. Получалось впечатлѣніе, что онъ самъ создавалъ себѣ эти думы и самъ же ихъ перерабатывалъ въ лабораторіи своего духа. Иной разъ не знаешь, что́ озабочиваетъ его, что̀ тревожитъ его, какой дать ему совѣтъ или остроумный выходъ изъ создавшагося томительнаго положенія, смотришь на него, стараешься угадать, но напрасно. Онъ сосредоточенно ходитъ, по своей манерѣ, изъ одного угла кабинета въ другой съ заложенными въ карманы брюкъ руками, соситъ свою сигаретку въ янтарной трубкѣ и думаетъ—думаетъ, при этомъ, его пенснэ, его почти бронзовое, бритое лицо, его носъ, его подбородокъ, его жилетъ, его пиджакъ, всѣ они—воплощеніе далматовской думы.

— Не скажете, что васъ мучаетъ?—иной разъ спросишь его.

Онъ очнется.

— Да пустое!

— Однако же?

— Людское недоброжелательство, козни враговъ, мелкая зависть, низменность людскихъ душъ и желаній... Недружелюбіе разлито въ природѣ...

— И охота вамъ надъ этимъ думать, Василій Пантелеймоновичъ. Люди, какъ валъ морской, сегодня ласкаютъ и нѣжатъ, а завтра хлещутъ. Вы, вѣдь—чай, людей лучше моего знаете, такъ почему вамъ задумываться такъ скорбно и глубоко. Я думаю, что маленькій, но приличный обѣдъ съ хорошей закуской и съ теплымъ краснымъ виномъ дол-

женъ вызвать въ васъ обычное величіе духа... Оставьте мелкимъ людямъ мелкія заботы дня! Мы же отправимся съ вами въ трактиръ и воздадимъ каждому питію должное. Поставьте резолюцію на моемъ предложеніи, ваше превосходительство отъ русскаго драматическаго искусства.

— Ставлю. Правильно! Немедленно исполнить!—весело поглядывая, отвѣчалъ Василій Пантелеймоновичъ.

* * *

Однажды мы съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ размолвились по какому-то вопросу. Я рѣшилъ, что онъ меня обидѣлъ и что намъ не слѣдуетъ видѣться. Прошло мѣсяца два. Я не пытался встрѣчаться съ нимъ... Была весна. Солнечно. Жарко. Я шелъ противъ солнца, весь отдавшись лучамъ перваго весенняго дня. Въ это время на панели Невскаго проспекта, пересѣкая его отъ Екатерининскаго сквера, со стороны Александрпнскаго театра, появился Василій Пантелеймоновичъ и, оглядывая меня, сказалъ:

— Наконецъ-то, я васъ поймалъ!

Я невольно остановился.

— Зачѣмъ же было меня ловить?—спросилъ я.

— За *чѣмъ*?—За ловлей весеннихъ бабочекъ.

Но меня удивило то, что послѣ пропшедшаго между нами разговора, въ которомъ я горячился, кричалъ и стучалъ кулакомъ по столу, а Василій Пантелеймоновичъ, наоборотъ, молчалъ, онъ, какъ-бы забывая прошедшее, самъ подошелъ и простилъ меня. Я его и спрашиваю потомъ:

— Что васъ примирило со мной?

— Элегантный видъ. Умѣніе носить костюмъ. Дружелюбіе и радость, которыя разлила въ природѣ весна.

Съ тѣхъ поръ мы уже ни разу не ссорились.

* * *

Однажды, когда одинъ изъ его молодыхъ друзей въ Литературно-Художественномъ Обществѣ очень разсердился на одного драматурга за его козни противъ Далматова и въ разговорѣ съ нимъ далъ волю своему гнѣву, Василій Пантелеймоновичъ остановилъ его и сказалъ:

— Совсѣмъ, какъ Далматовъ, въ гнѣвѣ неудержимъ и грозенъ! Вотъ только Далматовъ началъ карьеру своего гнѣва въ Петербургѣ съ извозчиковъ и кончилъ драматургами, а вы начинаете съ драматурговъ, такъ кѣмъ же вы кончите? Не надо сердиться, надо умѣть сдерживать себя. Гнѣвъ не аргументъ. Онъ ничего не доказываетъ и никого не убѣждаетъ. Не громите человѣческихъ физіономій, она — не мостовая.

* * *

Объединяя воспоминанія о Василіи Пантелеймоновичѣ, я долженъ сказать о трехъ крупныхъ событіяхъ его жизни послѣдняго періода: 1) о Театральной школѣ имени А. С. Суворина, 2) о поѣздкѣ моей въ Гельсингфорсъ въ качествѣ его юрисконсульта для спасенія купленной имъ моторной лодки, 3) о поѣздкѣ Василія Пантелеймоновича въ Москву съ «Шантеклеромъ» Эдмонда Ростана.

Театральную школу онъ и самъ давно мечталъ открыть по двумъ причинамъ: 1) онъ уже уставалъ отъ постоянной напряженной работы артиста, несущаго репертуаръ, и 2) очень хотѣлъ передать свой опытъ, долголѣтній, сценическій опытъ и связанныя съ нимъ театральныя традиціи юному поколѣнію артистовъ. Когда же А. С. Суворинъ предложилъ ему постъ директора Театральной школы его имени, то Василій Пантелеймоновичъ, естественно, тотчасъ же согласился.

Коммерческая сторона Суворинской Театральной школы, какъ предпріятія, ему представлялась неясной и сопряженной съ большими и, въ то же время, колющими самолюбіе непріятностями. Такъ впослѣдствіи и вышло. Въ число преподавателей пригласилъ онъ и меня: я долженъ былъ

читать исторію русскаго театра. Къ новой дѣятельности я сталъ готовиться съ большимъ усердіемъ, сидя подолгу въ Публичной Библіотекѣ и въ Библіотекѣ Академіи Наукъ.

Василій Пантелеймоновичъ былъ, конечно, естественнымъ, прирожденнымъ директоромъ школы, предсѣдателемъ которой былъ А. С. Суворинъ, товарищами предсѣдателя—В. П. Буренинъ и генералъ А. Н. Масловъ, почетными членами Художественнаго Совѣта—заслуженные артисты Императорскихъ театровъ М. Г. Савина и В. Н. Давыдовъ, секретаремъ совѣта Б. С. Глаголинъ, а «главнымъ преподавателемъ сценическаго искусства»—г. Н. Н. Арбатовъ (Архиповъ), режиссеръ Малаго (Литературно-Художественнаго) театра, человѣкъ, которому Василій Пантелеймоновичъ оказалъ много добра и личнаго расположенія.

Основная идея Василія Пантелеймоновича при самой организаціи школы заключалась въ томъ, чтобы въ школѣ преподавалось поменьше теоретическихъ предметовъ, а было побольше практики. Онъ хотѣлъ, чтобы его школа была, по преимуществу, экспериментальной, опытной, замѣняющей долгій и длинный процессъ игранія ролей разнообразнаго репертуара въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, во всевозможныхъ трущобахъ и условіяхъ русскаго театральнаго быта, чтобы его школа дала начинающимъ артистамъ сконцентрированный сценическій опытъ, такъ сказать, основной, типическій матеріалъ, квинтъ-эссенцію драматическаго искусства, не для толкованія ролей или пьесъ, а для самого процесса игры, т. е. методъ игры на сценѣ. Конечно, онъ не отрицалъ пользы теоріи, но считалъ, что практическая сторона должна стоять на первомъ планѣ, а теорія должна стоять назади. Нужно было, по его мнѣнію, сначала научить актера ходить по сценѣ и изображать роли, запечатлѣть въ его душѣ драматическіе типы, а потомъ уже думать о такой роскоши, какъ теорія.

Въ то время, когда устраивалась школа, было у него много заботъ и волненій не только по вопросу объ отпускѣ де-

негъ изъ средствъ Литературно-Художественнаго Общества, но и вслѣдствіе мелкихъ интригъ нѣкоторыхъ директоровъ Литературно-Художественнаго Общества и членовъ правленія школы. Василій Пантелеймоновичъ все ясно видѣлъ и съ большой горечью говаривалъ:

— Кругомъ непониманіе... холодъ... мелкія интриги. Страшно за человѣка... Нѣтъ опоры... Лишь въ себѣ одномъ вижу я оплотъ... Меня не сокрушишь мелкими интригами... Я твердъ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей.

* * *

На конференціи по пріему въ Театральную школу имени А. С. Суворина произошелъ эпизодъ, который превосходно характеризуетъ Василія Пантелеймоновича, какъ чуткаго, отзывчиваго человѣка.

Когда ученицы, подлежавшія пріему, были выбаллотированы и конференція заканчивала засѣданіе, Василій Пантелеймоновичъ всталъ и обратился къ членамъ со слѣдующимъ:

— Прежде, чѣмъ мы разойдемся, я хотѣлъ бы предложить вашему вниманію одну личность. Она нѣсколько разъ была у меня, и такъ какъ я не могъ принять ее, то она оставила мнѣ вотъ это письмо и тетрадь своихъ стиховъ. Она бѣдна, милостивыя государыни и государи, дошла до нищенства и до ночевки на баркахъ...

— Ну, еще бы!—вдругъ раздалась рѣзкая, какъ звонъ металла, реплика одной знаменитой артистки (Марія Гавриловна Савина) и повисла въ воздухѣ.

Василій Пантелеймоновичъ, не обращая вниманія на возгласъ и даже не взглянувъ на говорившую, продолжалъ:

— Я читалъ стихи. Въ нихъ вопль надломленнаго сердца, въ нихъ искреннія страданія... Отъ хорошей жизни она дошла до босячества и теперь она, чувствуя въ себѣ силы для служенія сценѣ, проситъ васъ, черезъ меня, принять ее въ Театральную школу.

— Ну, конечно, еще этого недоставало,—опять пронеслось въ воздухѣ.

— Но чтобы поступить осмотрительнѣе,—безстрастно продолжалъ В. П., сдерживая себя,—прошу эту тетрадь стиховъ передать кому-нибудь, безпристрастному, для сужденія и критики. Пусть кто-нибудь другой оцѣнитъ и скажетъ вамъ, стоятъ они вниманія или не стоятъ.

Означенная особа не была принята въ Театральную школу, и, въ видѣ возраженія, Василію Пантелеймоновичу говорили:

— Ну, помилуйте, какъ же можно впустить ее въ школу, гдѣ будутъ барышни изъ хорошихъ семей? Вѣдь, она для нихъ зараза.

Василій Пантелеймоновичъ призадумался. Потомъ сказалъ:

— Жаль мнѣ Божье созданье, человѣка въ грязи и пыли!

Однако, чтобы не умалять моральнаго престижа Василія Пантелеймоновича, было рѣшено пригласить ее въ конференцію и выслушать.

Я нарочно привелъ этотъ случай для того, чтобы отмѣтить искреннее желаніе Василія Пантелеймоновича Далматова найти дарованіе, обогрѣть и обласкать его, дать ему выходъ на дорогу. При этомъ онъ никогда, по свойственной ему скромности, никому не говорилъ, что онъ такого-то ободрилъ, такого-то спасъ, такому-то помогъ. Объ этомъ онъ всегда молчалъ.

* * *

Театральная школа имени А. С. Суворина была его любимымъ дѣтищемъ. Въ нее онъ вкладывалъ всѣ свои силы. Какъ директоръ и руководитель ея, онъ отдавалъ этому учрежденію всѣ утра до четырехъ часовъ дня, если онъ бывалъ свободенъ отъ репетицій въ Александринскомъ театрѣ и вечера на ученическихъ спектакляхъ, на засѣданіяхъ

различныхъ комитетовъ. Онъ жилъ школой, боролся за нее со страстностью любящаго человѣка и всегда отстаивалъ всѣ свои позиціи, несмотря на противодѣйствіе нѣкоторой группы членовъ Литературно-Художественнаго Общества.

Въ самомъ составѣ школы шло глухое противодѣйствіе педагогическимъ начинаніямъ Василія Пантелеймоновича. Результатомъ этого былъ уходъ изъ Театральной школы одного главнаго руководителя сценическаго искусства и основаніе имъ своей собственной школы. Этотъ «главный руководитель» былъ многимъ обязанъ Василію Пантелеймоновичу и особенно въ самой дирекціи Литературно-Художественнаго Общества. Этотъ уходъ разбивалъ силы школы и единство педагогическаго плана. Василія Пантелеймоновича такая неблагодарность ошеломила. Онъ, что называется, глухо рычалъ. Однако, расчетъ «главнаго руководителя» ослабить составъ школы былъ ошибоченъ, такъ какъ моральный авторитетъ Василія Пантелеймоновича Далматова былъ всегда высокъ, и люди шли къ нему со всѣхъ сторонъ. Школа по-прежнему процвѣтала.

Для характеристики Василія Пантелеймоновича этого періода должно отмѣтить еще одинъ фактъ. Одинъ молодой адвокатъ, весьма преданный Василію Пантелеймоновичу, сказалъ ему:

— У меня есть возможность наказать одного изъ вашихъ главныхъ враговъ—«руководителя сценическаго искусства».

Василій Пантелеймоновичъ былъ въ разгарѣ ссоры съ нимъ. Выслушавъ это заявленіе, Василій Пантелеймоновичъ задумчиво, тихо сказалъ, покуривая сигаретку:

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ, не надо этого! Я понимаю ваши чувства... вы хотите отомстить за меня, за оскорбленіе моего чувства любви и довѣрчивости къ человѣку. Я понимаю ваши побужденія... ваши истинно-дружескія чувства... я ихъ цѣню. Но не надо, этого только не надо, не надо мести, не надо вражды и злобы! Разливайте радость,

тепло и любовь вокругъ. Не мстите, сама жизнь отомститъ ему за вражду ко мнѣ. Только бы это шло не отъ меня и не отъ моихъ друзей. За вашу дружбу ко мнѣ вамъ заплатитъ кто-нибудь другой. Онъ и самъ еще не знаетъ, за кого онъ платитъ, онъ, это невѣдомый, нѣкто неизвѣстный, еще, быть можетъ, травку жуетъ, жирѣетъ, а, все-таки, заплатитъ. Добро и добрыя чувства не пропадаютъ въ мірѣ даромъ.

* * *

Я не передаю цѣлаго ряда мелкихъ эпизодовъ изъ періода Театральной школы, потому что это несвоевременно, но былъ моментъ, когда В. П. боялся, что школу придется закрыть.

— Я хотѣлъ бы, чтобы имя А. С. Суворина, этого русскаго геніальнаго самородка, было сохранено въ потомствѣ, какъ связанное съ разсадникомъ сценическаго образованія, и хотѣлъ бы, чтобы въ то время, когда враги образованія ополчатся противъ моей школы, преподаватели и лица, сочувствующія мнѣ и моей школѣ, вмѣстѣ со мной ушли изъ Литературно-Художественнаго Общества и объединились въ товарищество, на мелкихъ паяхъ, и повели его дальше. Чѣмъ больше мелкихъ паевыхъ денегъ, тѣмъ лучше и крѣпче дѣло. Явится вѣра въ дѣло. Объединятся различные элементы. Объединятся чуждыя другъ другу человѣческія души. Явятся новые методы, свѣжіе люди, новыя мысли, новыя желанія, художественныя перспективы. Школа будетъ жить...

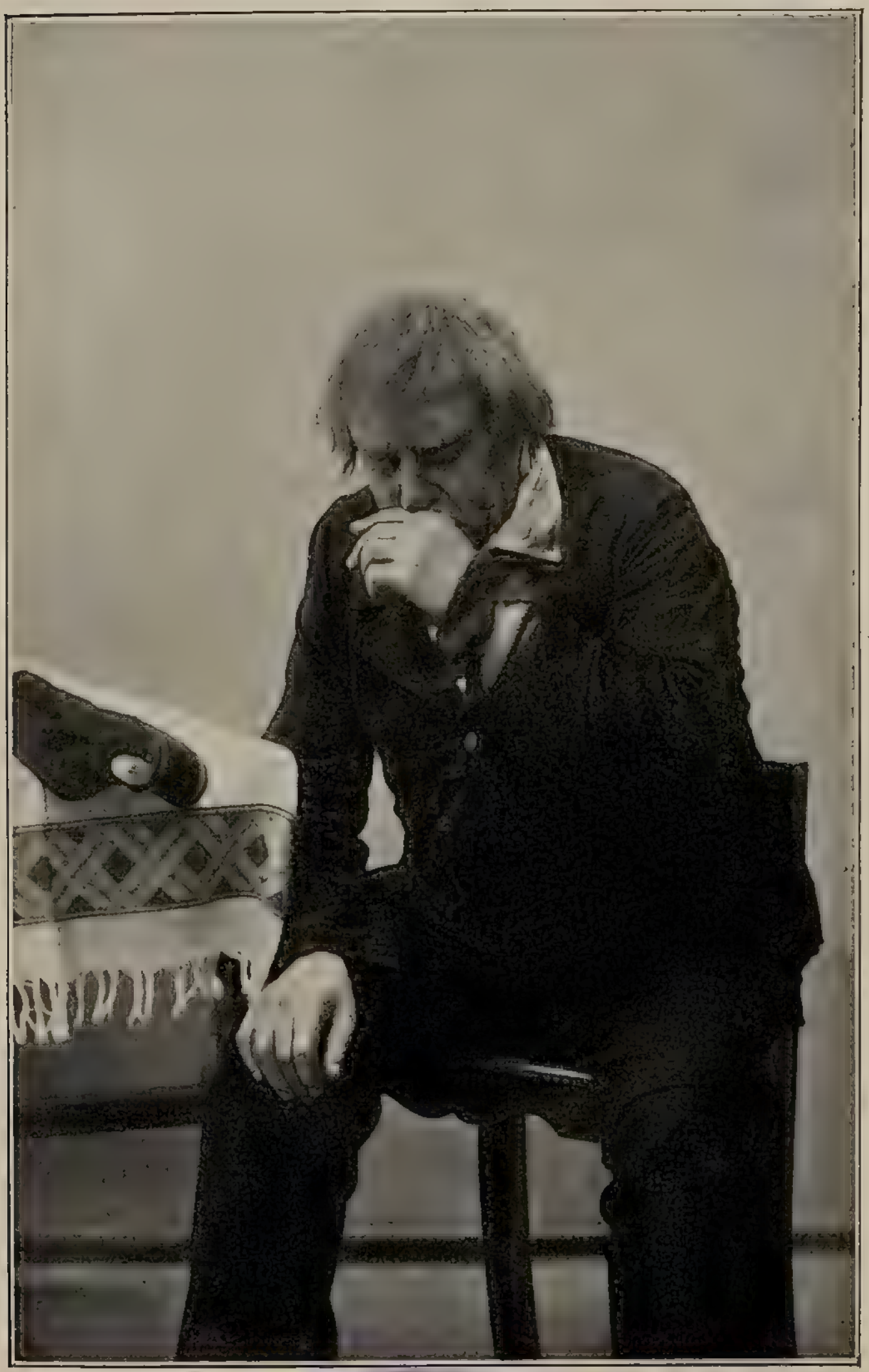
Театральная школа отнимала у него много времени и давала цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ заботъ. Онъ любилъ школу такъ, какъ любятъ только старики: беззавѣтной потухающей любовью. Отнять у Василія Пантелеймоновича Далматова Театральную школу—значило убить его. Не директорствованіе, не внѣшній престижъ интересовалъ его, а сознаніе, что онъ дѣлаетъ хорошее дѣло,

которому онъ можетъ быть полезенъ и которое, быть можетъ, является послѣднимъ въ его жизни большимъ хорошимъ дѣломъ. Помимо того, въ послѣдніе два года своего директорства Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, оставаясь попрежнему обаятельнымъ и предупредительнымъ съ ученицами и ихъ родителями, превращался въ дѣйствительнаго директора учрежденія. До этого времени онъ былъ Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, тотъ европеецъ Донъ-Жуанъ, который вноситъ въ обращеніе съ женщинами образъ благородной дамы, «чистой и непорочной» женщины, прототипъ Дѣвы Маріи, тотъ В. П. Далматовъ, у котораго при видѣ красиваго лица, изящной, хорошо одѣтой женской фигуры загорались глаза, выпрямлялась грудь, бритое лицо превращалось въ лицо гордаго патриція и дѣлалось красивымъ, но въ послѣдніе годы онъ былъ настоящій директоръ учебнаго заведенія, благожелательный, строгій и требовательный.

Вмѣстѣ съ ростомъ его сознанія объ его отвѣтственности, какъ руководителя учебнаго учрежденія, росли и непріятности.

Противниковъ у него было много, и онъ противъ нихъ боролся стойко, но вся эта борьба отлагалась на сердцѣ. Онъ очень много и незамѣтно страдалъ. Онъ, этотъ гордый Далматовъ, патриціи, примѣръ холодной, сдержанной воли, говоря о козняхъ враговъ, нерѣдко впадалъ въ уныніе. Но, кромѣ близкихъ друзей, этого никто не зналъ и не видѣлъ.

Создавая школу по своимъ планамъ, В. П. Далматовъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду распложать, какъ онъ говорилъ, «театральный пролетаріатъ». Онъ требовалъ, чтобы школа выпускала только такихъ, кто можетъ быть, дѣйствительно, полезенъ сценѣ и кто самъ будетъ въ состояніи обезпечить себя избранной профессіей, а разъ школа выпустила, то она должна была слѣдить и поддерживать своего питомца. Вообще, питомецъ долженъ былъ быть связанъ со школой, его воспитавшей, навсегда. При этомъ



В. П. ДАЛМАТОВЪ

въ роли Мармеладова въ «Преступленіи и наказаніи» Ѳ. М. Достоевскаго.
(Малый театръ въ Петербургѣ—театръ А. С. Суворина). 1898-ой годъ.

Уральский государственный университет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

школа должна была дѣлиться на разные отдѣлы: 1) собственно театральный, репертуарный, 2) бутафорскій, 3) режиссерскій, 4) суфлерскій и т. д. Онъ говорилъ:

— Если учащійся не хорошъ, какъ актеръ, то онъ можетъ быть хорошъ, какъ режиссеръ, какъ суфлеръ и т. д. Надо опредѣлить его способности и развивать ихъ, это— дѣло школы.

Пятилѣтіе существованія Театральной школы имени А. С. Суворина нужно опредѣлить, какъ періодъ отстаиванія Далматовымъ школы отъ выпадовъ противъ нея и лично противъ него внутри самой дирекціи Литературно-Художественнаго Общества.

Когда, однажды, его спросили, почему онъ не уничтожитъ своихъ враговъ своимъ юморомъ или другимъ способомъ, онъ отвѣчалъ:

— Я не могу бороться со всѣми людьми, выступающими противъ меня, и при томъ способами, свойственными людямъ данной категоріи. На меня смотрятъ многіе, отъ меня требуютъ иного, чѣмъ отъ другихъ, отъ меня ждутъ благородныхъ, возвышенныхъ поступковъ и движеній. Я могу только презирать своихъ враговъ. Я всегда могу показать имъ свою силу... Но развѣ въ этомъ дѣло? Сила умнаго, талантливаго человѣка въ дисциплинѣ воли и въ выполненіи дальновидныхъ, ему лишь одному видимыхъ жизненныхъ плановъ.

Должно сказать, что сколько «коалицій» ни составлялось въ нѣдрахъ Литературно-Художественнаго Общества, но свалить Василія Пантелеймоновича было нельзя. Онъ умеръ директоромъ Театральной школы.

* * *

Если Театральная школа была дѣломъ его постоянныхъ думъ и заботъ, то моторная лодка была его капризомъ.

Онъ рѣшилъ, что онъ долженъ завести моторную лодку

съ тѣмъ, чтобы она стояла у пристани Англійской набережной и возила его весной и лѣтомъ, когда онъ будетъ пріѣзжать, въ городъ къ Театральной школѣ и въ его имѣніе на Невѣ «Отрадное».

Задумано—сдѣлано. Онъ вычиталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», что въ Гельсингфорсѣ на Флигсгольмской верфи продаютъ случайно чрезвычайно дешево моторныя лодки. Нужно было прислать задатокъ въ 300 рублей, а остальныя при выкупѣ лодки на станціи Финляндской желѣзной дороги. Не свѣрившись со степенью солидности фирмы и довѣряясь рекламѣ, онъ требуемые 300 рублей послалъ. Владѣлецъ верфи чрезвычайно любезно благодарилъ Василія Пантелеймоновича за довѣріе и обѣщалъ выслать лодку не позже конца апрѣля мѣсяца. Однако, прошло семь мѣсяцевъ, но лодки не было.

Однажды, во время антракта вечерняго ученическаго спектакля въ школѣ, Василій Пантелеймоновичъ попросилъ меня зайти къ нему въ кабинетъ и весьма таинственно сталъ говорить о неблагодарности людей, о неумѣніи держать слово и т. д. Я не перебивалъ, но ничего не понималъ...

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.

— Вамъ придется ѣхать въ Гельсингфорсъ спасать мою лодку,—сказалъ, наконецъ, Василій Пантелеймоновичъ.

— Какую лодку?—уже совсѣмъ ничего не понимая, спросилъ я.

— Моторную лодку... я имѣлъ неосторожность купить ее въ Гельсингфорсѣ. Я разсчитывалъ, что честные финляндцы не посрамятъ себя передъ человѣчествомъ, сдержатъ слово, но я и въ нихъ ошибся. Такъ поѣзжайте въ Гельсингфорсъ, разыщите эту верфь и спасите мою лодку.

Весь этотъ разговоръ происходилъ при поэтѣ—В. В. Умановѣ-Каплуновскомъ.

— Хорошо, я поѣду! Когда?

— Завтра же.

— Дня на два—только, иначе у меня не выйдетъ по времени!

Я уѣхалъ. Трудно было добывать эту лодку, такъ какъ у товарищества никакого имущества не оказалось. Мое положеніе, какъ повѣреннаго, становилось смѣшнымъ. Пріѣхать и ничего не сдѣлать. Наконецъ, я рѣшился отправиться къ губернатору, полковнику Альфтану, и просить у него суда надъ хозяевами этой верфи на основаніи финляндскаго уложенія 1774 года, по которому онъ могъ, въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства, назначить скорый судъ надъ владѣльцами верфи.

Безъ всякаго затрудненія, просто, при посылкѣ одной только моей карточки, на которой было проставлено мое званіе помощника присяжнаго повѣреннаго, я былъ принятъ губернаторомъ и очень милостиво выслушанъ. Полковникъ Альфтанъ, услышавъ, что мой довѣритель В. П. Далматовъ, вдругъ почему-то обрадовался и говоритъ:

— Я былъ бы очень радъ служить такому большому артисту, какъ г. Далматовъ, и приму мѣры.

Тотчасъ же онъ позвонилъ по телефону начальнику магистрата гор. Гельсингфорса, полковнику Генеральнаго Штаба г. Бергу, съ которымъ полковникъ Альфтанъ все время говорилъ по-фински и который тотчасъ же, по предложенію губернатора, навелъ справки у опытнаго полицейскаго комиссара, что̀ представляетъ собой эта фирма. Оказалось, что она совсѣмъ прогораетъ и что вслѣдствіе этого администрація гор. Гельсингфорса ничего не можетъ сдѣлать. Мое положеніе сдѣлалось окончательно безнадежнымъ.

Я, горячо поблагодаривъ губернатора, откланялся и поѣхалъ прямо на Флигсгольмскую верфь. Любезно былъ встрѣченъ однимъ изъ товарищей по владѣнію верфью. Мнѣ была показана лодка, названная «лодкой Далматова». Видя, что Василій Пантелеймоновичъ потерялъ 300 рублей, я,

усматривая во всемъ шантажъ, предупредилъ владѣльца верфи, что сейчасъ я былъ у губернатора и у начальника магистрата, что я навелъ справки объ его кредитоспособности и, въ виду этихъ справокъ, прошу его немедленно послать г. Далматову при мнѣ же хотя бы эту лодку; въ противномъ же случаѣ, я долженъ буду немедленно прибѣгнуть къ содѣйствію уголовныхъ финляндскихъ законовъ. На владѣльца верфи мой твердый, рѣшительный тонъ оказалъ необходимое дѣйствіе.

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ и длинныхъ переговоровъ, лодка была доставлена, не снабженная и не устроенная, къ представителю фирмы въ Петербургѣ, который въ свою очередь не хотѣлъ отпустить ее Далматову, въ виду того, что владѣлецъ фирмы что-то ему долженъ, но при моемъ вмѣшательствѣ лодка была причалена къ пристани у Лѣтняго сада и передана В. П.

Вернувшись изъ Гельсингфорса, я ночью былъ у Василія Пантелеймоновича въ уборной Александринскаго театра. Онъ много смѣялся надъ моимъ разсказомъ о томъ, какъ я попугалъ владѣльца верфи, пострѣливая въ него головокружительными и жестокими статьями финляндскаго уложенія 1774 года, и просилъ меня отправиться въ одинъ скромный, но дорогой ресторанъ, гдѣ я долженъ былъ его ждать съ ужиномъ, пока не окончится представленіе, въ которомъ онъ былъ занятъ.

Онъ пришелъ радостный, веселый, что ему спасена лодка.

Для закуски онъ подошелъ къ стойкѣ, потребовалъ водки, пикона и началъ разговаривать съ хорошенькой продавщицей на какомъ-то иностранномъ языкѣ. Наконецъ, она разсмѣялась и начала ему отвѣчать по-французски.

Я сидѣлъ за столомъ и слушалъ. Василій Пантелеймоновичъ подошелъ ко мнѣ. Я его и спрашиваю:

— На какомъ языкѣ вы объяснялись съ прекрасной женщиной?

— А что?

— Да неужто на французскомъ?

— А что, не узнали?

— Да какой-то, вѣроятно, особо-классическій французскій языкъ, я ничего не могъ понять.

— Да, мой другъ, я говорилъ съ ней на языкѣ любви...

— На далматовскомъ языкѣ... то-то она такъ обрадовалась. Теперь понимаю.

— А вы замѣтили,—и Василій Пантелеймоновичъ выразительно и весело повелъ глазами.

* * *

Рѣшено было, что мы обновимъ его моторную лодку и въ ближайшую субботу совершимъ первый рейсъ въ «Отрадное», на его дачу на Невѣ.

Путешествіе совершилось благополучно. Въ лодкѣ сидѣли три человѣка: «адмиралъ», В. П. Далматовъ, у руля, монтеръ, который велъ лодку и слѣдилъ за машиной, и я въ качествѣ пассажира. Ждали еще четвертаго Б. С. Глаголина, но онъ, какъ всегда, обѣщалъ, но не пріѣхалъ, повидимому, испугался этого переѣзда на хрупкой моторной лодкѣ. На носу болтался по вѣтру флагъ несуществующаго флота.

Шли мы медленно, противъ теченія. «Адмиралъ» твёрдо держалъ въ рукахъ руль, стоя во весь ростъ, побѣдоносно оглядывалъ и осматривалъ окрестности такъ, точно, вотъ-вотъ, долженъ былъ грянуть громъ боя съ непріятелемъ. Въ новой роли онъ былъ «могущественъ и великъ». Морская шапка на головѣ какъ бы говорила о томъ, что онъ—природный морякъ. Отъ монотонной встряски машины я уснулъ и проснулся черезъ нѣсколько времени отъ сильнаго толчка. Оказалось, что мы вошли въ страшные невскіе пороги у села Ивановскаго и, вслѣдствіе слабости,

машина застопорила, итти противъ теченія не могла и насъ относитъ внизъ по Невѣ.

«Адмиралъ» выпрямился, орлинымъ взглядомъ охватилъ всю мѣстность, но былъ достаточно блѣденъ. Моментъ былъ чрезвычайно трагическій. Руль былъ направленъ ближе къ берегу. Пристали къ какой-то прибрежной лодкѣ, ударились о нее. Машина вновь застопорила. Насъ опять понесло въ водоворотъ. Съ большимъ трудомъ выбрались оттуда. Выбравшись, попали въ полосу прибрежной рѣчной травы: трава обхватила руль и днище лодки со всѣхъ сторонъ, и машина окончательно перестала работать. Монтеръ, раздѣвшись, полѣзъ въ холодную воду и сталъ срывать съ руля комья травы.

Вообще, Ивановскіе пороги представляютъ собою чрезвычайно широкій проходъ, больше полуверсты ширины, съ могучими, крутящими водоворотами, закругленіями текущей воды и съ лодки кажутся чрезвычайно страшными, затягивающими. Зрѣлище довольно жуткое.

Съ большимъ трудомъ добрались мы до «Отраднаго» къ вечеру. «Адмиралъ» былъ бодръ и очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Лодка прибыла въ исправности.

* * *

На другое утро мы въ той же лодкѣ поѣхали въ Ижоры покупать провизію. Василій Пантелеймоновичъ былъ въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ, въ роскошной широкой панамѣ и въ сандаліяхъ. Напесли визитъ мѣстному почтовому отдѣленію, гдѣ Василія Пантелеймоновича уже ждала давно обильная корреспонденція. Ходили по мяснымъ и зеленымъ лавкамъ. Закупили. Взяли съ собой. Когда спускались къ берегу, встрѣчается группа людей, человѣка въ четыре. Одинъ краснощекій, вихрастый, съ большимъ характернымъ лбомъ, довольно приличный на видъ и по одеждѣ, выдѣляется и говоритъ пьянымъ голосомъ:

— А, г. Далматовъ, прогуливаетесь... Позвольте представиться,—и замахалъ шапкой въ воздухѣ.—Я—инженеръ-технологъ, кирпичный заводчикъ, инженеръ-технологъ, а вы—Далматовъ, артистъ Далматовъ.

Василій Пантелеймоновичъ смотритъ на него и блаженно, ласково улыбается.

— Выпьемте, г. Далматовъ. Хотите на брудершафтъ. Я—кирпичный заводчикъ, а вы—дачевладѣлецъ. Идетъ... на брудершафтъ.

— Да я не пью...—говоритъ Василій Пантелеймоновичъ.—Давно не пью. А радъ за честь, за память... благодарю... узнали... обласкали... не пью я...

— Не пью: корнетъ Отлетаевъ не пьетъ, Мармеладовъ не пьетъ, а какъ же пьянаго человѣка понялъ, душу его понялъ. А? Господа, не вѣрьте ему, все—враки, пустое. А? какъ?

— «Отвѣтствуй мнѣ, прекрасное свѣтило!»—запѣлъ кирпичный заводчикъ на весь нжорскій берегъ. Въ васъ, г. Далматовъ, можно бочку шампанскаго влить и—ничего. Поглядите на себя: монументъ, обелискъ египетскій...

Василій Пантелеймоновичъ очень конфузливо, очень мягко сталъ прощаться съ нимъ. На лицѣ его ярко выступила краска, какъ у дѣвушки, которая застыдилась. Эту способность краснѣть и какую-то стыдливость я замѣчалъ у Василія Пантелеймоновича неоднократно. Мы спустились къ лодкѣ. Кирпичный заводчикъ вмѣстѣ со своими спутниками вошелъ въ прибрежный трактиръ и оттуда кричалъ намъ:

— Счастливаго пути, г. Далматовъ! Живите долго на радость русскаго искусства!

Василій Пантелеймоновичъ сдѣлалъ величественный широкій жестъ рукой въ знакъ благодарности и приказалъ монтеру отчаливать, взявъ курсъ на «Отрадное».

Вообще, моторная лодка доставила ему много радости. Онъ ею много пользовался. Онъ все лѣто съ утра ѣздилъ

на ней по Невѣ и по впадающимъ въ Неву маленькимъ рѣчкамъ, гдѣ только она могла пройти.

Поэтому въ теченіе двухъ лѣтъ въ петербургской печати онъ былъ аттестованъ, какъ «адмиралъ невскаго флота».

* * *

Его поѣздку въ Москву съ «Шантеклеромъ» Эдм. Ростана весной 1910 года нужно считать его послѣдней антрепренерской затѣей, вынужденной благодаря инспираціямъ и планамъ исключительно Б. С. Глаголина. В. П. Далматовъ, имѣвшій большой антрепренерскій опытъ, тѣмъ не менѣе, съ Москвой попался. Въ антрепризѣ участвовало трое лицъ: А. С. Суворинъ, В. П. Далматовъ и Б. С. Глаголинъ (Гусевъ). Планъ всей этой антрепренерской затѣи принадлежалъ Б. С. Глаголину, и В. П. вошелъ въ этотъ планъ исключительно ради него, чтобы поддержать Б. С. Глаголина, который страстно хотѣлъ перейти въ Московскій Малый театръ. Съ этимъ дѣломъ попался не только В. П. Далматовъ, но и покойный А. С. Суворинъ, который такъ много и долго покровительствовалъ Глаголину. Въ Москвѣ былъ взятъ на Большой Садовой улицѣ театръ «Акваріумъ». Контрактъ заключался съ нынѣ покойнымъ, извѣстнымъ артистомъ А. Э. Блюменталь-Тамаринымъ, антрепренеромъ театра, черезъ его уполномоченнаго г. Шатова.

В. П. Далматовъ, часто бывавшій у меня и нерѣдко приходившій ко мнѣ «подѣлиться мыслями», даже поздно ночью, особенно послѣ засѣданій Литературно-Художественнаго Общества, изъ своей поѣздки дѣлалъ для меня тайну и о содержаніи заключаемаго контракта ничего не говорилъ.

Когда контрактъ былъ уже составленъ и подписанъ, Василій Пантелеймоновичъ вдругъ, однажды, заявляетъ мнѣ, что я сегодня, въ субботу, долженъ уѣхать въ Москву

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Мармеладова въ «Преступленіи и наказаніи» Ѳ. М. Достоевскаго.
(Малый театръ въ Петербургѣ—театръ А. С. Суворина). 1898-ой годъ.

въ качествѣ уполномоченнаго Малаго театра и подготовить все къ пріѣзду труппы. Передо мной ѣздилъ въ Москву, по порученію дирекціи, главный режиссеръ Малаго театра, Г. В. Гловацкій, и сдѣлалъ все, что нужно было. Докончить остальное предлагалось мнѣ. Сфера дѣятельности для меня была совершенно новая.

Когда я увидѣлъ контрактъ, то онъ меня поразилъ своимъ содержаніемъ: все было на пользу А. Э. Блюменталь-Тамарину и ничего антрепренерамъ. Я обратилъ вниманіе Василія Пантелеймоновича на эту сторону контракта. Онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Всѣ будемъ виноваты, а А. С. Суворинъ больше всѣхъ.

— Да, съ другой стороны, развѣ теперь сезонъ для Москвы?—спросилъ я.—Люди уѣзжаютъ изъ нея. Театральной Москвы въ городѣ нѣтъ. Вѣдь, вы Москву знаете хорошо... такъ зачѣмъ ѣхать?

— Надо показать Глаголина Москвѣ.

— Развѣ что? Ну, тутъ я не причиненъ... дѣло хозяйское.

Поѣздка въ Москву была въ матеріальномъ отношеніи неудачна. Чтобы расплатиться съ труппой, Василій Пантелеймоновичъ долженъ былъ заложить свою дачу въ «Отрадномъ» въ Губернскомъ Кредитномъ Обществѣ. Разсчитаться со всѣми онъ считалъ своимъ антрепренерскимъ долгомъ.

* * *

Чтобы хоть какъ-нибудь урегулировать денежныя дѣла въ Москвѣ, рѣшено было поставить «Генриха Наваррскаго» съ В. П. Далматовымъ въ роли Карла IX и Б. С. Глаголинымъ въ роли Генриха.

Василій Пантелеймоновичъ началъ готовиться къ новой роли. Подготовка шла спѣшно. Не желая ему мѣшать, я уходилъ тотчасъ же послѣ обѣда или къ знакомымъ, или въ

театръ, и возвращался домой, въ номеръ, лишь въ одиннадцать часовъ вечера, когда мы пили чай вмѣстѣ, предаваясь обсужденію дѣлъ и воспоминаніямъ.

Василій Пантелеймоновичъ въ одной рубашкѣ, съ открытой грудью, въ пенснэ, про себя училъ роль, обдумывая каждое слово, каждое положеніе и съ горечью говорилъ:

— Какъ трудно учить роль!—чѣмъ дальше, тѣмъ больше! Не можешь уловить общаго настроенія, общаго желанія автора, не запоминаешь репликъ. Актеръ никогда не смѣетъ разсчитывать на суфлера, онъ долженъ знать свою роль на зубокъ, со всѣми репликами. Въ противномъ случаѣ, онъ всегда попадетъ впросакъ. Актеръ на сценѣ не смѣетъ ни на кого разсчитывать, онъ самъ себѣ хозяинъ и даже судья. Но тяжко сознавать, что трудно запоминать роль!

Однако, В. П. роль Карла IX одолѣлъ и далъ яркій, непередаваемый образъ слабовольнаго, не жестокаго, но дѣлающаго жестокости короля. Для него московской публики въ театръ собралось очень много. Сборъ былъ почти полный.

Покончивъ дѣла въ Москвѣ, онъ выѣхалъ въ «Отрадное» и сталъ готовиться къ роли Несчастливцева.

* * *

Мы бесѣдовали съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ по разнымъ вопросамъ искусства, но, однажды, между прочимъ, я спросилъ его во время обѣда:

— Скажите, наконецъ, Василій Пантелеймоновичъ, сколько вамъ лѣтъ?

Вдругъ Василій Пантелеймоновичъ сталъ медленно подниматься, весь выпрямился и, принявъ видъ оскорбленнаго въ своей гордости патриція, сказалъ:

— Какъ! ты вмѣстѣ со мной хлѣбъ-соль кушаешь, со мной дружбу ведешь и еще про года спрашиваешь?—и все его лицо освѣтилось юморомъ, но такимъ, который уста-

павливалъ, что этотъ вопросъ надо забыть и никогда не поднимать.

Я не зналъ, что Василія Пантелеймоновича нельзя было спрашивать о годахъ, что это былъ больной вопросъ, что онъ тщательно скрывалъ свои года.

Тутъ же, спустя нѣкоторое время и оправившись отъ минутнаго смущенія, замѣтно овладѣвшаго имъ, Василій Пантелеймоновичъ, чтобы измѣнить тему разговора, далъ мнѣ совѣтъ, какъ нравиться хозяевамъ дома во время торжественнаго обѣда.

— Подаютъ вамъ вино... вы его попробуйте, слегка. Видите, что естественная дрянь, вино грошевое, но вы и вида не подавайте. Наоборотъ, сдѣлайте глубокомысленный видъ, скосите ваши глаза съ видомъ знатока, прихлебните и слегка, со смакомъ причмокните губами и произнесите: какое славное вино! откуда вы его достали? А въ душѣ въ это время думайте: «Чортъ бы васъ побралъ съ вашимъ виномъ!»

* * *

Среди многихъ его пожеланій этого времени (1911-й годъ) было одно,—меня сразу чрезвычайно поразившее своею неожиданностью:

— Когда я умру, вы закройте мое лицо густою фатой, чтобы его не было видно.

— А это зачѣмъ?—самъ не зная, почему, весь въ какомъ-то внутреннемъ, мистическомъ испугѣ передъ неизвѣстнымъ, надвигающимся грознымъ событіемъ, обратился я къ Василію Пантелеймоновичу, прямо глядя ему въ лицо.

— А затѣмъ, чтобы въ воспоминаніяхъ женщинъ и любившихъ меня я остался тѣмъ, что я есмь сейчасъ, но не со слѣдами разрушенія. Я не хотѣлъ бы, чтобы люди видѣли мой развалъ. Я всегда боролся со смертью. Я никогда не болѣлъ. Мой организмъ крѣпокъ, какъ сталь. Я гордъ своимъ организмомъ. Я не пропускалъ ни одной репетиціи,

ни одного спектакля. Я былъ всегда аккуратенъ. Поэтому, я не хотѣлъ бы, чтобы люди, мои близкіе, мои друзья видѣли, какъ смерть обезобразила меня.

* * *

Лѣтомъ я неоднократно навѣщалъ Василія Пантелеймоновича въ «Отрадномъ» и живалъ у него по нѣсколько дней. Въ это время онъ готовилъ роль Несчастливцева для Александринскаго театра.

Методъ старый: весь въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ, въ бѣлой соломенной долгополой шляпѣ, онъ садился на бѣлую, заново покрытую масляною краскою, скамью въ своемъ палисадникѣ и, раскрывъ грудь горячимъ солнечнымъ лучамъ, тутъ же на пригекѣ, весь обливаясь потомъ, сосредоточенно, молча, про себя готовилъ роль Несчастливцева.

— Я чувствую, что трудно,—повторялъ онъ нѣсколько разъ.—Не можешь представить себѣ ярко образа, не можешь внести въ роль новаго толкованія... Безъ этого нѣтъ готовки роли, а одно лишь ремесло... Если бы я не имѣлъ примѣра въ лицѣ М. И. Писарева, я не могъ бы играть роли Несчастливцева. Самъ не знаю, что-то меня тянетъ къ этой роли, что-то роднитъ съ ней? Я думаю, разгадка этого тяготѣнія въ томъ, что всѣ мы, имѣющіе въ душѣ запасъ большихъ душевныхъ силъ и десятокъ неосуществившихся надеждъ, почти всѣ Несчастливцевы, и вы, и я, и другіе, и поэтому эту роль нельзя играть какъ-нибудь. Нельзя быть неестественнымъ, показнымъ, нельзя играть лживо самого себя.

Тѣмъ же лѣтомъ онъ сыгралъ роль Наблоцкаго въ «Карьерѣ Наблоцкаго» въ лѣтнемъ театрѣ въ Ораніенбаумѣ, куда я ѣздилъ, по его желанію, вмѣстѣ съ нимъ, чтобы понаблюдать изъ партера, какъ у него выходитъ эта роль.

* * *

Въ декабрѣ 1911 года утромъ у меня раздался телефонный звонокъ. Звонилъ Василій Пантелеймоновичъ и просилъ немедленно къ нему пріѣхать въ Театральную школу. Голосъ тревожный, нетвердый. Я спросилъ, въ чемъ дѣло. Василій Пантелеймоновичъ отвѣтилъ:

— Не откажите въ дружеской услугѣ! Пріѣзжайте!

Я поспѣшилъ. Мы были вдвоемъ. Онъ очень живо привѣтствовалъ меня, но довольно долго молчалъ, прохаживаясь большими нервными шагами изъ угла въ уголъ кабинета съ заложенными въ прямые карманы брюкъ руками. Наконецъ, говоритъ:

— Я васъ очень прошу написать мнѣ духовное завѣщаніе.

— Какъ духовное завѣщаніе?

— Пусть это васъ не смущаетъ.

Бритое, бронзовое лицо Василія Пантелеймоновича стало блѣднымъ, точно бы оно потускнѣло, какъ тускнѣетъ отъ времени бронза. Такого лица я не видѣлъ у него.

— Да, но это странно,—и я невольно, повидимому, чрезвычайно смущенно и, значитъ, дѣланно разсмѣялся.— Опять денежныя затрудненія,—сказалъ я,—заботы по школѣ, интриги злонамѣренныхъ людей, а вы сейчасъ отвѣчасте на это завѣщаніемъ. Да плюньте на все! При вашемъ организмѣ вы переживете ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сосетъ, тутъ, подъ ложечкой сосетъ. Больше не могу. Иной разъ задыхаюсь. Тяжко... Никому не скажешь объ этомъ. Кругомъ пустыня. Стою одинъ, какъ гранитъ. Что-то точитъ, точитъ извнутри.

Я постарался отвлечь вниманіе Василія Пантелеймоновича отъ тяжелыхъ мыслей, и въ тотъ же день мы обѣдали въ одномъ изъ ресторановъ. Никакіе мои разсказы на него не дѣйствовали.

— Иной разъ становится холодно, жутко какъ-то! Точно въ тебѣ что-то оборвалось, точно обрывается нитка за

ниткой сердце—и даль будущаго темнѣетъ...—говорилъ онъ размѣреннымъ тономъ.

— У васъ какія-то новыя переживанія, — замѣтилъ я.

— Я и самъ за ними наблюдаю, сосредоточенно слѣжу.

Числа 4-го января онъ опять напомнилъ мнѣ о необходимости написать ему завѣщаніе. Но такъ какъ его не столько интересовало самое завѣщаніе, такъ какъ форма ему была хорошо извѣстна, сколько одинъ пунктъ относительно его наслѣдниковъ, то онъ особенно просилъ меня разработать юридически этотъ пунктъ и сообщить ему. Я это сдѣлалъ.

Цѣлый январь мы видѣлись, но лицо его мнѣ начинало все менѣе нравиться: какое-то блѣдное, глаза безъ вдохновенія и искръ, руки холодныя. Все думаетъ о чемъ-то одинъ. Въ началѣ февраля онъ былъ уже явно боленъ, но въ школу ходилъ аккуратно. 14-го февраля 1912 года—онъ умеръ.

Я не могу лишить себя особеннаго удовольствія привести слова друга В. П. Далматова извѣстнаго драматурга, писателя и знатока искусствъ Петра Петровича Гнѣдича о личности В. П.

Его слова обвѣяны поэзіей и нѣжностью давнишней дружбы, сродства и пониманія душъ. П. П. и В. П. были искренно привязаны другъ къ другу, какъ два талантливыхъ и благородныхъ человѣка, втеченіи весьма долгаго промежутка времени. Ихъ связывала любовь къ театру, къ искусству, къ писательству, къ людямъ, и всегда, когда они говорили, они затрагивали высокіе предметы и темы искусства и театра. Слушая ихъ, я многому научился и многое вычерпалъ изъ ихъ умозаключеній и воспоминаній. Они были для меня умственной школой.

Искатель свободы.

«Я зналъ Далматова болѣе тридцати лѣтъ и любилъ его, какъ искренняго друга и хорошаго человѣка. Никогда и намека на недоразумѣніе у меня съ нимъ не было,—а мы долгіе годы служили одному и тому же дѣлу и интересы наши были общи.

Чѣмъ рѣзко отличался Далматовъ отъ своихъ товарищей артистовъ,—это страстной любовью къ свободѣ. Онъ ненавидѣлъ путы, связывавшія свободное творчество, презиралъ низкопоклонство, чиновничество, наушничество и держалъ себя независимо и гордо.

Онъ умеръ, почти ничего не оставивъ послѣ себя, кромѣ свѣтлой памяти. Онъ даже не получалъ пенсіи за двадцать лѣтъ службы, на которую имѣлъ законное право, и на напоминанія друзей говорилъ:

— О чемъ же я буду просить, когда мнѣ она и безъ того причитается? Захотятъ—дадутъ. А не дадутъ—не надо.

* * *

«Я познакомился съ нимъ въ концѣ 1881 года. Я пріѣхалъ въ Москву, на постановку моей первой пьесы «На хуторѣ» въ Пушкинскомъ театрѣ. На репетиціи я увидѣлъ высокаго брюнета, немного напоминавшаго лицомъ только-что сошедшаго въ могилу любимца петербургской публики Далматова. Онъ не торопясь ходилъ, не торопясь говорилъ, испытующе глядя на все окружающее. Меня познакомили съ нимъ, какъ съ однимъ изъ исполнителей моей пьесы. Онъ еще тогда удивилъ меня тѣмъ, что началъ говорить не о себѣ, а о свободѣ театровъ.

— Кажется, заря свободы занялась: частные театры разрѣшены въ столицахъ,—сказалъ онъ.—И вы это счастье испытываете на себѣ: пьеса ваша запрещена для Императорскихъ театровъ, но вы можете показать ее столичной

публикѣ, и пусть сама публика рѣшитъ, насколько она возможна на сценѣ.

Онъ вдумчиво относился къ роли, долго говорилъ о ней, входилъ въ детали костюма, искренно радовался своему успѣху, а болѣе всего тому, что нецензурная пьеса оказазалась цензурной.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Во главѣ Александринскаго театра сталъ А. А. Потѣхинъ. Его дѣятельность началась съ постановки и хлопотъ о разрѣшеніи нецензурныхъ пьесъ. Онъ взялся за обновленіе труппы. Онъ пригласилъ Стрепетову, Писарева, Далматова, Свободина, Чарскаго, Лола и упразднилъ неприличную для образцовой сцены оперетку.

Далматовъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ къ старому знакомому. На свою службу въ Петербургѣ онъ смотрѣлъ съ опасеніемъ.

— Чувствуешь себя здѣсь очень стѣсненнымъ оффиціальными рамками,—говорилъ онъ.—Я боюсь за себя.

Его южный, мало обузданный темпераментъ, въ первый же годъ его пребыванія, ознаменовался камерами мировыхъ судей, правда, никогда его не каравшихъ. То его судятъ за своевольную расправу съ извозчикомъ, который хотѣлъ улизнуть, не давъ съ пяти рублей сдачи, то за «личное» объясненіе въ ресторанѣ съ господиномъ, неуважительно относившимся къ искусству. Онъ говорилъ:

— Трудно здѣсь жить, трудно.

Я заставалъ его въ его маленькой квартиркѣ въ Ивановской улицѣ, гдѣ онъ въ корытѣ собственноручно мылъ пятилѣтняго сына. Онъ теръ губкой его худенькое тѣло и приговаривалъ:

— Что подѣлать: вѣдь это мой товарищъ по несчастью.

Мы скоро сошлись съ нимъ на «ты».

* * *

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Іоанна Грознаго въ піэсѣ гр. А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». Одна изъ любимыхъ ролей В. П. въ классическомъ репертуарѣ. (Театръ Литературно-Художественнаго Общества и Имп. Александрійскій театръ 1898-й годъ.

НАУЧНАЯ

Когда онъ нѣсколько поостылъ и когда на мѣсто Потѣхина поступилъ Медвѣдевъ, Далматовъ высказалъ надежду:

— Можетъ быть, вздохнемъ свободнѣе, а то дышать нечѣмъ.

При Крыловѣ стало еще душнѣе. Далматовъ и Крыловъ были антиподы: они смотрѣли на искусство съ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія. Далматовъ цѣнилъ все идеальное, а Крыловъ—все реальное. Одинъ витали въ эѳирѣ, другой былъ на землѣ. Однажды ко мнѣ пріѣхалъ Василій Пантелеймоновичъ мрачный.

— Я завтра подаю прошеніе объ отставкѣ,—объявилъ онъ.

Я началъ его уговаривать, но онъ былъ непоколебимъ.

— Мнѣ они не нужны,—говорилъ онъ,—я имъ нужнѣе. Я проживу и безъ нихъ. Я бродяга, а не чиновникъ. Подслуживаться я не умѣю. Силы у меня еще есть. Здѣсь меня обираютъ со всѣхъ сторонъ, заставляя дѣлать, что нужно другимъ, но не нужно мнѣ. Все это надоѣло, и я иду на волю.

И онъ ушелъ.

Весною 1895 года онъ воротился въ Петербургъ и нѣсколько разъ выступилъ въ Кононовскомъ залѣ. Тогда только нарождался новый частный театръ съ А. С. Суворинымъ во главѣ. Конечно, первымъ дѣломъ заговорили съ Далматовымъ,—но онъ уже былъ связанъ обѣщаніями съ провинціальными театрами.

Зато на слѣдующій сезонъ 1896—1897 гг., когда театръ Суворина пріютился на набережной Невы, Далматовъ снова выступилъ передъ петербургской публикой и имѣлъ огромный успѣхъ: его герцогъ Альба, секундъ-майоръ Алтушевъ, Маркъ Великолѣпный—способствовали тому, что онъ, полусмѣясь, говорилъ:

— Гдѣ я—тамъ образцовая сцена.

* * *

«Дѣла Литературнаго театра еще не были упрочены. Сезонъ кончился на масляной,—и неизвѣстно было, продолжитъ ли театръ свое существованіе. Далматовъ опять уѣхалъ въ провинцію—и послѣдній сезонъ провелъ внѣ Петербурга. Съ 1898 года онъ уже непрерывно, до самой смерти, служилъ здѣсь.

Мнѣ пришлось почти все время работать вмѣстѣ съ нимъ. Кто не помнитъ ряда его выступленій—Петруччіо въ «Усмиреніи строптивой», Іоанна въ «Смерти Грознаго», Тарелкина въ «Смерти Тарелкина»? Онъ выступалъ въ такихъ роляхъ, какъ «Лиръ» и «Макбетъ». Трагическія роли не составляли его «перловъ созданія» и ничего не прибавляли къ его репутаціи. Талантъ Далматова былъ лишенъ блѣдности исполненія: это было или хорошо, или нехорошо. Когда онъ шутя выступалъ въ драмѣ, особенно если она была написана стихами, это было иногда неудачно, дѣланно. Но всегда было сильно, благородно. Онъ уходился съ годами—сталъ болѣе сдержанъ, корректенъ. Его популярность, какъ человѣка, въ Петербургѣ все росла и росла.

* * *

«Осенью 1900 года Императорская дирекція предложила мнѣ управленіе драматической сценой. Я спросилъ у Далматова, вернется ли онъ въ труппу Александринскаго театра. Онъ сказалъ, что со мной готовъ служить, но гдѣ гарантія въ томъ, что онъ не будетъ находиться въ такихъ же отношеніяхъ къ дирекціи, какъ прежде.

Я предложилъ ему поѣхать къ кн. С. М. Волконскому, который тогда былъ директоромъ. Онъ принялъ Далматова съ той предупредительной вѣжливостью, которая такъ очаровывала артистовъ. Когда Василій Пантелеймоновичъ началъ объяснять, почему онъ ушелъ съ императорской сцены, князь замѣтилъ ему:

— Не будемъ говорить о прошломъ, поговоримте о будущемъ.

И они договорились. Черезъ десять минутъ Далматовъ уже былъ зачисленъ въ труппу.

— Да, повѣяло свѣжимъ воздухомъ!—сказалъ мнѣ вечеромъ въ тотъ же день Далматовъ.—Теперь, быть можетъ, не будетъ больше на сценѣ литься кровь, что лилась до сихъ поръ.

Его смутило то, что черезъ два мѣсяца послѣ пріема его ушелъ со службы князь Волконскій.

— Подождемъ, посмотримъ,—а нѣтъ, такъ уйдемъ,—рѣшилъ онъ.

Онъ выступилъ впервые передъ публикой въ роли Бенедикта въ шекспировскомъ «Много шуму изъ ничего», а затѣмъ начался рядъ его вдумчивыхъ, неторопливыхъ созданій. Онъ мечталъ сыграть «Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева въ той перспективѣ, какая должна быть дана для пьесы сороковыхъ годовъ,—и непремѣнно съ Савиной—Натальей Петровной. Мечта его осуществилась, и «Мѣсяцъ въ деревнѣ» вплоть до его смерти не сходилъ съ репертуара. Нынче зимой въ школѣ онъ любовно ставилъ цѣликомъ эту пьесу. Когда я говорилъ, что она не по плечу и готовымъ артистамъ, не только ученикамъ, онъ возражалъ:

— Пусть учатся на трудныхъ, легкое дастся имъ потомъ шутя.

Я не помню его больнымъ. Не помню, чтобы онъ когда-нибудь пріѣхалъ поздно на спектакль или репетицію. Когда артисты изумлялись, что Сальвини чуть не за три часа до спектакля является въ уборную, Далматовъ говорилъ:

— Такъ и нужно огромному таланту.

Онъ никогда ни о чемъ не просилъ, особенно о деньгахъ, бенефисахъ, юбилеяхъ. Онъ никогда юбилейныхъ торжествъ не справлялъ, отшучиваясь тѣмъ, что скрываетъ свои года. Впрочемъ, разъ онъ попросилъ меня объ одномъ:

— Пожалуйста, устрой такъ, чтобъ мнѣ не дали «заслуженнаго». Надо было дать мнѣ это званіе раньше,— а теперь ужъ поздно.

Причина его смерти—тѣ потрясенія всего организма, что онъ потерпѣлъ при крушеніи поѣзда въ Сибири, когда онъ прошлой весною поѣхалъ на гастроли. Онъ упалъ съ верхняго дивана, у него было вышиблено нѣсколько зубовъ, на него свалился тяжелый чемоданъ. Воротясь, онъ началъ кашлять кровью. Вмѣсто того, чтобы серьезно заняться леченіемъ, онъ на уговоры близкихъ твердилъ одно:

— Настанетъ лѣто—отдохну.

Онъ мечталъ о большомъ свободномъ дѣлѣ. Онъ говорилъ, что будущій сезонъ—послѣдній на казенной сценѣ, что дальше «прозябать» онъ не будетъ, у него все готово для того, чтобы начать «настоящій театръ» съ свободой творчества, съ любовью къ дѣлу. Онъ хотѣлъ порвать тѣ «цѣпи раба», которыми онъ былъ скованъ. Если бы онъ внимательнѣе относился къ себѣ, быть можетъ, онъ прожилъ бы лѣтъ пятнадцать-двадцать, и его мечты о «свободномъ театрѣ» воплотились бы.

Но смерть прервала все».

П. Гнѣдичъ.

«Новое Время»,
19 февраля 1912 г.

Шутки, анекдоты, острословія, остроумія, черты и были изъ жизни В. П. Далматова и его мысли о сценѣ, актерѣ, игрѣ и о театрѣ.

Чрезвычайно много шутокъ, анекдотовъ, острословій В. П. Далматова распространено среди знавшихъ его и въ широкой публикѣ. Онъ былъ остроуменъ отъ природы. Юморъ его былъ извѣстенъ всѣмъ. Василій Пантелеймоновичъ былъ превосходный собесѣдникъ, пріятный собутыльникъ и джентльменъ въ обращеніи.

Художникъ съ ногъ до головы, онъ всячески старался подойти къ каждому явленію жизни съ художественной стороны и въ каждомъ человѣкѣ отыскать только лучшія его стороны. Юморъ его былъ незлобивъ, больно не дѣлалъ и сердца не рѣзалъ. Юморъ его былъ однимъ изъ проявленій его живой, энергичной, жизнерадостной натуры, его крѣпкаго, не истомленнаго болѣзнями организма. Юморъ В. П. Далматова былъ юморъ честнаго человѣка и, по своимъ свойствамъ, напоминалъ юморъ И. Ѳ. Горбунова и М. И. Писарева.

Съ И. Ѳ. Горбуновымъ Василій Пантелеймоновичъ дружилъ, и нѣкоторые, видѣвшіе ихъ вмѣстѣ, разсказывали, что не было бо̀льшаго удовольствія, какъ слышать обоихъ артистовъ. Каждый изъ нихъ старался блеснуть другъ передъ другомъ перлами своего остроумія.

* * *

Насколько В. П. Далматовъ любилъ художественность, свидѣтельствуютъ два случая. Онъ самъ объ нихъ разсказывалъ.

— Однажды, въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, на углу, я засмотрѣлся на прелестную представительницу женскаго пола. Разсматривалъ гравюры, а самъ перекидывался съ ней глазами. Она была не прочь познакомиться со мной. Но вотъ что я увидѣлъ. Подходитъ къ ней сзади маленькій, юркій апашъ и сталъ красть у нея изъ кармана платокъ. Я заинтересовался самимъ процессомъ, *какъ* онъ кралъ: осторожность, выдержка, ловкость были изумительны. Это было, положительно, художественно. Меня заинтересовала художественная сторона, то есть самый процессъ, *какъ* онъ кралъ. Я даже позабылъ о прелестной женщинѣ. Но онъ, маленькій апашъ, встрѣтился со мной глазами, сразу остолбенѣлъ и черезъ минуту пустился бѣжать. Я смѣло подошелъ къ дамѣ и попросилъ осмотрѣть свои карманы, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ она обокрадена.

* * *

— Другой случай былъ со мной на Волгѣ. Я ѣхалъ въ Саратовъ на гастроли. Получилъ въ Москвѣ большой авансъ. Ѣду всюду въ первомъ классѣ. На пароходѣ за табльдот'омъ все приличные люди: отставные военные, и ни одного, по наблюденіямъ, корнета Отлетаева, чиновники, какіе-то джентльмены и аристократы безъ опредѣленныхъ занятій. Пили много шампанскаго. Составился польскій банчокъ. Металъ какой-то военный изъ кавалеристовъ. Я все проигрывалъ. Даже стало страшно. Не доѣду, думаю... Только я замѣтилъ одну подробность: удивительное художество. Гляжу это на его руки, а онѣ у него, у военнаго, какъ волчекъ. Быстрота поразительная! Проигралъ я все. А потомъ всталъ, прошелся вокругъ стола, да и говорю военному:

— Пойдемъ, братецъ, ко мнѣ въ каюту. Тамъ поиграемъ вдвоемъ, промежъ себя.

— Отправились. Я заперъ каюту за собой и говорю:

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Іоанна Грознаго въ «Смерть Іоанна Грознаго» гр. А. К. Толстого въ постановкѣ П. П. Гнѣдича. Одна изъ любимыхъ ролей В. П. классическаго репертуара. Игралъ въ провинціи въ началѣ 90-хъ годовъ—въ Саратовѣ, ва Пензѣ. (Театръ-Литературно-Художественнаго Общества—театръ А. С. Суворина и Александрінскій театръ) 1898-й годъ.

— Ловкій ты, братъ... художникъ... движенія красивыя, увѣренныя... большая практика! Я любовался, какъ ты хорошо это дѣлаешь. Вотъ что только, братецъ, верни ты мои деньги. Вѣдь, послѣднія.

Онъ началъ было волноваться: какія, за что, да почему?

— Да ужъ не волнуйся, братецъ, говорю. Будь честенъ, верни мнѣ мои деньги!—Да какъ взглянулъ на него, такъ онъ тотчасъ же и вернулъ мнѣ всѣ деньги. Посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, да не сказалъ, повернулся и вышелъ.

* * *

Въ Ростовѣ-на-Дону произошелъ съ Васпліемъ Пантелеймоновичемъ такой случай. Онъ жилъ вдвоемъ съ М. И. Писаревымъ. За что-то его описывали. Въ моментъ описи никого въ номерѣ не было. Номеръ открыли, и судебный приставъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ самый разгаръ входитъ В. П. Далматовъ и видитъ судебнаго пристава, представителя кредитора, гостиничную администрацію, понятыхъ.

— Здравствуйте, господа, что вы тутъ дѣлаете?—тономъ Петруччіо, укротителя Катарины изъ «Укрощенія строптивой», спросилъ В. П.

— Описываемъ г. Далматова. А вамъ что угодно?—спрашиваетъ судебный приставъ.

— А я тоже пришелъ его описывать. А великъ ли долгъ г. Далматова?

— Всего 200 рублей.

— О, Боже, о, Боже! какой позоръ! Но не судите его такъ строго: артистъ, безпечность, женщины, векселя. О, не судите его строго! Кто-нибудь изъ друзей, вѣроятно, заплатитъ за него,—и В. П. Далматовъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ, ему совершенно чужихъ людей.—Никто не желаетъ. Ну, такъ я за него заплачу,—и онъ

выложилъ на столъ слѣдуемыя деньги.—А теперь прошу выпить и закусить,—и человѣкъ внесъ въ номеръ подносъ, уставленный закусками и винами.

* * *

У Василія Пантелеймоновича были золотые часы съ государственнымъ орломъ и съ массивной золотой цѣпочкой. Я спросилъ его, чей это подарокъ. Василій Пантелеймоновичъ разсказалъ:

— Однажды мы играли во дворцѣ. Покойный государь Александръ III пришелъ къ намъ за кулисы и увидѣлъ меня. Я игралъ военнаго. Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно, точно оцѣнивая мою фигуру, и говоритъ:—Отчего вы не военный? Вы всей фигурой созданы для строевой военной службы! Вотъ-то-то былъ бы гренадеръ!

— Обманчивый видъ!—отвѣтилъ я государю:—только кажусь такимъ, ваше величество, а внутри я—артистъ, ваше величество, божьей милостью артистъ.

— Государь тихо тронулъ меня за плечо и чрезвычайно мягко, сердечно сказалъ:—Благодарю! спасибо за честную службу русскому искусству!—и подарилъ вотъ эти часы.

Уха изъ необыкновенной рыбы.

В. П. Далматовъ обладалъ большой физической силой. Однажды (дѣло происходило въ первые годы его пребыванія въ Петербургѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка), онъ, чрезвычайно навеселѣ, взялъ безъ торгу извозчика, какъ всегда, впрочемъ, дѣлалъ, никогда не забывая своего амплуа перваго московскаго фата, значитъ, богатаго и не стѣсняющагося въ средствахъ, и поѣхалъ. Путь былъ недалекій—всего двѣ-три улицы. Остановились. В. П. величественно слѣзъ съ пролетки, мето-

дическимъ движеніемъ руки досталъ рубль и медлительно подалъ его извозчику.

Тотъ, взглянувъ на рубль, съ явной дерзостью и незаслуженно сталъ просить прибавки. В. П. что-то ему возразилъ, какъ всегда, мягко и деликатно. Извозчикъ отвѣтилъ ему какою-то новою дерзостью съ довольно непристойной бранью и дернулъ лошадь, стремясь улизнуть.

Тогда В. П. пришелъ въ такую ярость, что побѣжалъ вслѣдъ за удалявшейся пролеткой и, не останавливая ее, на ходу стащилъ извозчика съ козелъ. Поваливъ его на землю, онъ началъ его бить положительно смертнымъ боемъ. Извозчикъ сталъ вопить, барахтаться, вырываться изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго Василія Пантелеймоновича. На помощь выбѣжалъ дворникъ сосѣдняго дома и сталъ отнимать изъ его рукъ избиваемаго извозчика.

Не разбирая, въ чемъ дѣло, В. П. сталъ колотить и дворника, поваливъ его на землю, и, надавивъ всѣмъ корпусомъ на извозчика, продолжалъ тузить ихъ обоихъ жестоко, куда попало.

Въ это время по улицѣ проходилъ какой-то довольно приличный господинъ и, видя сцену побоища, вступился за избиваемыхъ и сталъ отнимать изъ рукъ В. П. барахтавшихся на землѣ извозчика и дворника. В. П. даже не посмотрѣлъ, кто заступникъ, и, разгоряченный, безъ шапки, съ откинутымъ далеко пальто, прихватилъ и этого господина, смялъ его подъ себя и сталъ разсыпать удары направо и налѣво.

Часъ былъ ночной. Явился городовой. Составилъ протоколъ. На другой день В. П. былъ экстренно вытребованъ къ тогдашнему, крайне грозному и несовсѣмъ сдержанному градоначальнику генералу Грессеру.

Грессеръ, со свойственной ему дѣловитой сухостью и строгостью, заявилъ В. П., что не находитъ оправданія его поступку, какъ артиста Императорскихъ театровъ, что не хотѣлъ бы придавать эту исторію огласкѣ, такъ какъ это

значило бы набросить нѣкоторую тѣнь на труппу Александринскаго театра и на самый Александринскій театръ, какъ на казенное учрежденіе, и потому просить его поѣхать и извиниться передъ барономъ NN, котораго онъ, неизвѣстно за что, билъ.

В. П. сдѣлалъ на своемъ лицѣ знакъ безграничнаго удивленія.

— Барона?!.. я билъ барона?!.. Боже мой! Какой ужасъ! Какой скандалъ! Какъ только я могъ, какъ я смѣлъ это сдѣлать!.. Не пойму... Благородное лицо... и вдругъ бито! Не помню, какъ было, при какихъ обстоятельствахъ! Былъ въ забвеніи, въ помраченьи логики, событій, видимо, былъ въ трансѣ, ваше превосходительство... Шампанское—вино опасное, коварное. Какъ только я могъ осмѣлиться посягнуть на благородное лицо барона?!..

В. П. поѣхалъ извиняться.

Баронъ оказался человѣкомъ весьма любезнымъ.

Увидя у себя знаменитаго артиста, онъ охотно простилъ ему все и тутъ же пригласилъ его не отказать съ нимъ у него позавтракать.

Началась новая попойка. В. П. пилъ охотно и много и, должно сказать, пилъ съ такой художественностью, что производилъ впечатлѣніе человѣка, совершающаго священнодѣйствіе. Посыпались анекдоты, разсказы, шутки, остроумія. Баронъ былъ очарованъ В. П. Далматовымъ.

Завтракъ перешелъ въ обѣдъ и продолжался часовъ до одиннадцати вечера.

Чтобы закончить такъ хорошо начатое утро, было рѣшено поѣхать въ какой-нибудь фешенебельный кабакъ. Выбрали ресторанъ Палкина на Невскомъ. Поѣхали.

В. П., монументальный, величественный, съ чисто выбритымъ бронзовымъ лицомъ, очень навеселѣ, поднимался по лѣстницѣ подъ руку со своимъ новымъ другомъ барономъ въ главный залъ ресторана.

На верхней площадкѣ, передъ входомъ въ залъ, стоялъ

громадныхъ размѣровъ аквaріумъ, въ которомъ лѣниво плавали большія рыбы.

В. П. остановился передъ аквaріумомъ и сталъ про себя разсуждать:

— Вотъ хорошо было бы освѣжиться! окунуться въ холодныя струи воды!

Баронъ, нѣсколько покачиваясь, сталъ что-то возражать...

В. П. насмѣшливо посмотрѣлъ на него черезъ пенснэ и говоритъ:

— А мнѣ, баронъ, почему-то больно захотѣлось ухи, но не простой, не московской ухи, а изъ какой-нибудь особой, необычайной рыбы, ну, скажемъ, изъ ламбардана. Знаешь рыбу ламбарданъ?

— Слыхалъ, но не ѣдалъ!..—лепеталъ баронъ и покачивалъ головой.

— Но не ѣдалъ!..—повторилъ В. П....—и я, братъ, не ѣдалъ, а хочется, хочется необыкновенной ухи, отъ полноты души хочется. Баронъ, а не хочешь-ли ты стать ухой?

— То есть, какъ ухой, Василій Пантелеймоновичъ?

— Да просто! былъ барономъ россійской имперіи, а сталъ ухой... необыкновенной ухой.

— Не понимаю,—повидимому, протрезвляясь, сталъ говорить баронъ,—какъ это будетъ?

— А вотъ посмотри, баронъ!—и Василій Пантелеймоновичъ, не долго думая, поднялъ барона на руки и, не давъ ему опомниться, быстро спустилъ его въ аквaріумъ и властно обратился къ присутствовавшему при этомъ метрд'отелю:

— Сварите мнѣ эту рыбу!

Баронъ, сразу погрузившись въ воду, сталъ плавать вмѣстѣ съ другими большими рыбами, ныряя, выплевывая и расплескивая вокругъ себя воду. Наступило общее замѣшательство. Не знали, что предпринять, Баронъ про-

должалъ барахтаться въ акваріумѣ, а В. П. серьезно разсматривалъ эту необыкновенную рыбу.

Весь Петербургъ, сначала театральный, а затѣмъ и другіе круги, заговорилъ объ ухѣ изъ необыкновенной рыбы.

Александринскій театръ.

Во время управленія труппой Александринскаго театра драматурга Крылова, В. П. не находилъ для себя ни ролей, ни соотвѣтствующаго своимъ дарованіямъ репертуара... В. П. не скрывалъ своего раздраженія противъ писательства Крылова и эту полосу русской драматической эпохи обозвалъ «крыловщиной».

Крыловъ очень благоволилъ къ М. Г. Савиной и писалъ почти всѣ пьесы подъ Савину и для Савиной. Противъ такого направленія крыловской драматической музы В. П., вообще, съ объективной стороны, не имѣлъ возраженій и даже настаивалъ на его возможности, ссылаясь на драматурга Сарду и Сарру Бернаръ, но только находилъ подобныя занятія на образцовой сценѣ предосудительными и опасными, такъ какъ они изгоняютъ чистое искусство, художество, а подъ художественной литературой онъ понималъ творчество въ духѣ Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона, Пушкина, Островскаго. Драматическое писательство В. А. Крылова не удовлетворяло художественнымъ и литературнымъ идеаламъ Василія Пантелеймоновича. Точки зрѣнія В. П. и Крылова на творчество и актера не совпадали.

Отношенія между В. П. и завѣдующимъ труппой обострялись. Наконецъ, наступилъ полный разрывъ, и В. П. представилось необходимымъ покинуть Александринскую сцену, какъ необразцовую, нехудожественную, охваченную «крыловщиной».

— Бываютъ въ жизни человѣка сложные и грозные

моменты,—разсказывалъ мнѣ В. П. о своемъ уходѣ съ образцовой сцены...—Въ такихъ случаяхъ сильный мужчина не долженъ ни съ кѣмъ совѣтоваться, никому не долженъ повѣрять волненій и сомнѣній своей души, онъ ничего не долженъ говорить даже любимой женщинѣ, даже умному и чуткому другу. Нужно найти рѣшеніе вопроса въ самомъ себѣ. Передъ тѣмъ, какъ уйти съ Александринской сцены, я поздней ночью пошелъ на Неву, къ памятнику Петра, и сталъ ходить вокругъ него, обдумывая создавшееся положеніе и принятое мной рѣшеніе уйти подальше отъ интригъ и нехудожественности Александринскаго театра. Ходилъ долго. Наступилъ разсвѣтъ. Тяжело было покидать Петербургъ. Вижу, этого совсѣмъ не надо было, но, видимо, такова ужъ была судьба...—Уйти?—спросилъ я самого себя въ послѣдній разъ и какъ-то машинально взглянулъ прямо въ лицо Петру Великому на стальномъ конѣ, знаете, того Петра Великаго, котораго сдѣлалъ Фальконетъ и поставилъ на Невѣ у Сената. Мнѣ показалось, что онъ мнѣ кивнулъ въ знакъ согласія. Мнѣ этого было довольно. Въ тотъ же день я подалъ прошеніе объ отставкѣ.

„Отрадное“.

Василій Пантелеймоновичъ такъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ себѣ участокъ земли въ «Отрадномъ».

— Ѣду я, однажды, изъ Литературно-Художественнаго общества, не знаю самъ, почему, часовъ въ десять утра. Что было въ ночь—не помню. Туманъ застилаетъ глаза... Разочарованъ въ дружбѣ, въ людяхъ, въ дѣлахъ, въ женщинахъ... Петербургъ кипитъ, движется, весь такъ и первничаетъ, какъ хорошій конь, потокомъ льется... Понравился мнѣ въ это утро Невскій такъ, какъ никогда... На сердце пала какая-то сладость, какое-то умиленіе... Ду-

маю себѣ, міръ-то, Боже, какъ хорошъ! А на сердцѣ грустно. Разочарованіе людьми какъ-то таинственно слилось съ умиленіемъ сердца. Дѣлаю глубокій вздохъ грудью... Поднимаю глаза, и мой взглядъ останавливается на вывѣскѣ одного изъ домовъ, сдѣланной большими черными буквами на бѣломъ фонѣ:

— «За пятьдесятъ рублей можно пріобрѣсти большой дачный участокъ въ полную собственность».

— Я пощупалъ портмоне. Помнится, у меня было больше пятидесяти рублей, но милые, добрые мои друзья, мои искренніе, собутыльники и доброжелатели, должно быть, не пощадили ихъ. Я лѣзу въ карманъ, вынимаю портмоне и вижу: два кредитныхъ билета, двадцатипятирублеваго достоинства, лежатъ, прижавшись другъ къ дружкѣ, какъ братъ и сестра, жалостливые и грустные.

Вдругъ я почувствовалъ такое расположеніе къ осѣдлости, такую страсть и уваженіе къ собственности, что чуть-ли не возопилъ:

— Извозчикъ, другъ мой, остановись! поверни свою лошадь вотъ къ тому подъѣзду.

Поднялся во второй этажъ. Умиленіе, чувство радости и уваженія ко всякой собственности вновь такъ и охватили меня. Не иду по лѣстницѣ, а бѣгу. Однако, помню, что крѣпко придерживаюсь перилъ. Все же, держу базу. Вхожу въ контору. Артельщикъ и милая барышня дружественно обласкали меня, окатили ѳпміамомъ благосклонности, разсказавши, что участки на Невѣ самые лучшіе и здоровые во всей петербургской округѣ.

— Значитъ, говорю, можно за пятьдесятъ рублей собственность пріобрѣсти?

— Можно!..

— Вотъ это хорошо! Получите...

Такъ я и сдѣлался собственникомъ.

Впрочемъ, эти пятьдесятъ рублей стоятъ мнѣ уже двад-

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Петруччіо въ «Укрощеніи строптивой», Шекспира.

(Театръ Литературно-Художественнаго Общества въ Петербургѣ—театръ А. С. Суворина). 90-ые годы.

Уральский государственный университет
Научная библиотека
г.

цати тысячъ и «Отрадное» я никакъ не могу пока превратить въ новый Павловскъ, какъ объ этомъ мечталъ.

Однако, Василій Пантелеймоновичъ привлекъ туда много дачниковъ, и «Отрадное» дѣлается изъ года въ годъ все болѣе и болѣе моднымъ и многолюднымъ.

Театръ въ „Отрадномъ“.

Въ «Отрадномъ» въ высокомъ зданіи упраздненной бойни В. П. Далматовъ задумалъ основать на мелкихъ паяхъ театръ. Сначала онъ былъ противъ театра, но затѣмъ смягчился и сталъ всячески способствовать его устройству. При этомъ онъ ставилъ условіемъ демократизацію и весьма широкое распространеніе паевъ между «отрадницами», жителями Тосны и Ижоръ.

— Вѣдь, это будущій Павловскъ, господа! надо шире захватывать людей, не слѣдуетъ быть узкими. Всѣ должны быть согражданами великаго дѣла искусства. Никому не должна быть загораждена дорога въ свободномъ развитіи всякаго театральнаго дѣла. Театръ—зеркало души, зеркало націи, его исторіи.

На общемъ собраніи, по приглашенію образовавшагося комитета, произошелъ такой случай.

Однимъ изъ послѣднихъ пришелъ Василій Пантелеймоновичъ, въ бѣломъ костюмѣ, монументальный, важный, гордый патриціи. Онъ обошелъ всѣхъ, какъ царствующій король Лиръ, поздоровался со всѣми и вдругъ видитъ въ числѣ гостей своего водовоза, который осклабился, увидѣвъ Василія Пантелеймоновича, и протянулъ ему руку.

Василій Пантелеймоновичъ хотѣлъ было удержаться отъ пожатія, но почти въ тотъ же моментъ взялъ его руку, потрясъ и говоритъ:

— Какъ я радъ видѣть и васъ, Кузьма Васильевичъ, въ качествѣ согражданина великаго искусства... Честь и

слава вамъ, отрадненскому водовозу. Понимаете дѣло! Русскій вы человѣкъ, умъ у васъ есть, дальновидность развита. Приношу вамъ свое русское спасибо отъ имени всеобщаго единенія во имя искусства.

* * *

Однажды, Василій Пантелеймоновичъ ѣхалъ на пароходѣ изъ Петербурга въ «Отрадное» по Невѣ въ сопровожденіи режиссера театра Литературно-Художественнаго Общества Г. В. Гловацкаго и нѣкоего г. Ермина, отрадненскаго гражданина. Дѣло было лѣтомъ. Хмурилось небо.

Едва они подъѣхали къ «Отрадному», какъ полилъ дождь. Василія Пантелеймоновича на пристани ждала его открытая пролетка съ великолѣпнымъ рысакомъ, его же спутники должны были пройти подъ дождемъ въ довольно далекій кварталъ. Положеніе создалось неравное и выгодное для Василія Пантелеймоновича. Въ пролеткѣ можно было усѣсться, самое большое, только двумъ, но ужъ тремъ никакъ нельзя было помѣститься.

Г. В. Гловацкій и г. Ермнъ убѣждали В. П. сѣсть на лошадь и ѣхать, такъ какъ не было надеждъ переждать дождь.

Василій Пантелеймоновичъ мудро, какъ-то въ себя, отвѣтилъ имъ:

— Неловко какъ-то, вмѣстѣ ѣхали на пароходѣ, вмѣстѣ пили, рѣчи вели... дружбой ото всѣхъ тропхъ вѣяло... Развѣ можно оставлять друзей въ бѣдѣ? Необходимо соблюдать равенство.

И Василій Пантелеймоновичъ, весь въ бѣломъ, въ широкой панамѣ, въ бѣлыхъ сандаліяхъ, съ тросточкой въ рукѣ, Гаврила Владимировичъ Гловацкій въ своей знаменитой, широкой съ рукавами разлетайкѣ и въ широкополой шляпѣ, похожій на Микель-Анджело Буанороттн въ послѣдніе годы, со старыми пьесами подъ мышкой, изъ кото-

рыхъ высовывались помятые листы, и г. Ерминъ зашагали подъ дождемъ. Василій Пантелеймоновичъ шелъ «гордо», точно бы дождь не хлесталъ его по лицу и не портилъ его бѣлаго костюма и великолѣпной панамы, а кучеру онъ приказалъ ѣхать домой возможно скорѣе, опасаясь, какъ бы онъ не промокъ.

Авіаторъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ «Отрадное», В. П. сидѣлъ въ каютѣ I класса и много пилъ шампанское съ Г. В. Гловацкимъ и съ какимъ-то господиномъ не то купеческой, не то приказчичьей складки.

Длинная борода, чуть не до груди, окладистая, степенная, методическая рѣчь, холодныя и медленныя движенія, большой лобъ съ гладко начесанными назадъ густыми волосами какъ бы свидѣтельствовали объ особой серьезности и сосредоточенности этого человѣка. Единственнымъ диссонансомъ въ лицѣ его были глаза, сѣрые, проницательные, бѣгающіе, какъ у мышенка, но и эти глаза часто потухали, когда на нихъ останавливались внимательные, пытливые глаза собесѣдника, и дѣлались такими жалостливыми, покорными.

Говорили о модной тогда авіаціи.

В. П. мечтательно, потягивая сигаретку, говоритъ:

— Вотъ бы дожить мнѣ, чтобы можно было полетѣть на аэропланѣ, какъ на этомъ пароходѣ: сѣлъ и поплылъ.

— А куда бы вы хотѣли, Василій Пантелеймоновичъ?— спросилъ Г. В. Гловацкій.

— А вотъ, напримѣръ, изъ «Отраднаго» въ Театральную школу и обратно, въ полчаса, безъ задержки, а то теперь тащимся, тащимся, тремся то о воду, то о землю, безъ толку теряемъ время.

— А это можно!—безапелляціонно и довольно строго сказалъ человѣкъ съ длинной бородой.

— А что можно-то?—весь встрепенулся В. П.

— Да полетѣть!—отвѣтилъ онъ.

— Можно?!—и В. П. воззрился на него.—Ну-у?!

— Да, можно, у меня есть проектецъ аэропланной машины, маленькой, на двухъ человѣкъ, съ сильнымъ моторомъ, вродѣ какъ Гномъ. Я долго надъ ней думалъ и проектъ начерталъ.

— И, что же, полетитъ?

— Да не можетъ не полетѣть! непремѣнно полетитъ! Такъ все прпдумано и разлажено!

В. П. мечтательно задумался и сталъ говорить:

— Вотъ онъ, русскій человѣкъ, прекрасный, обильный духомъ, все въ себѣ вмѣщающій и на все откликающійся русскій человѣкъ! Талантливая нація! много можетъ въ себѣ вмѣстить! Да, велика, обильна святая Русь!

— Но вотъ бѣда!—продолжалъ собесѣдникъ.—Нѣтъ мочи, приступить не могу. Средствъ у меня нѣтъ.

— А много-ли нужно?—заинтересовался В. П.

— Да не особо! Ангаръ опять же надобенъ, гдѣ строиться и чиниться. Много дерева пойдетъ!

— Что-жъ, ангаръ?! ангаръ на мой счетъ! это я могу! и затѣмъ прочее дерево, все, что нужно, а насчетъ мотора воззовемъ къ общественной благотворительности: Россія богата, она поможетъ.

Взялись за руки, выпили лишній бокалъ шампанскаго. Рѣшено было построить ангаръ на одномъ изъ островковъ на Невѣ подалѣе отъ любопытныхъ взоровъ. Такъ какъ собесѣдникъ оказался жителемъ близълежащаго по линіи Сѣверной желѣзной дороги поселка—Песковъ, то онъ наѣзжалъ въ «Отрадное». Работа по постройкѣ аэроплана началась.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣло что-то подвигалось довольно медленно. В. П. все время выдавалъ деньги.

Между тѣмъ, до отрадницевъ дошелъ слухъ, что у аэропланщика въ поселкѣ появился небольшой, но уютный деревянный домикъ. Кто-то изъ отрадницевъ, любившихъ Василія Пантелеймоновича, поѣхалъ въ «Пески» посмотрѣть на то, каковы его собственныя сооруженія, и узналъ, что онъ покрылъ крыши своего домика и службы изъ матеріаловъ, привезенныхъ изъ «Отраднаго», т. е. за счетъ авансовъ В. П., чего до того онъ никакъ не могъ сдѣлать.

Василію Пантелеймоновичу сообщили объ этомъ. Онъ призадумался и сказалъ:

— Дѣйствительно, странно какъ-то... Печальное совпаденіе: аэроплана нѣтъ, а домикъ уже готовъ... Прекрасенъ русскій человѣкъ, талантливъ и бороду иной разъ заведетъ длинную, степенную. Ну, какъ ему не повѣрить?! А надуетъ, непремѣнно надуетъ, коль за нимъ не доглядишь. За нимъ надо смотрѣть, ухо держать востро! Умный плутъ, дѣло свое знаетъ хорошо!.. Въ немъ всегда сидятъ Репетиловъ, Хлестаковъ да Чичиковъ.

Такъ аэропланъ никогда и не былъ выстроенъ.

Маляръ.

Какъ былъ довѣрчивъ къ людямъ В. П., свидѣтельствуетъ ничтожный, казалось бы, на первый взглядъ, но весьма интересный въ фактическомъ отношеніи случай.

Василію Пантелеймоновичу показалось необходимымъ окрасить лѣсенку съ перилами, ведущую съ высокаго берега внизъ къ купальнѣ на Невѣ на его дачѣ «Отрадное».

Онъ какъ-то прогуливался по всему дачному поселку «Отрадное» и увидѣлъ маляра, возившагося надъ окраской крыши какой-то дачи. Видъ у маляра былъ степенный, добродушный, борода лопатой, сѣрые глаза суровые, смотрятъ недовѣрчиво. Посмотрѣлъ на него, Василій Пантелеймоновичъ и рѣшилъ:

«Человѣкъ, по всему видать, надежный, серьезный, понимающій, дѣло свое знаетъ!»

Прошелъ нѣсколько шаговъ, обернулся, прикинулъ его еще разъ глазомъ и рѣшилъ отдать ему окрасить лѣстницы.

— Ты—маляръ, что-ли?! — спросилъ В. П.

— Да, маляръ!—отвѣтилъ тотъ твердо.

— Да-а—то-то же!

— А вамъ что?

— А не возьмешься-ли у меня окрасить кое-что?! Такъ немного, работа небольшая.

— Отчего же не взяться! можно-о-о! на то мы и маляры.

— Маляры?!

— Дѣло извѣстное, маляры,—новгородскіе.

— Да еще новгородскіе?! вотъ хорошо-то! такихъ у меня еще не бывало,—сказалъ В. П. и закурилъ сигаретку.

Условились о времени, когда маляръ приступитъ къ работѣ, но о цѣнѣ рѣчи не было.

Прошло недѣли полторы. Василій Пантелеймоновичъ радуется, все у него окрашено въ блѣдно-зеленую краску. Видъ перилъ лѣстницы со скамейками у самой дороги на «эспланадѣ», временно заслоненной, чтобы публика не садилась, былъ опрятный и даже блестящій. Онъ неоднократно выходилъ и любовался всѣмъ. Его художественное чувство было удовлетворено.

Пришло время къ разсчету.

Степенный маляръ, сурово и не глядя на Василія Пантелеймоновича, упершись въ бороду лопатой, излагалъ, что онъ сдѣлалъ на лѣстницѣ.

Василій Пантелеймоновичъ говоритъ:

— Да, да, видѣлъ... самъ видѣлъ... благодарю... очень хорошо... я очень доволенъ... А сколько это стоитъ?

Маляръ сдѣлалъ небольшую паузу, откашлялся и сказалъ:

— Да, что-жъ, поѣдемъ по дешевому тарифу: съ васъ дорого не возьмемъ!

— Однако, сколько же?

— Съ васъ только 120 рубликовъ!—и маляръ даже не моргнулъ.

— 120 рублей!—переспросилъ В. П. и мгновенно превратился въ столбъ, окаменѣлъ.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ Г. В. Гловацкій вмѣшался въ рядъ и сказалъ:

— Нѣтъ, это что-то невозможное! черезмѣрное! Дайте ему 40 рублей—и этого совершенно будетъ достаточно.

— Ну, возьмите 80... Но почему же 120?—Нѣтъ, это немыслимо, не за что,—тихо, про себя, въ очень мягкихъ тонахъ говорилъ В. П...—Вы еще подумайте! А, впрочемъ... впрочемъ, позвольте васъ хорошенько разсмотрѣть, быть можетъ, вы и не маляръ совсѣмъ, а экспропріаторъ, новый видъ грабителя, избравшій мѣстомъ своихъ дѣйствій «Отрадное»?!

Болѣзнь А. С. Суворина.

Когда разнеслась по Петербургу первая вѣсть о неизлечимой, тяжелой болѣзни А. С. Суворина, В. П. Далматовъ настолько былъ огорченъ, что только и говорилъ о ней. Онъ признавалъ, что А. С. Суворинъ и старъ, и довольно пожилъ, и сдѣлалъ все, что можно сдѣлать человѣку, въ мѣру его силъ и дарованій, но какъ-то не допускалъ мысли о томъ, что «старикъ» Суворинъ можетъ умереть.

— Намъ придется его хоронить...—сказалъ В. П.—Это будутъ большія, національныя похороны. Передъ фактомъ его смерти должна пасть всякая къ нему вражда, должны погаснуть всѣ страсти... Человѣкъ большихъ замысловъ, большой смѣтливости и удачи. Не меркантильный, не мелочный, не сухой, весь какой-то сотканный изъ блестковъ и огня, всегда горящій вдохновеніемъ и проникновеніемъ, онъ суровъ, иногда жестокъ и безпощаденъ. Но какъ удивительно

вѣренъ его глазъ:—онъ мѣткій стрѣлокъ, бьетъ намѣченную жертву безъ промаха, будь то сотрудникъ его газеты или врагъ, противникъ. Всѣмъ онъ указывалъ ихъ мѣсто, на аренѣ общественной дѣятельности, всѣхъ умѣлъ разгадывать. Особенная способность, какъ у большого государственаго человѣка, какъ у Петра I. Большой, исключительный русскій самородокъ... талантъ! Ничего, видимо, не подѣлаешь, всѣмъ надлежитъ совершить кругъ своего бытія—поработать, что-то создать и отойти въ темную, непзвѣстную вѣчность.

В. П. началъ обсуждать вопросъ, какъ сложится положеніе Театральной школы послѣ смерти А. С. Суворина, который поддерживалъ ее и матеріально, и морально.

Онъ былъ искренно удрученъ болѣзнью «старика» и, чувствуя себя здоровымъ и крѣпкимъ физически, былъ твердо убѣжденъ, что будетъ скоро присутствовать на его похоронахъ.

Объ этой болѣзни онъ говорилъ мнѣ въ концѣ января, а уже въ началѣ февраля самъ В. П. началъ чувствовать какія-то недомоганія, хотя и крѣпился. 14-го февраля онъ умеръ самъ, не дождавшись смерти А. С. Суворина, который умеръ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ В. П. Далматова, прославъ ему на гробъ большой дружескій и прощальный вѣнокъ.

З м ѣ и.

Въ «Отрадномъ», когда Васплій Пантелеймоновичъ готовилъ роль Несчастливцева, я, не желая ему мѣшать, уходилъ блуждать по «Отрадному» и далѣе въ близъ лежащія деревушки, чтобы изучить мѣстность, такъ какъ и самъ хотѣлъ, по его примѣру, по близости отъ него пріобрѣсти себѣ участокъ земли и воздвигнуть на немъ обиталище.

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Марка Великолѣпнаго въ піэсѣ Баррета «Новый Міръ». Одна изъ лучшихъ ролей В. П. классическаго репертуара.

Возвратившись, однажды, изъ своихъ дальнихъ прогулокъ къ раннему деревенскому обѣду Василія Пантелеймоновича, къ 3-мъ часамъ, я увидѣлъ его на бѣлой скамейкѣ съ грустно опущенной пьесой, съ раскрытой раскаленнымъ солнечнымъ лучамъ волосатой грудью и въ панамѣ. Потъ такъ и лилъ съ него.

Взглянувъ ему въ лицо, я увидѣлъ, что что-то важное случилось.

Между тѣмъ, изъ его садика, такъ красиво декорированнаго и планированнаго особо нанятымъ садовникомъ по планамъ и указаніямъ самаго Василія Пантелеймоновича, съ точно вымѣренными, прямыми, изящными дорожками, посыпанными рѣчнымъ пескомъ, несло дивнымъ ароматомъ цвѣтовъ, гвоздики и другихъ лѣтнихъ насажденій. Онъ и самъ полной грудью вдыхалъ ароматъ пряныхъ и сладкихъ растеній, щурился на солнце, подставлялъ ему свое лицо на нѣсколько минутъ и про себя повторялъ роль, но, тѣмъ не менѣе, во всей обстановкѣ было разлито смущеніе.

Сзади него была, какъ комната, вся изъ дорогого стекла, въ крупныхъ кусочкахъ, глухая, запирающаяся извнутри веранда, по карнизу которой шелъ довольно просторный жолобъ, изъ цынка, наполненный землей, съ посаженными въ него цвѣтами. По всей верандѣ шли деревянные голубые жалюзи, которые дѣлали какіе-то особенные мастера изъ Варшавы. Объ этихъ мастерахъ онъ вычиталъ въ «Новомъ Времени» и тотчасъ же выписалъ ихъ на свой счетъ въ «Отрадное» дѣлать ему жалюзи. Должно сказать, что жалюзи были сдѣланы художественно, на металлическихъ, бѣлыхъ, кажется, стальныхъ цѣпочкахъ, поднимались и раздвигались при малѣйшемъ нажимѣ и, вообще, представляли собою художественную работу, какъ-то особенно гармонируя съ блескомъ стекла и со всѣмъ тономъ веранды.

На верандѣ обычно обѣдали. Василій Пантелеймоновичъ самъ дѣлалъ салатъ, наливалъ водки и вина и, вообще, распоряжался столомъ.

Онъ любилъ быть maître'омъ du table вездѣ и, особенно, у себя дома. Гостепріимство и его ласковость были извѣстны всѣмъ.

За высокой художественной оградой съ рѣзьбой шелъ хорошо убитый, бѣлый, какъ кепень, трактъ на Шлиссельбургъ, далѣе лужайка на высокомъ берегу Невы.

Лицо Василія Пантелеймоновича было мрачно.

Было уже 3 часа.

Я молча прошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ, не говоря ни слова.

Увидѣвъ меня, онъ весь встрепенулся, ожпвился и говоритъ:

— Вотъ, наконецъ, и вы пришли! А у насъ тутъ случилось происшествіе, одно обстоятельство.

— Непріятное?! смутило васъ?

— Да, смутило.

— То-то я вижу по лицу, точно чернымъ по бѣлому написано.

— Да, представьте себѣ, оно случилось вонъ по той дорожкѣ,—и Василій Пантелеймоновичъ указалъ дорожку недалеко отъ себя. — Поднимаю отъ роли глаза, вижу, ползетъ змѣя. Никогда подобнаго не бывало, сколько лѣтъ ужъ здѣсь живу. Всюду опрятность, чистота, ни травки, ни ямки, ни ложбинки. Сами видите. Остановилась она вотъ на этомъ мѣстѣ, на солнечномъ припекѣ, лѣниво такъ, приподняла голову и въ упоръ смотритъ на меня. Я глянулъ ей прямо въ глаза, а она посматриваетъ на меня и языкомъ щелкаетъ, точно съѣсть меня хочетъ. Оторопь взяла. Я приподнялся. Убить не рѣшился. Пошелъ на веранду, а на душѣ, понимаете, какъ-то погано стало. Вѣдь, подумаешь, ничтожная рептилія, а эдакій мистическій страхъ внушаетъ. Я ее могу однимъ прижимомъ ноги, положительно, раздавить, а, между тѣмъ, самъ спѣшно сорвался со скамейки, точно бы испугался ее. Никого въ своей жизни не боялся, а вотъ

гнусную рептилію испугался. Гляжу изъ-за стеколъ веранды, наблюдая за нею.

Вижу, подползаетъ къ ней другая змѣя, подлиннѣе, полегли рядкомъ и грѣются, а морды повернули въ сторону веранды и какъ бы ищутъ меня глазами. Мнѣ очень почему-то показалось, что они меня разыскали, потому что послѣ этого стали щелкать еще больше языкомъ.

Наконецъ, я приказалъ водовозу изловить ихъ. Онъ съ мальчишкой Прошкой началъ ловить: одну поймалъ, положилъ въ банку съ травой, а другая уползла къ сосѣду на участокъ, къ генералу. У него невоздѣланный участокъ, много рытвинъ, выбоинъ, ямочекъ. Змѣи хоронятся и живутъ въ нихъ. А, знаете, все это не къ добру.

— Что такъ?

— Да, не къ добру!—и Василій Пантелеймоновичъ убѣжденно покачалъ головой... — Мнѣ что-то грозитъ и въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

— Напримѣръ, что?—спросилъ я его, увидѣвъ, что онъ серьезно волнуется.

— Смерть! самая близкая смерть!

Я даже свистнулъ отъ неожиданности такого вывода.

— Ну, ужъ, ваше превосходительство,— сказалъ я совершенно весело,—это вы оставьте! Двѣ какія-то змѣи, и даже не змѣи, а ужа́, съ вашего позволенія, самыхъ захудалыхъ мѣстныхъ и безобидныхъ ужа́ испугали васъ, какъ никогда не пугалъ васъ даже драматургъ Крыловъ и ни одинъ забулдыга антрепренеръ, увозившій съ собой залоги и всю наличность кассы. А тутъ извольте! И такъ все это быстро у васъ: смерть. Онъ изрекъ: смерть ему! и смерть вползла по дорожкѣ художественнаго садика и стала пощелкивать зубами, глядя на такую полную, здоровую и упитанную жертву, какъ его превосходительство артистъ Императорскихъ театровъ В. П. Далматовъ.

— Вы, вотъ, смѣетесь, вамъ что, вы молоды, а я, вѣдь, дѣло понимаю, въ корень вещей гляжу, чувствую, что она,

подлая, пришла и щелкаетъ зубами недаромъ. Щелкаетъ она потому, что сразу-то ее меня не взять, пожалуй, подавится, толстъ я сталъ, а вотъ такъ, съ напомпаніемъ, съ осторожностью, издалеча. Понимаете, на душѣ стало скверно, тяжесть какая-то сѣла, а, вѣдь, я все могу побороть, тяжесть мнѣ ни по чемъ, не страшна, силъ еще хватитъ побѣдить. Наплу отдышался. Смѣло вышелъ изъ засады. Снова на скамейку сѣлъ, а самъ оглядываюсь, не ползетъ-ли. Нѣтъ, ничего, но, вотъ, роли готовить не могу, нейдетъ. Въ моей Далмаціи есть повѣрье, что змѣя, незамѣтно появившаяся передъ человѣкомъ и мирно, казалось бы, безъ злого умысла щелкающая зубами, приноситъ человѣку большое горе... Что-то будетъ?!

Однако, я старался мало обращать вниманіе на мрачное состояніе духа и предчувствія Василія Пантелеймоновича и, во время наступившаго обѣда, не только разсказывалъ ему объ юмористическихъ встрѣчахъ сегодняшняго дня, но и вызвалъ его самаго послѣ краснаго вина къ пріятнымъ и сладостнымъ воспоминаніямъ о его прошлой, бурной и далеко не совсѣмъ ужъ счастливой жизни.

Было начало 5-го. Жарило во всю. Мы пошли наверхъ, въ его половину, соснуть: онъ легъ въ своей миніатюрной, но весьма изящной и тѣнистой спальнѣ, гдѣ были умывальная и гардеробная, а я легъ на большой просторный диванъ въ кабинетѣ дорогой черной кожи. Стеклянная дверь на маленькій балкончикъ, выходящій черезъ садъ на трактъ и на Неву, съ перспективой до видимаго глазомъ горизонта, была открыта. Гудѣли Шлиссельбургскіе пароходы, изрыгая густыми клубами дымъ, тянулись медлительныя баржи.

Я проснулся отъ какихъ-то необыкновенныхъ звуковъ: откуда-то изъ отдаленія неслись очень мелодичные мотивы, ласкающіе. Спросонья я ничего не понималъ. Повѣяло нѣжащей свѣжестью. Я проснулся и слышу, гдѣ-то играетъ граммофонъ, жалобно и грустно: «Не брани меня, родная, что я такъ его люблю»... Я окончательно проснулся и вижу: Васп-

лій Пантелеймоновичъ въ бѣлыхъ, толстыхъ полотняныхъ брюкахъ, спеціально для домашняго обихода и притомъ въ кругу друзей, въ одной нижней рубашкѣ съ открытой грудью, въ пенснэ, возится возлѣ кипящаго самовара, поставленнаго на изящный дубовый столикъ, на балкончикѣ, а съ лѣвой стороны отъ него жалобно поетъ граммофонъ.

Я всталъ, умылся. Стали пить чай.

О змѣяхъ не было и помину.

Послѣ чая мы рѣшили сдѣлать прогулку по «Отрадному», посмотрѣть участки и намѣтить то, что, съ точки зрѣнія Василія Пантелеймоновича, могло бы подойти мнѣ, тѣмъ болѣе, что теперь можно было стать собственникомъ участка и за меньшую сумму, чѣмъ 50 руб. Но В. П. тутъ же предупредилъ меня, что съ фактическимъ правомъ собственности на эти участки дѣло обстоитъ далеко не безупречно и что въ этомъ правѣ въ «Отрадномъ» имѣются весьма тяжелыя и даже непріятныя стороны. Однако, Василій Пантелеймоновичъ совѣтовалъ мнѣ, все-таки, смотрѣть на него, какъ на право, притомъ такое, которое можетъ превратиться современемъ, можетъ быть, черезъ тысячу лѣтъ, въ безупречное право собственности. Дѣло въ томъ, что вся земля въ «Отрадномъ» заложена и въ кредитныхъ учрежденіяхъ, и въ частныя руки, и потому пріобрѣтеніе третьими лицами права собственности на эти земли сопряжено съ большими и сложными затрудненіями.

Затѣмъ Василій Пантелеймоновичъ снова вернулся къ своей любимой темѣ о театрѣ и объ актерѣ. Онъ говорилъ о внутреннемъ воспитаніи актера:

— Я требую отъ актера,—говорилъ онъ вдумчиво,—начитанности, общей культурности и образованности, требую, чтобы онъ весь свой досугъ употреблялъ на чтеніе книгъ—или по своей спеціальности, или по литературѣ, особенно, по исторіи и философіи, даже по юриспруденціи, неукоснительно требую отъ него самоанализа, самоусовершенствованія, самоуглубленія и саморазвитія. Широко образованный

актеръ иначе освѣщаетъ роль и намѣренія автора и дѣлается истиннымъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ дѣлается самъ умнѣе, заставляетъ и другихъ быть умнѣе. Священный огонь, горѣніе это—то пламя, на которомъ жжется матеріалъ души актера—знаніе и пониманіе исторіи, быта, психологіи націй и народовъ. Родную литературу актеръ долженъ знать на зубокъ, во всѣхъ ея движеніяхъ, направленіяхъ и оттѣнкахъ, особенно, литературу драматическую, а затѣмъ ужъ обязанъ изучать литературы и классическіе образцы поэзіи и драмы древняго Рима, Греціи и Западной Европы. Онъ долженъ выработать свою житейскую философію, пусть хотя бы маленькую и не особенно содержательную, но свою, чтобы чувствовалась работа и движеніе теоретической мысли. Обязанности актера велики: онъ стоитъ передъ обществомъ, передъ всей націей и творитъ, побуждаемый изнутри божественнымъ глаголомъ и цѣлой связкой переплетшихся между собой особенныхъ обстоятельствъ. Я думаю всегда, что истинный артистъ-художникъ есть звено между Богомъ-природой и людьми, стоитъ посрединѣ между ними и объединяетъ ихъ собою. Каждый истинный авторъ драматическаго произведенія беретъ изъ исторіи, изъ жизни только самое главное, яркое и типическое. Только въ такомъ случаѣ всякое драматическое произведеніе становится художественнымъ. Таковы произведенія Шекспира, Островскаго, Гоголя, Пушкина, Грибоѣдова. Нѣтъ ролей, а есть пьесы. Въ противномъ случаѣ, драматическія произведенія, въ которыхъ не выведены типическія черты человѣческой души, не составляютъ предмета искусства, и актеръ, настоящій дѣятель сцены, долженъ противъ нихъ бороться. А какъ онъ будетъ бороться, если онъ самъ плохо образованъ, если его эстетическій вкусъ не развитъ и у него нѣтъ широкаго философскаго критерія, нѣтъ своего взгляда на исторію и людей, создающихъ изъ условій своей жизни матеріалъ для исторіи и драматическаго произведенія?!

— Что касается до спеціализаціи актера въ роляхъ, то долженъ сказать, что первое время игры на сценѣ актера, такъ, примѣрно, лѣтъ пять, даже для иныхъ и цѣлыхъ десять, судя по индивидуальнымъ даннымъ, онъ долженъ играть всякія роли, на всякіе амплуа. Ни одинъ, даже великій актеръ не рождался и не былъ съ пеленокъ великимъ или особо прирожденнымъ комикомъ, трагикомъ, комедійнымъ актеромъ. Въ немъ могли быть только тѣ или иные задатки, душевныя начала, качества, но опредѣлились эти качества только послѣ весьма длительнаго и мучительнаго сценическаго опыта. Вотъ почему я придавалъ значеніе театральной школѣ, какъ мѣсту, гдѣ скапливается коллективный сценическій опытъ людей старыхъ, уже опредѣлившихся, придаю, по прежнему, почти исключительное значеніе тому обстоятельству, чтобы каждый начинающій актеръ лѣтъ десять поигралъ на сценахъ провинціальныхъ театровъ, понаблюдалъ и поизучалъ людей ему чуждыхъ и неизвѣстныхъ. Провинція до сей поры— святая колыбель для наблюденій и познанія жизни и людей: тамъ любятъ, понимаютъ и цѣнятъ актера, тамъ создается быть и строится исторія страны! Играя въ провинціи, актеръ долженъ зорко и внимательно слѣдить за собой, воспитывать въ себѣ аккуратность, граничащую съ педантической пунктуальностью, и добросовѣстность, а также быть хорошимъ, чуткимъ товарищемъ, не вносить раздора своимъ отношеніемъ въ родную семью товарищей-актеровъ, оберегать честь и доброе имя товарища по сценѣ, даже если у него имѣется прелестная и соблазнительная жена. Въ своей средѣ актеръ долженъ быть умнымъ и осторожнымъ. Мало того, провинція для актера такая же школа, какъ академія художествъ для художника, все, что онъ понаблюдаетъ и узнаетъ въ провинціи, останется въ его душѣ навѣки и опредѣлитъ его роль, какъ актера. Каждый актеръ, первыя десять лѣтъ его сценической дѣятельности, долженъ переиграть много, очень

много ролей, набрать, такъ сказать, какъ можно больше красокъ на свою палитру артиста-художника, и только тогда, само собой, опредѣлится, на что онъ годенъ. Сама душа потянетъ, незамѣтно для самого себя онъ узнаетъ, кто онъ такой, комикъ или трагикъ! Онъ опредѣлитъ тембръ своего голоса и манеру своей игры. Безъ большого сценическаго опыта нѣтъ актера—ни Петербургъ, ни Москва не дадутъ широкаго актерскаго опыта. Только необъятная святая Русь съ ея равнинами и полями, съ ея далекими городами, съ ея непзвѣстнымъ, то холоднымъ, то пламеннымъ населеніемъ, съ ея разнообразными національностями, людьми и характерами воспитываетъ и создаетъ актера. Да и жизнь въ ней, въ Руси, лучше, шире и привольнѣе. Какое безконечное поле для выводовъ и наблюденій! Я всегда всѣмъ молодымъ актерамъ совѣтую сначала поиграть въ провинціи, пройти тяжелую школу провинціальнаго актера, опредѣлить себя тамъ, а потомъ уже стремиться въ холодный Петербургъ или въ старую кумушку Москву. Быть актеромъ не шутка. Эта высокая обязанность равносильна обязанностямъ общественныхъ дѣятелей на любомъ поприщѣ дѣятельности.

Самоваръ нашъ шипѣлъ... граммофонъ наигрывалъ какой-то фривольный вальсъ... Василій Пантелеймоновичъ собственноручно разливалъ въ китайскія чашки крѣпкій, густой, душистый чай.

Стало прохладно. Съ Невы вѣяло оживляющей свѣжестью. Ярко-красное солнце спускалось къ горизонту. Въ природѣ разливалось раздумье, передъ тѣмъ, какъ свѣтлому дню погрузиться во мракъ ночи. Широкая въ этомъ мѣстѣ Нева стала сначала синѣть, а потомъ почернѣла.

Прежде, чѣмъ пойти съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ на прогулку, я спустился внизъ, взялъ у водовоза банку, въ которую была помѣщена змѣя. Въ травѣ, которой была наполнена большая бѣлая банка, сверху плотно прикрытая толстой бумагой и въ нѣсколько обхватовъ обвязанная

В. П. ДАЛМАТОВЪ

въ роли короля Лира въ драмѣ Шекспира «Король Лиръ».
(Театръ Литературно-Художественнаго Общества—театръ А. С. Суворина въ Петербургѣ).

Харьковский государственный университет
Научная библиотека
г. Харьков

бичевкой, она, видимо, спала, извилистая и противная. Дѣйствительно, странное, жуткое чувство производятъ змѣи! Не умѣя точно различать породъ змѣй, я, все же, думаю, что она была не изъ породы ужей, которыхъ, между прочимъ, въ этой округѣ чрезвычайное множество, а нѣчто другое, болѣе гадкое и злое.

* * *

Однажды, подъ вечеръ, мы вышли съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ изъ его дачи въ «Отрадномъ» на Шлиссельбургское шоссе. За чрезвычайно художественно сдѣланнымъ, по рисунку и особому заказу Василія Пантелеймоновича, заборомъ раздавались веселые звуки гармоники и притоптываніе нѣсколькихъ паръ ногъ.

Отъ самой дачи до калитки на шоссе шла дорожка изъ досокъ.

Василій Пантелеймоновичъ вышелъ не сразу, немного постоялъ, прислушался. Потомъ открылъ калитку.

На площадкѣ, передъ заборомъ, представлявшей собой мостикъ чрезъ прорытую канаву съ двумя, по бокамъ окрашенными въ бѣлую краску длинными скамейками, стояло и сидѣло десятка полтора горничныхъ и кухарокъ, и среди нихъ мѣстные, отрадненскіе и ближніе «ухари», съ гармониками и балалайками.

При видѣ Василія Пантелеймоновича всѣ повскакали съ мѣстъ. В. П. остановился и, посасывая свою сигарстку, обратился къ нимъ:

— Молодцы!.. веселитесь? ну, и веселитесь! Особенно, не забудьте дамъ... ихъ очень надо веселить, народъ капризный, несговорчивый... съ ними бѣда...

Смѣхъ въ публикѣ.

— Авдотья!—обратился онъ къ своей кухаркѣ,—вѣдь, ты тутъ, чай, вродѣ хозяйки. Чѣмъ же ты угощаешь го-

стей? Ничѣмъ? Куши чего-нибудь, угости ихъ, все-таки, здѣсь у васъ балъ, а не что-нибудь.

* * *

Шоссе, идущее изъ Петербурга на Шлиссельбургъ, нужно причислить къ разряду весьма устроенныхъ, но въ отрадинской мѣстности оно положительно красиво, оно бѣло, какъ скатерть, и убито, какъ паркетъ.

Возлѣ дачи Василія Пантелеймоновича имѣется заворотъ, которымъ чрезвычайно симметрично изгибается шоссе, небольшая рощица, и колѣно, которое дѣлаетъ Нева. Заворотъ, шоссе и колѣно Невы удивительно гармоничны по линіямъ и, въ общемъ контурѣ, художественны. Василій Пантелеймоновичъ не даромъ выбралъ именно этотъ уголокъ. Онъ могъ выбрать любой участокъ, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ первыхъ поселенцевъ въ «Отрадномъ», но онъ отмѣтилъ себѣ только этотъ участокъ у художественнаго колѣна, которое дѣлаетъ Нева.

По Шлиссельбургскому шоссе ходитъ много бродягъ, «колпинскихъ дворянъ», «пролетаріевъ, испытавшихъ превратности судьбы». Нѣкоторые изъ нихъ ограбливаютъ мѣстныхъ жителей.

Василія Пантелеймоновича никогда не трогали.

Я спросилъ:

— Почему?

— Да такъ! Знаю ихъ психологію, ихъ жаргонъ. Я самъ вродѣ, какъ бродяга, брошенъ въ этотъ міръ, брожу въ немъ и самъ не знаю той большой дороги, на которой умру. Я—пролетарій коренной и на нынѣшнее свое благополучіе гляжу, какъ на неожиданную случайность: мой міръ—художество. Безгранично оно и всюду толкаетъ по міру нашего брата, художника. Съ бродягами и другими людьми, блуждающими по шлиссельбургскому тракту, я часто веду длинныя бесѣды, узнаю ихъ горе и

нужды, прихожу къ нимъ на помощь, даю имъ работу. Хорошій, честный народъ! Шлиссельбургскіе воры и бродяги какъ-то понимаютъ меня, сочувствуютъ мнѣ и говорятъ: «Мы васъ никогда не тронемъ! понимаете вы насъ, душу нашу знаете, видать, что вы—нашъ». А у нихъ это—самая высшая аттестація. Сколько здѣсь я ни живу, но ни разу меня не ограбили. Иной разъ забредитъ въ мой дворъ кто-нибудь изъ нихъ и проситъ доложить:

— Телятниковъ!..

— Какой-такой Телятниковъ?—спрашиваю...

— Бродяга, ваше превосходительство, колпинскій дворянинъ... На побывку прибылъ...

— А, говорю!.. А то было забылъ... Давно не видѣлъ...

— Такъ точно!—отвѣчаетъ... Съ мѣсяцъ въ «Отрадномъ» не стрѣлялъ.

— Ну, что жъ потчуемся!..—Ну, и попотчуемся... Ничего!.. славные ребята!.. И съ ними жить можно!.. Надо только у нихъ душу нащупать...

* * *

В. П. Далматовъ, подобно Хлестакову, выходилъ иногда къ жаждущимъ его видѣть въ халатѣ, съ тою только разницей, что предпочиталъ китайскій *халатъ!*

Однако, онъ никогда *халатно* не относился къ своимъ обязанностямъ.

Китаизмъ артиста выражался не только въ халатѣ: у Далматова, куда ни посмотри, все китайщина. Изъ картоновъ смотрятъ китайскіе боги, на стѣнахъ китайскія картины, въ шкафу китайская бронза, флаконы и всякая чертовщина, какъ у старика въ балетѣ «Коппелія».

Сынъ В. П. Далматова, дипломатъ, служитъ въ Китаѣ. Въ этомъ кроется причина далматовскаго китаизма.

Ну, конечно, и чай у почтеннаго артиста былъ китайскій.

«Петербургская Газета»,
19 іюня 1910 г.

* * *

Я помню одинъ вечеръ, кончившійся утромъ. Варя Панина пѣла часами, увлекая маленькій кружокъ знакомыхъ.

Это было у Е. Н. Рощиной-Инсаровой. Случайно заѣхала В. В. Панина съ мужемъ. Собралось нѣсколько артистовъ, и между ними В. П. Далматовъ. Аккомпанировалъ сынъ Далматова, авторъ изящныхъ романсовъ, которые поютъ теперь русскія пѣвицы «подъ цыганокъ».

Варя Панина сама увлекалась и загоралась, вспоминая безконечное число старинныхъ романсовъ.

Далматовъ отъ восторга не говорилъ, а произносилъ цѣлыя рѣчи по адресу пѣвицы, билъ себя въ грудь и высказывалъ то, что всѣ чувствовали, что другой Паниной нѣтъ, что это вдохновенный талантъ. Въ ней кипѣли страсти.

— А талантъ, куда бы судьба его ни толкнула, всегда скажется, задѣнетъ васъ за сердце, создастъ настроенія!— говорилъ В. П.

Въ кабинетахъ у «Яра» этотъ талантъ Вари Паниной плѣнялъ Москву, называвшую пѣвицу даже не по фамиліи, а просто «Варей». («Петербургская Газета» 2-го іюня 1911 г.).

СЦЕНЫ.

Театральныя Интервью.

У Василія Пантелеймоновича Далматова.

Интервьюеръ. Ваши впечатлѣнія за время артистической дѣятельности?

Далматовъ (*вздыхаетъ*). Ужасно много впечатлѣній;..

Интервьюеръ. Вашъ любимый авторъ?

Далматовъ. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ...

Интервьюеръ. Что чувствуете, когда играете?

Далматовъ. На сценѣ ничего особеннаго, но когда по игрывалъ въ клубѣ...

Интервьюеръ. Ваше любимое блюдо?

Далматовъ. Серебряное.

Интервьюеръ. Какіе дни считаете счастливыми?

Далматовъ. Бенефисные...

Интервьюеръ. Благодарю... Прошу извинить за безпокойство и... до свиданія...

Далматовъ *(задерживаетъ его за руку)*. Послушайте... Какъ вы думаете, починятъ мнѣ мою моторную лодку или нѣтъ?

«Петербургская Газета»,
21 іюня 1910 г.

* * *

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

В. П. Далматовъ написалъ пьесу, которую предложилъ поставить одному извѣстному антрепренеру. Пьеса очень современна, а содержаніе ея заимствовано, чего авторъ не скрываетъ

«Петербургская Газета»,
21 іюня 1910 г.

* * *

„Отдыхательные“ діалоги.

Шаблонное представленіе съ сохраненіемъ содержанія.

ПЕРСОНАЖИ:

Теляковскій [1]). Извѣстно, кто.
Крупенскій [2]). Послѣ главнаго самый главный.

---

[1]) Теляковскій, Влад. Арк., тайн. сов., директоръ Имп. театровъ.

[2]) Крупенскій, Александръ Дм., въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, ст. сов., управляющій Спб. конторой Имп. театровъ.

Знакомыя всѣ лица.

Мѣсто дѣйствія—гдѣ угодно, кромѣ Александринскаго театра.

Теляковскій *(Крупенскому)*. Ну, что? Какъ наши?.. Отдыхаютъ?...

Крупенскій *(привычно крупенясь)*. Такъ точно, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться!.. Своими дачками обзавелись!.. Ха-ха-ха!.. Народъ разсудительный!

Теляковскій *(думая о французскомъ театрѣ и о русскихъ переводныхъ пьесахъ)*. Послушайте, это правда, что Далматовъ купилъ буксирный пароходъ?.. Что это ему вздумалось?..

Крупенскій. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!... Лодочку моторную онъ купилъ и къ себѣ въ «Отрадное» на ней ѣздитъ!.. Скорость поразительная!.. Сорокъ верстъ въ недѣлю!..

Теляковскій. Да?.. Это хорошо!.. Тише ѣдешь—дальше будешь!.. По моему, быстрая ѣзда—это призракъ неповиновенія начальству!.. Что?..

Крупенскій. Такъ точно... Я, ваше превосходительство, всегда на извозчикѣ... по таксѣ!.. *(Въ оркестрѣ* forte. *Задняя занавѣсь поднимается. Видны заслуженные и незаслуженные, отдыхающіе на гастрольномъ гонорарѣ)*.

Савина [1]) *(Далматову, иммортельно)*. Не смѣйте мнѣ ничего говорить, противный!.. Не хочу!.. Что это такое?.. Если я играю, значитъ, это такъ нужно!.. Сцена—моя жизнь!.. Садитесь на вашу лодку и уѣзжайте въ «Отрадное»!..

Далматовъ *(мрачно, но не очень, ибо, кромѣ получаемаго жалованья, состоитъ директоромъ въ Суворинской школѣ)*

---

[1]) Савина, Марія Гавриловна, урожденная Подряменцева, по сценической фамиліи ея отца Стремлянова, дочь извѣстнаго провинціальнаго актера и антрепренера Г. Н. Стремлянова, нынѣ жена д. с. с. Анатолія Евграфовича Молчанова, вице-президента Имп. Театральнаго Общества, знаменитая драматическая актриса Имп. Александринскаго театра,

Почему я раньше не сдѣлался мореплавателемъ?.. Кто знаетъ, можетъ быть, изъ меня вышелъ бы Христофоръ Колумбъ или Америго Веспучи, который, собственно говоря, открылъ Америку и первый составилъ ея описаніе!.. *(Хмурится)*. Но, къ сожалѣнію, на Невѣ нельзя открыть Америку. И, вообще, у насъ ничего нельзя!.. Если Ге приглашаютъ въ Америку играть какого-то анаѳемскаго чорта, я, подобно Понтійскому Пилату, умываю руки!..

Варламовъ [1]) *(не выѣзжая изъ провинціальныхъ театровъ)*. Вася, заткни фонтанъ!.. Ишь ты, разговорчивый какой!.. *(Тяжело дышетъ, убавляясь въ вѣсѣ)*. Ой, батюшки!.. Ну, и усталъ же я! Шутка сказать—экую муку круглый годъ терпѣть! А почему?.. Потому что человѣкъ я бѣдный!.. Казеннаго жалованья на чай и сахаръ не хватаетъ!.. А ужъ квитанціи ломбардныя изъ всѣхъ кармановъ торчатъ, чтобъ имъ пусто было!

Савина. Дядя Костя, не врите!.. Вы совершенно обезпеченный человѣкъ и можете цѣлое лѣто отдыхать на лонѣ природы.

Варламовъ *(добродушно)*. Побойся Бога, Маша!.. А сама-то ты что дѣлаешь?.. Тебѣ, по заведенному порядку, въ Карлсбадѣ слѣдуетъ быть, а ты въ Кисловодскѣ насчетъ гастролей прохаживаешься!.. *(Садится на мѣшокъ съ деньгами)*. Ой, усталъ!.. Какъ только сезонъ начнется, сейчасъ отпускъ возьму!.. Ну, ихъ совсѣмъ!.. и безъ меня обойдутся!.. Ой, батюшки!.. Мало мнѣ Россіи было, такъ еще въ Сибирь занесло!..

Давыдовъ *(Стрѣльской)*. Ну, что, старуха, играемъ?...

Стрѣльская [2]). Играемъ, батюшка, играемъ!.. Куда ты, туда и я!.. Прежде съ Костей я по пригородамъ ѣздила, а

---

[1]) Варламовъ, Константинъ Александровичъ, знаменитый комикъ, артистъ Александринской сцены, первоклассный комическій талантъ, спеціализировавшійся на репертуарѣ А. Н. Островскаго.

[2]) Стрѣльская, Варвара Васильевна, обладательница выдающагося комическаго таланта, артистка Имп. Александринской сцены.

теперь съ тобой!.. Не все ли равно?.. Ты, вѣдь, тоже заслуженный и вѣсомъ ему не уступишь!..

Давыдовъ [1]) *(вымощая адъ благими намѣреніями)*. Думалъ я отдохнуть... Голубое небо... травка... и все прочее... Да со всѣхъ сторонъ лѣзутъ, проклятые!.. Сыграйте, Владиміръ Николаевичъ!.. «Не могу, отдыхаю!.. А, все-таки,— сколько?...» «Столько»... «Ахъ, столько?.. Могу!...» *(Смотритъ расписаніе поѣздовъ и посылаетъ за извозчикомъ)*.

Савина. Вотъ противные!.. У нихъ на первомъ планѣ деньги!.. *(Далматову)*. Василій Пантелеймоновичъ, почему вы не авіаторъ... Это бы къ вамъ удивительно пошло!..

Далматовъ *(пуская въ ходъ моторъ)*. На такіе вопросы я не отвѣчаю, Марія Гавриловна!.. Вы знаете, что я морякъ, и хотите изъ меня сдѣлать какого-то авіатора!.. Зачѣмъ все это?.. Къ чему?.. *(Въ сторону)*. Но воображаю, какъ будетъ злиться Ге [2]), если возобновятъ «Іоанна Грознаго», или что-нибудь еще въ далматовскомъ родѣ!.. Ха-ха-ха!.. Поѣзжай въ Америку!.. Поѣзжай, Ге, но помни, что ты состоишь изъ двухъ буквъ!.. А я изъ восьми, не считая твердаго знака!.. О, люди, люди!.. Лживое и коварное отродье крокодиловъ!.. *(Протираетъ знаменитое пенснэ)*.

Теляковскій *(въ восторгѣ Крупенскому)*. Браво!.. Они дѣйствительно отдохнули... *(Актерамъ)*. И такъ, господа, съ новыми силами, за работу!.. Но все-таки скажите откровенно, что можетъ быть лучше Михайловскаго театра?.. Правда?..

---

[1]) Давыдовъ (Горѣловъ въ общежитіи), Владиміръ Николаевичъ, знаменитый драматическій артистъ Имп. Александринской сцены.

[2]) Намекъ на то, что Гр. Гр. Ге, авторъ «Кухни Вѣдьмы» и другихъ пьесъ, талантливый артистъ Имп. Александринской сцены, подражалъ В. П. Далматову и стремился дублировать его репертуаръ. Вас. Пант. усматривалъ въ этомъ дублированіи его репертуара конкуренцію, стремленіе къ подрыву его сценическаго авторитета и всячески противъ этого боролся.

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Кречинскаго въ комедіи Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинскаго». Коронная и любимая роль В. П. Игралъ ее въ Воронежѣ, Москвѣ—въ театрѣ г-жи Бренко, у Корша и въ Петербургѣ. Эта роль удалась ему больше другихъ Время начала созданія этой роли—90-ые годы.

Уральский университет
НАУЧ...
БИБ...
г. ...ск

(Всѣ покорно соглашаются. Крупенскій хватаетъ балетную метлу. Общая паника. На горизонтѣ въ образѣ грознаго мстителя показывается Невѣжинъ) [1]).

ЗАНАВѢСЪ.

«Петербургская Газета»,
17 іюля 1910 г.

*
* *

У Василія Пантелеймоновича былъ большой пріятель и старый товарищъ, драматургъ А. Т. Трофимовъ.

Онъ ставилъ на Александринскомъ театрѣ пьесу «Пролитой воды не воротишь».

В. П. Далматовъ игралъ главную роль—стараго гусара—и былъ чрезвычайно хорошъ.

Когда спектакль окончился, растроганный авторъ пришелъ въ уборную къ В. П. Далматову.

— Вася, чѣмъ ты отплатишь мнѣ за роль? Вѣдь лучше тебѣ въ жизни не найти!—сказалъ онъ.

— Да ужъ, право, не знаю, чѣмъ. Но вотъ что: обѣщаю тебѣ сказать первымъ блестящую рѣчь на твоей могилѣ.

— Даешь слово?

— Клянусь тебѣ!

Черезъ нѣсколько дней А. Т. Трофимовъ умеръ отъ удара, и В. П. Далматову, дѣйствительно, пришлось говорить первымъ на его могилѣ надгробную рѣчь.

Въ связи въ этимъ случаемъ, Василій Пантелеймоновичъ часто говорилъ мнѣ:

— Не надо шутить со смертью. Надо всегда думать, что сегодняшній день—твой послѣдній день. Надо помнить

---

[1]) Невѣжинъ, Петръ Михайловичъ, извѣстный драматическій писатель, авторъ драмы «Вторая молодость», до настоящаго времени имѣющей выдающійся успѣхъ.

всегда, что внезапно, неожиданно наступитъ день Высшаго Суда. Всю жизнь надо готовиться къ этому дню. Онъ внезапенъ, увѣряю васъ, какъ ураганъ. Люди веселятся и всякій день хотятъ отодвинуться отъ своего Высшаго Суда, но явится Высшій Судъ и властно скажетъ:

— Остановись! Я пришелъ за тобой. Дай отчетъ.—Всегда будьте готовы дать отвѣтъ.

* * *

Василій Пантелеймоновичъ часто увѣрялъ, что нельзя внушить актеру, выходящему на сцену, какую-либо нелѣпость.

Но В. П. убѣдился на самомъ себѣ, что это возможно.

Въ одномъ старинномъ водевилѣ онъ долженъ былъ сказать:

— Подай перо и чернила.

Передъ выходомъ, за кулисами, актеры разсказывали различные анекдоты и, между прочимъ, театральные курьезы, какъ иной разъ противъ воли перевираетъ актеръ фразы. Василій Пантелеймоновичъ прислушивался къ этимъ разсказамъ. Наконецъ, онъ долженъ былъ выходить и вдругъ провозглашаетъ:

— Пёра и чёрна!

Суфлеръ недоумѣнно на него посмотрѣлъ.

— Тьфу ты!—поправился Василій Пантелеймоновичъ и сказалъ:

— Чернила и пернила.

Видя, что всѣ вокругъ смѣются, Василій Пантелеймоновичъ растерялся и сказалъ:

— Чѐрно и пѐрно! То есть пѐрно и чѐрно!—запутался онъ окончательно.

Наконецъ, совершенно выйдя изъ себя, онъ ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Чортъ бы васъ побралъ всѣхъ! Дайте мнѣ, наконецъ, то, чѣмъ пишутъ.

* * *

Былъ долгій промежутокъ времени, лѣтъ шесть или семь, В. П. Далматовъ держалъ въ Пензѣ свой театръ.

Суфлеромъ у него былъ горькій пьяница, часто ставившій Василія Пантелеймоновича въ весьма критическое положеніе, но, однажды, онъ настолько оказался пьянымъ, что его нельзя было втащить въ театръ. Тогда самъ Василій Пантелеймоновичъ полѣзъ въ суфлерскую будку и сталъ суфлировать.

В. П. Далматовъ былъ не въ духѣ. Едва началось представленіе, Василій Пантелеймоновичъ сталъ сердиться.

Актеры перетрусили, путались и врали.

— Эге, да ты, голубчикъ, роли не знаешь,—вмѣсто реплики прошепталъ Василій Пантелеймоновичъ актеру.— Штрафую тебя на двадцать пять рублей!

Выходитъ актриса. Начинаетъ мямлить, а при видѣ антрепренера въ будкѣ совсѣмъ забыла свою роль.

— А! и ты роли не выучила! И тебя штрафую на двадцать пять рублей,—шепчетъ Василій Пантелеймоновичъ.

Онъ навелъ такую панику на актеровъ, что, наконецъ, одинъ выходной актеръ, забывъ, что онъ дѣйствуетъ на сценѣ, и, глядя только на Василія Пантелеймоновича, вплотную подошелъ къ суфлерской будкѣ и умоляюще сталъ просить В. П. Далматова:

— Василій Пантелеймоновичъ, пощадите! Я, ей-Богу, знаю роль.

* * *

У Василія Пантелеймоновича былъ другъ, провинціальный трагикъ Рахимовъ. Зашелъ онъ къ нему за кулисы Малаго театра. Посидѣлъ, а потомъ и говоритъ:

— Плохи дѣла мои.

— Ну-у!—насторожился Василій Пантелеймоновичъ.

— Но скверно при этомъ то, что я—грекъ. А греки ты знаешь, горды.

Василій Пантелеймоновичъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ну-у! Это ты-то грекъ?

— Да, я и при томъ настоящій эллинъ. Не будь я гордымъ грекомъ, я бы прямо сказалъ тебѣ: старый товарищъ, дай въ долгъ десятку. Но я гордый грекъ и потому у тебя не прошу.

Далматовъ расхохотался.

— Я бы никогда и не заставилъ тебя, гордаго грека, просить у меня взаймы,—отвѣтилъ Василій Пантелеймоновичъ.—Я самъ бы предложилъ тебѣ. Вѣдь, я и самъ гордый, происхожу изъ орлиной породы: ты хорошо знаешь, что я далматинецъ. Но у меня всего три рубля. Я, будучи гордымъ, никакъ не могу рѣшиться предложить тебѣ такой пустякъ.

Но «гордый» грекъ сказалъ:

— Хорошо. Я возьму у тебя три рубля,—и гордо положилъ ихъ въ карманъ, а на другое утро прислалъ ему записку такого содержанія:

«Гордый далматинецъ! Не откажи прислать мнѣ дополнительно съ подателемъ сей записки оставшіеся за тобою семь рублей».

* * *

Какъ-то Василій Пантелеймоновичъ игралъ въ Юрьевѣ. Шла «Семья преступника».

Труппа по составу—одинъ ужасъ. Ролей никто не знаетъ. Суфлеръ кричитъ маленькому актеру:

— На немъ калабрійская шапка... Волосы длинные, борода всклокоченная.

Актеръ переводитъ:

— На немъ англійская шапка... Одна борода длинная, другая всклокоченная.

Публика смѣется. Выходъ Далматова и его выходъ—моментъ трагическій.

— Можетъ быть, это бандитъ?—отвѣчаетъ тотъ:—но личность подозрительная.

На сценѣ появляется Далматовъ. Публика встрѣчаетъ Коррадо смѣхомъ.

По окончаніи сцены онъ въ ярости чуть не избилъ за кулисами антрепренера за проваленную актеромъ сцену.

* * *

Василій Пантелеймоновичъ очень любилъ разсказывать о своихъ побѣдахъ надъ женщинами. Однажды, сидитъ онъ въ кассѣ одного провинціальнаго театра и разсказываетъ кучкѣ актеровъ о своихъ встрѣчахъ съ женщинами.

Подходитъ къ кассѣ мѣстный нотаріусъ брать ложу.

— Жена—красавица!—таинственно говоритъ Василій Пантелеймоновичъ про нотаріуса.—Самъ онъ—мой горячій поклонникъ.

— А что,—спрашиваетъ нотаріусъ кассиршу, не зная, что артисты сидятъ въ кассѣ.—Далматовъ завтра играетъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Ну, и слава Богу! Терпѣть не могу этой богопротивной рожи.

Въ кассѣ нѣмая сцена.

* * *

Въ Могилевѣ Василій Пантелеймоновичъ игралъ «Гамлета» въ невыносимую жару. Съ актеровъ лилъ потъ.

Василій Пантелеймоновичъ подходитъ къ Горацію-Высоцкому и, будто продолжая реплику, говоритъ ему:

— Фу, другъ Горацій! Наше занятіе болѣе зимнее, чѣмъ лѣтнее. Пойдемъ отсюда вонъ, да поскорѣе, дорогой Горацій.

* * *

Когда, однажды, Василій Пантелеймоновичъ игралъ въ Харьковѣ «Іоанна Грознаго», то произошла такая сцена.

На сценѣ не было никого, ждали Грознаго. Вошелъ стольникъ, какой-то молодой актеръ. Видя, что на сценѣ никого нѣтъ и что царь не скоро выйдетъ, онъ въ задумчивости прислонился къ тронному креслу Грознаго и не отодвинулся даже тогда, когда вошелъ царь (В. П. Далматовъ). Увидя это, Василій Пантелеймоновичъ весь загорѣлся и, проходя мимо, зловѣщимъ шопотомъ, слышнымъ только актеру, сказалъ:

— Отодвинься, болванъ, стань поодаль, видишь, царь пришелъ.

Актеръ шарахнулся въ сторону и скрылся въ толпѣ бояръ.

* * *

Артистъ Императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовъ (Горѣловъ), другъ Василія Пантелеймоновича, одинъ разъ превосходно подшутилъ надъ нимъ.

Однажды весною, въ Петербургѣ, разряженный въ новый весенній костюмъ, въ новомъ цилиндрѣ, съ великолѣпной съ золотомъ тростью въ рукахъ, садился Василій Пантелеймоновичъ на Невскомъ, у Казанскаго собора, въ ландо. Въ ландо сидѣли двѣ красивыя дамы, а одна стояла съ нимъ на тротуарѣ и готова была сѣсть въ экипажъ.

Вдругъ къ Василію Пантелеймоновичу подходитъ тучный, раздраженный человѣкъ, съ отвислыми дрожащими щеками, въ старенькомъ осеннемъ пальто и въ скромной шапкѣ.

— Не хорошо-съ, г. Далматовъ! Не хорошо-съ! Въ ландо катаетесь, прелестныхъ дамъ угощаете-съ, цилиндръ и перчатки и все, что требуется, съ иголочки, а бѣдному портному, у котораго четверо человѣкъ дѣтей, двадцати рублей заплатить не можете! Хожу, хожу, всѣ сапоги износилъ—дома застать не могу. Одно остается, на улицѣ лови!

На лицахъ у дамъ полное замѣшательство. Василій Пантелеймоновичъ сначала слушалъ Владимира Николаевича съ большой серьезностью, а потомъ улыбнулся и говоритъ:

— И, полно, Володя! Двадцать рублей—не велики деньги! Подождешь. Не желаешь ли съ нами проѣхаться?..

— Ну, нѣтъ, г. Далматовъ! денежки-съ, подайте мои денежки!—и Владиміръ Николаевичъ чуть-чуть не всхлипывалъ.

Замѣшательство выяснилось. Василій Пантелеймоновичъ представилъ дамамъ своего давнишняго друга и знаменитаго товарища по Александринской сценѣ.

* * *

Василій Пантелеймоновичъ уже извѣстнымъ актеромъ поѣхалъ на гастроли въ Сербію. Въ Бѣлградъ онъ пріѣхалъ въ дни убійства сербскаго короля Александра и королевы Драги.

Василій Пантелеймоновичъ былъ встрѣченъ въ Бѣлградѣ съ большими почестями и овиціями, но любвеобильную и не любящую крови душу великаго артиста это событіе особенно поразило.

Когда онъ ужиналъ въ кругу своихъ политическихъ друзей, артистовъ и журналистовъ, онъ сказалъ:

— Овиціи овиціями... Все это хорошо... благодарю... обласкали... все это въ порядкѣ вещей, хорошее обращеніе съ гостемъ... Но зачѣмъ же короля и королеву убивать? Вотъ это уже слишкомъ.

* * *

На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ Гельсингфорса, куда я ѣздилъ по дѣлу Василія Пантелеймоновича, я неожиданно былъ подвергнутъ на станціи Бѣлоостровъ жандармскимъ ротмистромъ личному задержанію

и обыску. Изъ-за меня курьерскій поѣздъ, состоявшій всего изъ пяти вагоновъ, былъ остановленъ почти на часъ. Я былъ искренно возмущенъ и, какъ ни было смутно то время, спрашивалъ жандармскаго ротмистра объ основаніяхъ, которыми онъ руководится при настоящемъ моемъ арестѣ. Онъ мнѣ лаконически и твердо отвѣтилъ:

— Не ваше дѣло!

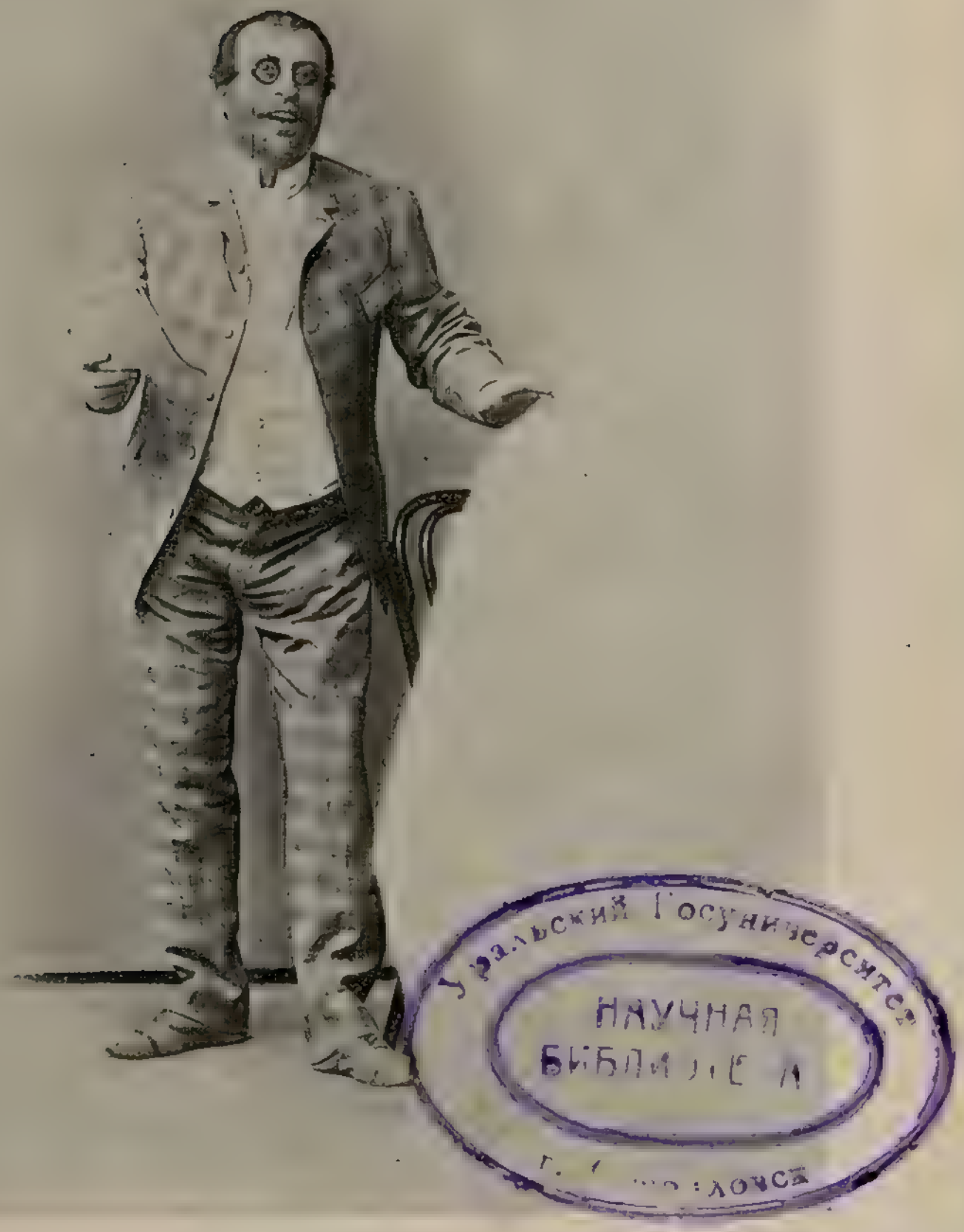
Я боялся опоздать въ Петербургъ, такъ какъ у меня слушалось въ 12 часовъ дѣло въ Мировомъ съѣздѣ, дѣло принципіальное. Жандармскій ротмистръ мнѣ заявилъ, что если я стану горячиться, то онъ меня оставитъ въ Бѣлоостровѣ, а поѣздъ отправитъ. Я смирился.

— Вашъ видъ?—спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ, что его у меня нѣтъ. Меня окружили два дюжихъ унтеръ-офицера, и стали очень усердно всего обшаривать... Шарили долго и, наконецъ, вытащили изъ бокового кармана мой видъ на жительство, который всегда со мной. Когда ротмистръ прочиталъ, что я—членъ сословія петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, то прекратилъ обыскъ и, сохраняя попрежнему непроницаемый видъ смертельной пули, тотчасъ же отпустилъ меня. Я пообѣщалъ жаловаться на его незаконномѣрныя дѣйствія. Я разсказалъ объ этомъ Василію Пантелеймоновичу, а онъ, въ свою очередь, разсказалъ мнѣ о бывшихъ съ нимъ аналогичныхъ, но болѣе курьезныхъ случаяхъ.

* * *

Въ 1906 году съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ было чрезвычайно курьезное, въ духѣ русскаго быта, но непріятное происшествіе. Время было тревожное, нервное. Революція была въ разгарѣ. Онъ ѣхалъ въ Баку на гастроли и, проѣзжая черезъ станцію Дербентъ, былъ арестованъ со своимъ багажомъ.



Уральский Госуниверситет
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли графа Ступендьева въ «Провинціалкѣ». Императорскій Александринскій театръ. Послѣ роли Кречинскаго это наиболѣе коронная роль въ репертуарѣ В. П.

Особенное вниманіе жандармы обратили на нераспечатанную коробку заграничныхъ духовъ.

Долго вертѣли ее въ рукахъ, разсматривали.

— Что же это такое?—спрашивали они.

— А тутъ написано...

— А кто ихъ знаетъ, что тутъ написано.

Они, вѣроятно, думали, что это какая-нибудь жидкость для химической обструкціи.

Видя ихъ недоумѣніе, Далматовъ имъ пояснилъ:

— Это—духи.

Добравшись до посоха Іоанна Грознаго, они окончательно не знали, что это такое, для чего нужно и зачѣмъ онъ его везетъ.

— Что за штука?..—спрашивали они.

— Это—клюка Грознаго!—пояснилъ Далматовъ.

Но это объясненіе ихъ не удовлетворило, и они еще строже стали досматривать вещи, рѣшивши его самаго задержать.

Обыскъ продолжался довольно долго. Тѣмъ временемъ, Далматовъ успѣлъ извѣстить своихъ товарищей по трупѣ телеграммой о случившемся. Изъ Баку былъ полученъ ихъ отвѣтъ:

«Дербентъ, жандарму. Передать задержанному Далматову.

«Товарищъ! будь покоенъ, дѣло доведемъ до конца. Давыдовъ, Ходотовъ, Владимировъ».

Послѣ этого жандармы окончательно рѣшили арестовать Василія Пантелеймоновича.

Выручилъ его ѣхавшій изъ Бендеръ хорошій знакомый Василія Пантелеймоновича, директоръ Сѣвернаго банка Л. Г. Зельцеръ, пояснившій жандармамъ, кто онъ.

* * *

Аналогичный случай былъ съ нимъ пять лѣтъ спустя, въ 1911 г., въ Сибири.

Онъ уѣзжалъ на гастроли въ Сибирь по двумъ соображеніямъ: 1) были выгодныя матеріальныя условія, и 2) сыгравъ во Владивостокѣ и въ Харбинѣ, онъ хотѣлъ съѣздить въ Китай для свиданія со своимъ сыномъ Корнелiемъ, служащимъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.

Однако, эта поѣздка была неудачна во всѣхъ отношеніяхъ.

По пріѣздѣ, собравъ у себя незадолго до смерти учениковъ Театральной школы имени А. С. Суворина, онъ давалъ имъ нѣкоторые совѣты и горячо ихъ предостерегалъ отъ поѣздокъ въ Сибирь. Онъ говорилъ:

— Собрался на гастроли въ Сибирь. Поѣхалъ. Новый край, интересные виды, пріятныя знакомства, мягкій пульмановскій вагонъ убаюкиваетъ. Перевалилъ Уралъ. Какіе ландшафты! Какіе виды! Казалось бы, такъ и ѣхалъ бы, такъ и ѣхалъ бы безъ остановки.

«Но не тутъ-то было. По всей сибирской линіи, оказывается, разыскивали какого-то важнаго политическаго преступника, который, по свѣдѣніямъ полиціи, сѣлъ въ одинъ изъ экспрессовъ въ одномъ изъ пріуральскихъ городовъ и удиралъ на Востокъ.

«По всей линіи были даны телеграммы задержать преступника, арестовать его и подъ усиленнымъ конвоемъ доставить въ ближайшій городъ.

«Выборъ жандармовъ палъ на меня. Ко мнѣ въ купе явились два жандарма и вѣжливо попросили пройти въ жандармское управленіе. Затребовали мой багажъ, который тутъ же открыли. Даже не спрашиваютъ, кто я такой.

«Въ глаза жандармовъ бросились, прежде всего, бутафорскіе мечи, кинжалы, множество костюмовъ, приборы для грима, пачка писемъ.

«Я молча смотрѣлъ, упорно не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ жандармовъ.

«Жандармскіе офицеры были твердо убѣждены, что они захватили настоящаго преступника. Процедура обыска продолжалась около часу. Въ это время мой поѣздъ ушелъ. Тогда я, въ сильномъ гнѣвѣ, сталъ пушить жандармовъ и требовалъ, чтобы немедленно было произведено сношеніе съ Петербургомъ и установлена моя личность. Дирекція Императорскихъ театровъ снеслась съ сибирскими административными властями срочными телеграммами. Я отправился въ гостиницу и сталъ ждать слѣдующаго поѣзда. Въ это время ко мнѣ явился адъютантъ генералъ-губернатора и передалъ мнѣ извиненія за причиненныя непріятности.

«Власти были скомфужены, а я былъ вынужденъ излишне потратиться и измѣнить программу гастролей.

«Нѣтъ, нѣтъ, не поѣзжайте въ Сибирь! Она холодна, она васъ заѣстъ, затянетъ и ограбитъ».

* * *

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ превосходно сохранился для своихъ лѣтъ и невозможно было сказать, что ему больше шестидесяти лѣтъ. Неувядаемый типъ Донъ-Жуана въ европейскомъ, благородномъ значеніи этого слова! Онъ былъ молодъ духомъ, движеніями, организмомъ, силой. Онъ не любилъ, когда его спрашивали о годахъ. Нѣкоторые считали это странностью, а мнѣ казалось, что эта его черта продиктована ему инстинктомъ самосохраненія. Женщины и ихъ любовь къ нему были для него синонимами счастья и жизни. Женщины же любятъ молодость, силу, остроуміе; стариковъ же любятъ за щедрость и богатство. Онъ не хотѣлъ быть старикомъ. Онъ всегда былъ молодъ, и молодымъ, по духу, по переживаніямъ, онъ сошелъ въ могилу.

Онъ всегда говорилъ:

— Я считаю, что для актера всего важнѣе и нужнѣе быть физически здоровымъ, обладать удвоеннымъ количествомъ мускуловъ и хорошей артеріальной системой. Вмѣстѣ со мной начало карьеру немало даровитыхъ людей,

многіе изъ нихъ повзлетали высоко, но почти всѣ они на томъ свѣтѣ. Остался въ живыхъ лишь я. А почему? Да здоровъ я, и мнѣ многіе завидуютъ въ трушѣ Александринскаго театра.

Потому-то онъ и не стремился, чтобы ему давали «заслуженнаго».

Онъ настолько былъ чувствителенъ къ вопросамъ объ его годахъ, что при неудачномъ вопросѣ могъ съ человѣкомъ разойтись изъ-за этого.

Во время юбилея М. Г. Савиной на сценѣ Александринскаго театра было устроено нѣчто въ родѣ банкета. Кто-то изъ артистовъ поднялъ бокалъ за здоровье «старѣйшаго» артиста театра В. П. Далматова.

Василій Пантелеймоновичъ счелъ себя оскорбленнымъ и, обиженный, не только не отвѣтилъ на тостъ, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать, но и просто ушелъ съ банкета.

* * *

Однажды въ «Отрадномъ», гдѣ онъ вставалъ, какъ, впрочемъ, и всегда, довольно рано, я замѣтилъ у него внизу, у самой шеи, слегка бѣлѣвшую касмочку волосъ.

Я и говорю:

— У васъ внизу легонькая касмочка, бѣленькая, какъ у хорошаго выдержаннаго бобра.

Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и спросилъ:

— А гдѣ?

— Внизу, сзади.

Онъ тотчасъ же проникновенно, какъ-то внутрь, глянулъ въ меня и таинственно сказалъ:

— Эту тайну должны знать только мы двое. Никому не надо объ этомъ говорить. Надо ее забыть.

* * *

В. П. Далматовъ былъ всегда весьма самолюбивъ и смотрѣлъ на себя, какъ на крупнаго общественнаго дѣятеля. Поэтому онъ дружилъ съ людьми извѣстными—съ учеными, писателями, драматургами, журналистами, общественными и политическими дѣятелями, съ поэтами, адвокатами и т. д. Любилъ онъ молодежь, стремился къ ней, и если видѣлъ, что гдѣ-нибудь свѣтитъ дарованіе или умъ, особенно, легкій, быстрый, подвижной и находчивый умъ, то тотчасъ же привязывался и оказывалъ всяческія услуги.

* * *

Объ его чертѣ быть всегда только на первомъ планѣ знали многіе. На сценѣ, въ своемъ репертуарѣ, онъ не могъ допустить соперничества. Онъ всегда сильно боролся за себя.

Про одного артиста Александринскаго театра, который старался подражать ему въ тонѣ, въ гримѣ и дублировалъ его репертуаръ, онъ говорилъ:

— Напрасно ты, братецъ, крадешь далматовскіе тона... У Далматова настоящій, чистый баритонъ. Мягокъ его баритонъ, нѣженъ, западаетъ въ сердце, слышенъ всюду... Не кради далматовскій тонъ, создай свой... Не надо кражи, Богъ съ ней, съ кражей! Вѣдь она, братецъ, русскими уголовными законами наказуется, и прежестоко.

* * *

Одна знаменитая драматическая актриса (М. Г. Савина), обладающая весьма ядовитымъ остроуміемъ, отмѣчая страсть Василія Пантелеймоновича быть всюду и всегда «премьеромъ», однажды сказала:

— Вѣдь, вотъ Далматовъ... онъ любитъ играть въ пьесахъ заглавныя роли. Идетъ, напримѣръ, «Наслѣдство золотопромышленника», такъ ему непремѣнно подавай роль «наслѣдства».

* * *

Впрочемъ, Василій Пантелеймоновичъ имѣлъ полное моральное право стремиться къ премьерству, такъ какъ онъ долгимъ, длительнымъ, мучительнымъ процессомъ дошелъ до первыхъ ролей. Онъ много лѣтъ игралъ третьи роли, наконецъ вторыя и только въ Москвѣ у Бренко, у Корша, у Лентовскаго и въ Петербургѣ въ Маломъ Театрѣ, въ Новомъ Театрѣ и на Александринской сценѣ онъ сдѣлался премьеромъ.

— Училъ я роли трудно,—говорилъ онъ:—но училъ на зубокъ, не собьешь меня. Сыгралъ я однажды роль Лейстера. Шумъ, овацiи... Понравился... Но въ душѣ-то я не былъ доволенъ собой. Пришелъ домой, раскрылъ роль и сталъ снова учить и увидѣлъ, что не то, совсѣмъ не то я игралъ, а вотъ какъ надо было играть. Можете себѣ представить, плакалъ отъ досады, что я обманулъ публику и далъ ей не то, что надо. И такъ я часто мучался. Сыгранная роль меня не удовлетворяла. Вѣчная работа... Вѣчное недовольство собой. Постоянное напряженное думанiе надъ ролью.

* * *

Однажды, репетируя въ Москвѣ одну довольно сложную пьесу, Василій Пантелеймоновичъ вдругъ сталъ смотрѣть въ самый разгаръ патетической сцены въ полутемный партеръ, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Его вниманiе обратила на себя какая-то красивая дама, зорко слѣдившая за нимъ.

Наконецъ, Василій Пантелеймоновичъ не выдержалъ и, прервавъ сцену, обратился къ актеру, съ которымъ онъ велъ сцену, и тихимъ голосомъ спросилъ его:

— Не знаете-ли вы, кто эта красивая дама, сидящая въ партерѣ?

— Которая?—спросилъ актеръ.

— А вотъ та справа...

— Справа? А она вамъ понравилась?

— Да какъ же! глаза, груди, торсъ... Удивительное совпаденіе... она мнѣ напомнила одно мое пылкое увлеченіе въ пору моей зрѣлости, на восходѣ моей сценической карьеры. Кто же она, однако?

— Моя жена!—отвѣтилъ густымъ басомъ актеръ и твердо посмотрѣлъ на В. П.

— Ваша жена? Хороша-съ!—и Василій Пантелеймоновичъ прошелся по актеру глазами...—Ну, а теперь мы можемъ продолжать прерванную сцену.

* * *

Въ одинъ изъ великороссійскихъ городовъ пріѣхалъ В. П. Далматовъ вмѣстѣ со своей труппой.

В. П. былъ не только антрепренеромъ, но и режиссеромъ. Работы было очень много. Какъ всегда, онъ все дѣлалъ самъ.

Въ составѣ труппы была чрезвычайно красивая, изящная, элегантная актриса, изъ очень хорошей семьи. В. П. сразу ее отмѣтилъ. Она была все время съ артистомъ К. Артистъ К., нынѣ артистъ Александрійскаго театра, по кудрямъ и тону—бытовой актеръ въ репертуарѣ Островскаго, высокаго роста, статный и стройный, съ оттѣнкомъ старой польской аристократической Рѣчи Посполитой, первый любовникъ въ бытовомъ репертуарѣ, былъ гдѣ-то случайно замѣченъ В. П. и приглашенъ имъ въ поѣздку, какъ молодой, весьма талантливый начинающій актеръ. Репертуара у него еще не было, и, какъ актеръ, онъ былъ еще молодъ. Онъ весь питался указаніями и наставленіями В. П.

Красивая артистка понравилась В. П. Онъ дѣлалъ ей авансы, но она какъ будто не замѣчала вспыхнувшей страсти В. П., въ обращеніи же съ антрепренеромъ была очаровательно мила. Между тѣмъ, В. П. былъ человѣкъ, никогда не отступавшій въ борьбѣ за женщину, тамъ, гдѣ

ему она нравилась и когда она могла дать ему вдохновеніе.

Нѣкоторое время онъ крѣпился, но, наконецъ, не выдержалъ. Пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ актера К. и говоритъ ему:

— Прекрасный юноша, я пригласилъ васъ къ себѣ и хочу васъ просить объ одолженіи. Способны ли вы на это, хватитъ-ли у васъ силъ совершить подвигъ?!

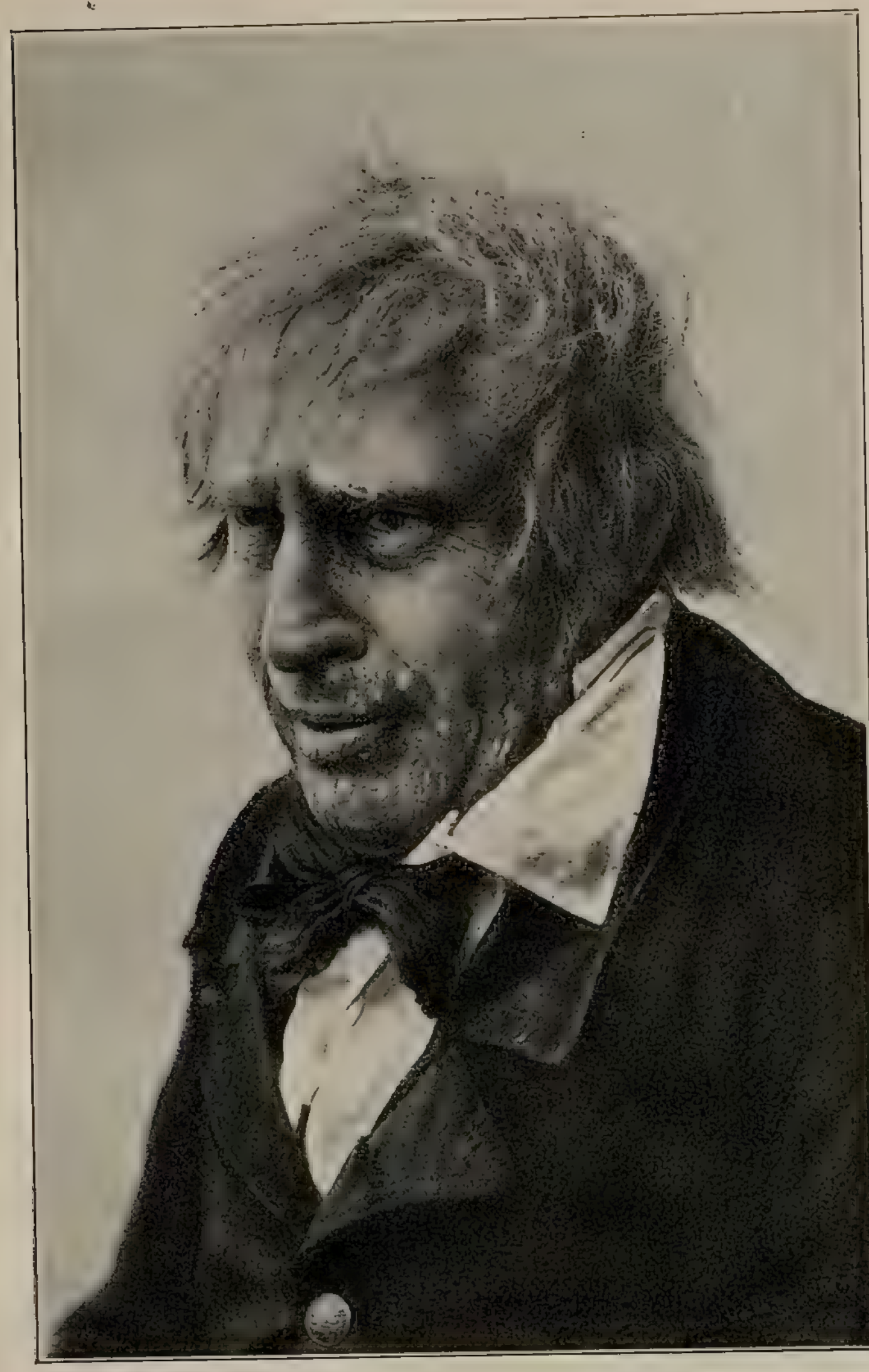
И В. П. уставился на него. Вступленіе В. П. застало актера врасплохъ: антрепренеръ, хозяинъ предпріятія, о чемъ-то проситъ, объ одолженіи... Въ чемъ же дѣло?! Очевидно, онъ не можетъ ему отказать.

— Конечно, В. П., разсчитывайте на меня! я все сдѣлаю для васъ, — сказалъ пламенно «прекрасный юноша».

— Ну, вотъ! я такъ и зналъ, что вы достойный молодой человѣкъ, къ старымъ почтительный. Хорошо все это! Нынче молодежь пошла другая, перечитъ старшимъ, борется противъ нихъ, ссорится.

Наступила легкая пауза.

— Я хотѣлъ васъ просить о слѣдующемъ: вы—человѣкъ молодой, красивый, кудри у васъ есть, да и красивыя, ростъ статный... Вы всегда можете имѣть успѣхъ у женщинъ, а мы, много испытавшіе, сами видите, немного отсырѣли, не тѣ. Погуляли бы вы по городу, нашли бы вы себѣ что-либо достойное, соотвѣтственное вашимъ прекраснымъ даннымъ. Въ этомъ городѣ имѣется слободка, тамъ вы всегда найдете предметъ для своей страсти... А я немножко усталъ, заваленъ работой, думаю о васъ, о дѣлахъ, о томъ, чтобы вы всѣ были благоустроены. Мнѣ нужна секретарша, добрая, милая, вдохновляющая на высокій подвигъ антрепренера. Нѣтъ у меня времени искать себѣ секретаршу. Я хотѣлъ бы пригласить къ себѣ N. N.—и В. П. назвалъ фамилію актрисы...—Пусть она вмѣстѣ со мной раздѣлитъ черный трудъ антрепренера... А вы... по-



В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Мармеладова въ «Преступленіи и наказаніи»—Ѳ. М. Достоевскаго.
(Малый театръ въ Петербургѣ—театръ А. С. Суворина). 1899-ой годъ.
Одна изъ наиболѣе удавшихся ролей Василія Пантелеймоновича.

гуляйте себѣ по слободкѣ, найдите достойный предметъ для любви.

— Если вы этого хотите, если вамъ она нравится,— бормоталъ озадаченный актеръ,—то я, пожалуй, ничего не имѣю противъ. Только, вотъ, что она скажетъ.

— О, за это не безпокойтесь! Тамъ я самъ все сумѣю ей объяснить. Она меня пойметъ сразу, она оцѣнитъ мои слова.

Артистка сдѣлалась секретаршей В. П., а актеръ отступилъ. Для В. П. это было очаровательное турнэ, такъ какъ секретарша беззавѣтно и горячо его полюбила.

Клубъ скучающихъ весельчаковъ.

В. П. Далматовъ основалъ вмѣстѣ съ Я. А. Плющевскимъ-Плющикомъ:

«Клубъ скучающихъ весельчаковъ».

Цѣль клуба скоротать время въ разсказахъ, въ воспоминаніяхъ, въ надеждахъ на будущее, въ куреніи хорошей гаванской сигары, съ кофе... въ спокойномъ far niente, въ кейфѣ... Женщины изъ клуба исключались... Онѣ представлялись самымъ тяжелымъ, отягчавшимъ жизнь холостяковъ элементомъ. Онѣ были преданы по началу отлученію, потомъ надъ ними смилостивились и отлученіе съ нихъ сняли.

Было нѣсколько собраній клуба—у Я. А. Плющевскаго-Плющика и у В. П. Далматова. Мало-по-малу, клубъ обмеръ, а затѣмъ и окончательно умеръ естественной смертью, но это началось съ того момента, какъ по любвеобилію Я. А. Плющевскаго-Плющика былъ разрѣшенъ входъ въ клубъ «отягчающему жизнь холостяковъ элементу»— женщинамъ. В. П. Далматовъ про себя ворчалъ, но сильныхъ аргументовъ противъ вступленія женщинъ въ клубъ не представилъ. Клубъ распался потому, что въ немъ уже не осталось холостяковъ, скучающихъ и веселящихся. Вмѣстѣ съ появленіемъ женщинъ они испарились, исчезли.

Кружокъ остроумія и веселья.

Нѣкоторое время были ночныя собранія и легкіе товарищескіе ужины у извѣстнаго художника Н. И. Кравченко, на которыхъ выбирался очередной предсѣдатель и гдѣ въ задушевныхъ бесѣдахъ на темы о литературѣ, объ искусствѣ, женщинахъ проходила вся ночь до утра. Девизомъ кружка были остроуміе и веселье.

Почти постояннымъ предсѣдателемъ этихъ ночныхъ пирушекъ былъ Василій Пантелеймоновичъ, веселившій многочисленное общество своимъ балагурствомъ, шутками, анекдотами и веселостью.

Эти ночныя собранія, обыкновенно, происходили послѣ спектаклей. Каждый выбранный предсѣдатель долженъ былъ составить меню вечера, и чѣмъ остроумнѣе и смѣшаннѣе оно было, тѣмъ было лучше и... веселѣе.

Однажды, В. П. заказалъ какое-то особенное фисташково-миндально-орѣховое мороженое, о которомъ забылъ. О немъ вспомнили только утромъ, на зарѣ. Оно растаяло. Тогда, по предложенію Василія Пантелеймоновича, гости вооружились столовыми ложками и стали ѣсть его, какъ супъ, собравшись въ кружокъ, вокругъ большой миски.

Представители и представительницы артистическаго и балетнаго міра особенно стремились попасть въ этотъ интимный кружокъ. Здѣсь пѣли и играли на піанино, на гитарѣ и на другихъ инструментахъ, сочиняли стихи, экспромты, шутили, балагурили. Эти вечера дали поводъ А. А. Плещееву написать пьесу «Обнаженная». Въ составъ кружка-учредителей входили: В. П. Далматовъ, Н. И. Кравченко, П. С. Кривенко, А. А. Плещеевъ, М. А. Суворинъ.

* * *

Однажды, мы съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ обѣдали въ клубѣ Литературно-Художественнаго Общества.

(Невскій пр., 16). Къ нему, весьма почтительно кланяясь, подошелъ и, какъ-то особенно заискивающе, поздоровался съ нимъ какой-то господинъ.

Я спросилъ его:

– Кто это такой?

— Весьма замѣчательный человѣкъ,—таинственно сказалъ В. П.,—біографію котораго, мы, вѣроятно, когда-нибудь услышимъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ.

* * *

Несмотря на нѣкоторые мелкіе недостатки его натуры, свойственные всякому человѣку, Василій Пантелеймоновичъ, тѣмъ не менѣе, былъ чистый, чуткій, наивный человѣкъ, мечтатель, идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, любившій искусство и людей съ честностью и прямотой ребенка, и если мстилъ кому-нибудь, какъ онъ говорилъ, то мстилъ только женщинамъ.

— За что?—спрашиваю.

— За жестокость, за непониманіе высокихъ задачъ искусства и за неумѣніе понять бурные и вдохновенные порывы сложной и часто смятенной души мужчины. Ты ей говоришь что-то глубокое, чувствительное, нѣжное, рвущееся изъ глубины твоей восхищенной души, а она тебя... равнодушіемъ.

— Такъ въ такомъ случаѣ надо выступить противъ женщинъ скопомъ, всѣмъ мужчинамъ вмѣстѣ... идти противъ нихъ походомъ, попереть противъ нихъ, какъ говорилъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.

— Нѣтъ, противъ нихъ не попрешь...—задумчиво говаривалъ В. П.—Цитадель... нерушимая крѣпость очарованій. Женщины, братъ, на то и даны Богомъ, чтобы понимать, гдѣ ты жалокъ и гдѣ великъ. И, все-таки, женщину люби, страдай, бейся за нее и люби... Всей душой, всѣмъ пониманіемъ люби! Въ нихъ есть и Божье начало, отыщи его и пойми. Безъ женщины, братъ, нѣтъ культуры, нѣтъ про-

свѣщенія, нѣтъ искусства. Страдай и бейся за женщину и люби ее...

— Я мстилъ женщинамъ,—съ улыбкой говорилъ В. П.,—за то, что когда я былъ молодъ, я стремился къ нимъ, искалъ ихъ. Все у меня было въ твердомъ, крѣпкомъ состояніи. Я горѣлъ всѣми огнями и переливами буйныхъ страстей. Но женщины въ эту пору отвергали меня. Я былъ тогда безуменъ и буренъ, но недостаточно для нихъ богатъ... Я могъ дать имъ только жаръ души, горячность, всѣхъ ихъ пожиравшій темпераментъ, но не могъ имъ давать денегъ... Прошли года... Женщины сами стали ко мнѣ льнуть. Я видѣлъ ихъ ласки и любовь. Я обставлялъ ихъ, какъ могъ, убиралъ ихъ, нѣжныхъ и прекрасныхъ, цвѣтами, въ красивыя рамки очарованія... Мнѣ это стоило многихъ денегъ... Тогда, когда все было у меня въ твердомъ состояніи, когда я былъ молодъ и могъ доставить имъ истинное счастье, онѣ не шли ко мнѣ. Но зато теперь... Я имъ мщу... За прошлое, за молодость... И онѣ мной недовольны, но любятъ. Взамѣнъ жара души и очарованія, я даю имъ искусство, мучаю ихъ мягко, а иногда полу-мягко. Иныя расклаиниваются и благодарятъ, а большая часть ворчитъ, шумно выражаетъ свое недовольство и... уходитъ въ даль жизни.

* * *

Въ 1910 году одна, когда-то чрезвычайно извѣстная, провинціальная актриса, теперь состоящая въ составѣ труппы Малаго театра (Литературно-Художественнаго Общества), справляла свой сценическій юбилей.

Помимо таланта, въ свое время она отличалась красотой. Говорятъ, В. П. былъ съ нею когда-то въ весьма добрыхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ, и этотъ періодъ тянулся довольно долго, нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ между ними пробѣжала черная кошка, и они разошлись. Они перестали даже кланяться и разговаривать другъ съ другомъ.

Несмотря на это, В. П., который изъ года въ годъ становился все строже къ себѣ и превращался въ олимпійца, не упускалъ случая незамѣтно оказать ей личную услугу или замолвить за нее доброе слово передъ дирекціей театра, или просто проявить дѣломъ, но такъ, чтобы она объ этомъ не знала. Онъ никогда не забывалъ чужой къ себѣ ласки, особенно любви, онъ, который былъ такъ избалованъ любовью и ласками женщинъ вплоть до гробовой доски.

Въ день бенефиса этой когда-то знаменитой провинціальной актрисы, въ началѣ 7-го часа, передъ самымъ спектаклемъ В. П. пріѣхалъ за кулисы Малаго театра на набережную Фонтанки въ сопровожденіи посыльнаго съ большой корзиной цвѣтовъ и, отыскавши режиссера Г. В. Гловацкаго, просилъ его исполнить слѣдующую его просьбу:

— Гаврила Владимировичъ! Вы поднесите ей... *мою* корзину цвѣтовъ, въ знакъ моего уваженія къ ея талантамъ и въ напоминаніе обо мнѣ и о прекрасномъ прошломъ. Сегодня она—именинница, и вокругъ нея должны объединиться всѣ, ея настоящіе и бывшіе друзья. Вы поставьте мои цвѣты въ сторонку отъ другихъ, чтобы они ей бросились въ глаза. Не надо ихъ смѣшивать съ другими! Пусть она знаетъ, что это—*мои* цвѣты... Поставьте ихъ такъ, чтобы она увидѣла ихъ первыми. Я самъ не могу быть сегодня въ театрѣ, я занятъ, играю, но вы это сдѣлаете за меня. Я долженъ незримо присутствовать на этомъ праздникѣ искусства и таланта. Много было цвѣтовъ... много... въ прошломъ, въ хорошемъ прошломъ.

Г. В., конечно, въ точности выполнилъ желаніе Василія Пантелеймоновича. Артистка, увидѣвъ цвѣты В. П., расплакалась. Ее тронула тонкая деликатность В. П., съ которымъ она не говорила ни слова уже лѣтъ десять.

* * *

Послѣ пріѣзда изъ Москвы, куда мы ѣздили съ «Шантеклеромъ», я сильно заболѣлъ и, несмотря на превосходное

лѣтнее время, стоявшее въ Петербургѣ, долженъ былъ слечь въ постель.

У меня былъ уютно обставленный кабинетъ на Спасоповской улицѣ. Сюда Василій Пантелеймоновичъ часто приходилъ дѣлиться мыслями отъ тѣхъ непріятностей и передрягъ, которыя были у него въ дирекціи Литературно-Художественнаго Общества въ связи съ Театральной школой А. С. Суворина. Я лежалъ одиноко и никому не давалъ знать о приключившейся со мной болѣзни.

За мной ухаживала одна только квартирная прислуга, весьма услужливая и добрая Зинаида Покровская, сморщенная, какъ лимонъ, и болѣзненная дѣвушка.

Дня черезъ четыре, когда я лежалъ весь въ бреду, съ температурой почти въ 40 градусовъ, часовъ въ 11 утра, ко мнѣ пришелъ Василій Пантелеймоновичъ.

Увидѣвъ, въ какомъ я нахожусь положеніи, онъ неподвижно уставился въ меня и, задержавъ мою сердобольную прислугу, началъ спрашивать ее глазами, что со мною. Та не знала, что отвѣтить. Я былъ въ сознаніи, видѣлъ всю сцену и, укутанный одѣялами, весь въ поту, не могъ ни слова сказать.

— Докторъ былъ?

— Нѣтъ!—отвѣтила прислуга.

— Отчего же? Надо было распорядиться! надо было послать за мной!. Нельзя же оставлять молодого и холостого мужчину въ такомъ безпомощномъ, одинокомъ положеніи.

— Они сами не велѣли! молчатъ и не стонутъ, а лицо у нихъ вонъ какое!

— Ничего хорошаго!—сказалъ В. П., покачивая головой.—Надо приступить къ леченію. А что́ ѣлъ?

— Ничего...

— Какъ ничего?—Всѣ четыре дня? Вѣдь отъ этого одного умрешь, какую угодно болѣзнь получишь! Это невозможно.

И В. П. все время качалъ головой.

— Вы должны поѣсть сейчасъ крѣпкаго куринаго бульона,—обратился онъ ко мнѣ,—выпить бокалъ хорошаго краснаго вина. Это крѣпитъ здоровье! Какъ же-можно болѣть въ ваши годы! Вѣдь залогъ счастья такихъ, какъ вы да я, залогъ нашихъ успѣховъ въ жизни—наше здоровье. Мы съ вами въ этомъ мірѣ одинокіе, заброшенные люди, безъ связей и протекціи. Поймите, мы сами должны все для себя зарабатывать... Намъ никакъ нельзя хворать. Наше нездоровье тотчасъ же отразится на нашемъ благосостояніи. «Вставай, подымайся, рабочій народъ!» будь здоровъ!—вотъ что спасетъ насъ всѣхъ въ суровой борьбѣ за существованіе.

В. П. аккуратно ходилъ ко мнѣ цѣлую недѣлю и, можно сказать, выходилъ меня. Я выздоровѣлъ.

О возрастахъ мужчины.

— Возрастъ мужчины,—говаривалъ В. П.,—дѣлится на три періода: *первый періодъ*—періодъ безумныхъ страстей, кипящихъ и неудержимыхъ, какъ лава, тогда всѣ женщины хороши и пріятны, онъ тянется отъ 17 до 25 лѣтъ; *второй періодъ*—періодъ остепененія, возмужалости, мужчина становится осмотрительнымъ и не такъ легко растрачиваетъ нервную энергію, женщинъ выбираетъ, требуетъ эстетически прекрасныхъ, головокъ Греза, мадоннъ Перруджино, яркихъ и благоуханныхъ, онъ тянется отъ 25 до 40 лѣтъ; *третій періодъ* есть періодъ искусства, періодъ длительнаго и томительнаго испаренія нервной энергіи, онъ тянется отъ 40 лѣтъ и до самой старости, самый опасный и сложный періодъ, страсти еще не потухли въ мужчинѣ, движутся въ немъ, иной разъ, какъ смерчи, какъ штормы, но онъ уже, увы! ничего не можетъ и дѣйствуетъ въ этомъ періодѣ всѣми членами тѣла, кромѣ тѣхъ, которые пріуготовлены ему самимъ Господомъ Богомъ на благо человѣчества.

* * *

Однажды, одинъ молодой писатель разсказывалъ Василію Пантелеймоновичу, что, изучая мемуары тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ пришелъ къ заключенію, что Пушкинъ имѣлъ исключительное вліяніе на Гоголя въ первой половинѣ его литературной дѣятельности въ смыслѣ общественномъ, что не будь Пушкина, вѣроятно, не было бы и Гоголя, такого, какимъ его знаетъ русская литература и русское просвѣщеніе, и что «Мертвыя души» и «Ревизоръ», какъ произведенія, раскрывшія русскій бытъ въ синтезѣ, были въ темѣ даны Пушкинымъ Гоголю по внутреннимъ, скрытымъ для другихъ основаніямъ политическаго порядка.

— Я тоже объ этомъ много думалъ, когда разучивалъ роль Хлестакова! –сказалъ Василій Пантелеймоновичъ.— Недаромъ такой умный человѣкъ, вполнѣ сочувствовавшій декабристамъ въ ихъ политическихъ идеалахъ, какъ Пушкинъ, далъ Гоголю эти темы... Недаромъ... Онъ имѣлъ что-то въ виду.

— При этомъ важно отмѣтить, что Пушкинъ никого другого не нашелъ болѣе способнымъ исполнить его затаенную цѣль и нашелъ, главное, надлежащаго человѣка,— сказалъ молодой писатель.

— Да, въ этомъ-то вся суть... Найти человѣка гораздо труднѣе, чѣмъ дать тему. Помню, былъ на Москвѣ такой случай. Умеръ Провъ Садовскій... Большой артистъ! На извозчикѣ ѣдетъ баринъ. Ему извозчикъ и говоритъ: «А слышали, баринъ, Провъ-то, Провъ Садовскій померъ...»— «Померъ. Не велика бѣда! Другіе остались, видѣли, какъ онъ игралъ, были тому свидѣтелями. Театръ не обѣднѣетъ».—«Оно такъ-то такъ,—говоритъ извозчикъ,—да вотъ какое дѣло, былъ я намеднись у скакового поля, остановился у дырочки въ заборѣ, да и говорю мерину, своему мерину: –Глядь-ко, меринъ, какъ рѣзвятся другіе, бѣгаютъ!.. учись, братецъ, авось и ты забѣгаешь. Смотрѣлъ меринъ, долго смотрѣлъ, внимательно... Да что-то и доселѣ

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли герцога Альбы въ піэсѣ Сарду «Графъ де Ризооръ» (La patrie).

Панаевскій театръ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Маломъ театрѣ.

(Театръ Литературно-Художественнаго Общества—театръ А. С. Суворина).

УКРАИНСКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

не двигается, не можетъ бѣгать, какъ рысакъ. Межъ тѣмъ, самъ видѣлъ, былъ свидѣтелемъ, какъ рысаки бѣгаютъ. Не можетъ. Не та кровь...»—Такъ и съ Гоголемъ...—заключилъ свое сравненіе Василій Пантелеймоновичъ—Пушкинъ зналъ, кому давалъ темы. Душу человѣческую умѣлъ познавать.

Завѣты стараго актера.

Въ 1908 году В. П. Далматовъ издалъ первый томъ своихъ разсказовъ и театральныхъ воспоминаній. Эти разсказы просты, изящны и красивы по формѣ. Они названы «По ту сторону кулисъ». Въ нихъ много поучительнаго для молодыхъ актеровъ, начинающихъ артистическую карьеру. Весьма интересны очерки о «Черномъ трагикѣ» Ира-Ольриджѣ, «Повѣсть Мошки Фиртельзона», «Залогъ» и другіе.

Въ «психологическомъ очеркѣ» Юлія Пастрана (стр. 22—65) В. П. Далматовъ далъ пространный «Театральный катехизисъ», гдѣ въ лицѣ актера Румянцева, какъ и въ лицѣ другого артиста, Ганнибалова, В. П. вывелъ самого себя, въ молодые годы, въ эпоху его скитаній по провинціи.

Разсказъ такого содержанія.

В. П. встрѣчаетъ своего двойника.

Въ музеѣ стояло чучело Юліи Пастраны, знаменитой женщины съ бородой. Когда В. П. осматривалъ его, то его вниманіе привлекло «совершенно неожиданное движеніе одной изъ фигуръ, стоявшихъ неподвижно въ темномъ углу стекляннаго кіоска Пастраны, и ясное всхлипываніе плачущаго человѣка».

Человѣкъ говорилъ:

— Прощай, дорогая. Прощай, милая. Прощай... Прощай, дорогая мама... на вѣки...

В. П. разсказываетъ далѣе:

«Человѣкъ всталъ и, пошатываясь, направился къ выходу; я послѣдовалъ за нимъ. Онъ пошелъ вдоль Пассажа къ Невскому проспекту, и я за нимъ. Пока мы проходили Пассажъ, я успѣлъ, при яркомъ освѣщеніи магазиновъ, разсмотрѣть печальную фигуру страннаго человѣка, плохо, не по сезону одѣтую—это было Великимъ постомъ, въ мартѣ—довольно высокую, но уже сгорбленную, съ большою просѣдью длинную шевелюру и худое, изможденное лицо.

Онъ медленно шелъ, посматривая на меня, какъ будто ожидая, что я заговорю съ нимъ; а мнѣ, признаться, показалось, что онъ пьянъ, и я не рѣшался заговорить. Наконецъ, мы подошли къ выходу изъ Пассажа и очутились лицомъ къ лицу, освѣщенные фонаремъ.

Онъ неожиданно остановился, затѣмъ заговорилъ:

— Вы, конечно, не узнаете меня, г. Далматовъ?

На меня пахнуло гарью водки... Голосъ хриплый, пьяный, глаза воспаленные, мутные, лицо давно не бритое...

— Простите, не помню.

— Гдѣ вамъ помнить насъ, маленькихъ людей!..—замѣтилъ мой новый знакомый незнакомецъ.—Это намъ суждено все помнить! А вы имѣете право и забывать... Извините за безпокойство...—и онъ, ядовито улыбнувшись, приподнялъ шапку.

Я даже порадовался, что онъ собирается оставить меня въ покоѣ, и хотѣлъ уже воспользоваться благопріятной минутой повернуть за уголъ и скрыться... Но онъ схватилъ меня за руку и совсѣмъ другимъ, трезвымъ, скорбленнымъ тономъ заговорилъ:

— Неужели ты забылъ меня, Володю Румянцева?

Какой знакомый голосъ! Сколько воспоминаній всколыхнулось въ одно мгновеніе. Картины юности пронеслись одна за другой.

Да, это онъ, молодой, живой, веселый, счастливый, обезпеченный, посвятившій себя сценѣ со всѣмъ пыломъ юности.

Встрѣтивъ тогда во мнѣ откликъ, онъ былъ мнѣ преданъ до самоотверженія и нѣсколько лѣтъ не разлучался со мной, скитаясь по провинціальнымъ театрамъ... Его странныя выходки часто оканчивались протоколами, но всегда проходили безнаказанно. Обладая необыкновенной силой и ловкостью, онъ плѣнялъ всѣхъ окружающихъ своими атлетическими упражненіями и балагурствомъ... Да развѣ можно теперь его узнать? Да развѣ этотъ жалкій скелетъ—Володя?

— Боже, неужели это вы?

— Вы, да, это мы...—опять язвительно прошипѣлъ Румянцевъ.

Я горячо пожалъ его руку, и мы довольно долго стояли молча, смотря другъ другу въ глаза; я страстно хотѣлъ прочитать въ его глазахъ исторію промелькнувшей жизни, а онъ глядѣлъ на меня не то загадочно, не то вызывающе.

— Что, братъ, поразилъ? Непривлекательный пейзажъ... Ничего, не стѣсняйся, говори прямо, не узнаешь, и я отойду, не потревожу...

Опять послышалась пьяная рѣчь.

— Да что ты! Что ты! Я очень радъ, что встрѣтилъ тебя. Сколько разъ я старался узнать, гдѣ ты, но все напрасно. Точно въ воду канулъ,—говорилъ я взволнованно, торопливо пожимая его руку.

— Да и канулъ! Ты, думаешь, я теперь Володя Румянцевъ? Нѣтъ, братъ, я... Однако, уйдемъ отсюда.

— Пойдемъ куда-нибудь въ ресторанъ, что ли, посидимъ, побесѣдуемъ,—предложилъ я.

— А къ тебѣ нельзя?

— Ко мнѣ... не совсѣмъ удобно.

— Ну, а въ ресторанъ мнѣ идти неудобно... Развѣ въ отдѣльный кабинетъ?

— Да, конечно. Идемъ» (стр. 25—27).

Они отправились. Румянцевъ оплакивалъ свою мать Юлію Пастрану и передалъ В. П. мѣшочекъ и записную

книжку, послѣднее богатство Румянцева, въ которомъ была тайна его жизни. Затѣмъ ушелъ.

Оказалось, что Юлія Пастрана воспитывала Володю Румянцева.

Ошеломленный всѣми этими впечатлѣніями, возвратился В. П. къ себѣ домой. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета во всемъ происшедшемъ.

Однако, потокъ жизни его снова увлекъ, онъ ушелъ въ него съ головой, объ актерѣ Румянцевѣ позабылъ и затерялъ книжку Румянцева съ таинственными іероглифическими надписями. Только 10 лѣтъ спустя нашелъ ее у себя совершенно случайно, среди вороха другихъ бумагъ.

В. П. сумѣлъ разобрать эти іероглифы только потому, что по многимъ вопросамъ драмы и искусства они неоднократно спорили.

Такъ, напр., въ книжкѣ была помѣтка: «Гамлетъ—пер. хр. Ф.». Одинъ В. П. могъ возстановить смыслъ этой фразы. Это значило: «Гамлетъ—первый Христіанскій философъ».

Мысли Румянцева о «Гамлетѣ», высказанныя имъ въ одномъ спорѣ съ В. П., великолѣпны.

— Я поставилъ бы и Гамлета совсѣмъ не такъ,—говорилъ Румянцевъ, т. е. самъ В. П. Далматовъ,—какъ его обыкновенно ставятъ. До сихъ поръ мы видѣли не Гамлета, а яичницу съ зеленымъ лукомъ.

— А какъ же бы ты поставилъ?

— Прежде всего, я бы уничтожилъ опредѣленіе самой пьесы.

— То есть?

— То есть, не называлъ бы ее трагедіей. Это—пьеса нравовъ.

И съ этой точки зрѣнія надо и подходить къ ней.

На какой дьяволъ они ломаются, позируютъ въ какихъ-то невѣроятныхъ дворцахъ, набѣленные, нарумяненные, въ какихъ-то шутовскихъ балетныхъ костюмахъ, декламируютъ неестественные стихи съ ученическимъ пафосомъ?

Выходитъ подавляющая ерунда! А самой сути пьесы никто еще не понялъ.

— Какъ. Значитъ, всѣ комментаторы, написавшіе милліоны листовъ о Шекспирѣ и Гамлетѣ, ничего не понимаютъ и до сихъ поръ не постигли сути, а ты...—недоумѣвающе спрашивалъ В. П.

— А я, я,—перебилъ меня Володя,—постигъ!.. Мнѣ дано свыше постигать непостижимое.

— Интересно!

— Еще какъ! Во-первыхъ, я назвалъ бы пьесу: «Бродяга».

— Это почему? Вотъ уже ни къ селу, ни къ городу.

— Чѣмъ больше я перечитываю Гамлета въ оригиналѣ, тѣмъ больше я замѣчаю и чувствую міровую фальшь въ пониманіи сути. Гамлетъ со своимъ христіанскимъ побужденіемъ среди язычниковъ—чистокровный бродяга, и таковъ онъ и долженъ быть. Я бы уничтожилъ эти колонады, въ которыхъ театръ разыгрываетъ Гамлета, и далъ бы самыя неприглядныя внутреннія помѣщенія грязныхъ средневѣковыхъ дворцовъ, безъ всякихъ оперныхъ прикрасъ, со всѣми мелочами и неудобствами этихъ жилищъ. Сорвалъ бы разъ навсегда съ дѣйствующихъ лицъ балетные плащи и чистенькое трико и одѣлъ бы ихъ въ грубыя ткани, заковалъ бы воиновъ не въ бутафорскую картонную броню, только-что изъ склада принесенную, а въ настоящую, тяжелую, чтобы они ходили тяжело, глядѣли бы сурово... Подумай, какая нелѣпость! Зима, вѣтеръ, а Гамлетъ и всѣ придворные гуляютъ безъ штановъ!.. Это въ Даніи-то! Вѣдь, это не Палестина, чортъ возьми.

— А лица! это оскорбленіе, личное оскорбленіе, а не датчане, неустрашимые викинги. На ихъ лицахъ, грубыхъ, но типичныхъ, должна отражаться постоянная борьба на морѣ и сушѣ, изъ-за каждой пяди земли. Ничего подобнаго мы не видимъ въ исполненіи лучшихъ якобы толкователей Шекспира.

— А Росси? А Сальвини?

— Умолкни!—воскликнулъ онъ.—Не поражай меня звучными именами. Они болѣе, чѣмъ кто-либо изъ смертныхъ провинились передъ Шекспиромъ» (40—43 стр.).

Всѣ представленія умнаго, начитаннаго и образованнаго Володи Румянцева, оставившаго по капризу судьбы театръ для цирка, куда онъ попалъ на амплуа наѣздника и гдѣ сломалъ себѣ спину,—о театрѣ и о Шекспирѣ своеобразны и не шаблонны.

Но въ записной книжкѣ Румянцева, среди всевозможныхъ вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, составлявшихъ въ цѣломъ его «румянцевскую библіотеку», набросанъ былъ и проектъ театральнаго катехизиса.

Вкладывая душу въ свои проекты, онъ свято вѣрилъ въ ихъ осуществленіе, онъ мечталъ совокупно со всѣми дѣятелями русской сцены разработать свой театральный катехизисъ и примѣнить его къ практической жизни, предварительно изучивъ эту жизнь во всѣхъ направленіяхъ, начиная съ бродячихъ труппъ и кончая образцовыми, и сгруппировавъ всѣ явленія и художественныя задачи театра, его закулисной жизни и внѣшнихъ отношеній съ міромъ. Словомъ, онъ мечталъ выработать сообща кодексъ, который служилъ бы руководствомъ и твердой опорой театральному міру, мечущемуся внѣ времени и пространства.

Онъ доказывалъ горячо и убѣдительно, что актеры, будучи посланниками Божьими, идя рука объ руку съ поэтами и писателями, не нуждаются въ мірскихъ удобствахъ, что эта рать пѣшеходовъ, могущественная духомъ, должна быть выше слабостей человѣческихъ, игнорируя даже постоянное мѣстожительство, а не только роскошь жизни.

Онъ мечталъ объ актерахъ-спартанцахъ, закаленныхъ энтузіастахъ, фанатикахъ религіознаго экстаза, способныхъ спокойно, во имя высшихъ идеаловъ, выносить всякія невзгоды» (стр. 50—51).

«Театральный катехизисъ» актера Румянцева.

Онъ имѣетъ ту же нынѣшнюю форму, какую имѣетъ христіанскій катехизисъ, сочиненный митрополитомъ Филаретомъ.

Тутъ вопросы и отвѣты.

Актерамъ, не только начинающимъ, но и старымъ, слѣдуетъ съ большимъ вниманіемъ часто читать и усвоить себѣ основныя начала этого катехизиса.

* * *

Вопросъ.—Что есть театральное искусство?

Отвѣтъ.—Зеркало души.

В. Зачѣмъ душѣ зеркало?

О. Чтобы видѣть недостатки и достоинства человѣческія и совершенствоваться.

В. Что нужно для того, чтобы совершенствоваться?

О. Воспринимать общечеловѣческіе идеалы духовной силы и красоты.

В. Зачѣмъ человѣчеству сознаніе духовной силы и красоты?

О. Чтобы оправдать его божественное происхожденіе.

В. Что нужно дѣлать для того, чтобы человѣчество смотрѣло въ зеркало души и воспринимало его отраженіе?

О. Вѣрить въ его божественное происхожденіе.

В. На чемъ должна быть основана драматическая поэзія?

О. На вѣрѣ и знаніи. На непостижимомъ разумомъ и доступномъ ему.

В. Какъ отдѣлить первое отъ послѣдняго?

О. Усовершенствованіемъ души при посредствѣ вѣры.

В. Что могущественнѣе?

О. Вѣра.

В. Почему?

О. Потому, что поэзія и красота есть достояніе, главнымъ образомъ, души и ею измѣряются достоинства человѣка.

В. Человѣкъ самъ, безъ избранныхъ посредниковъ, можетъ постигнуть поэзію и красоту и усовершенствовать духовныя потребности?

О. Кому дано—можетъ. Но такихъ немного и безъ посланниковъ они обречены на гибель,—невѣжественное большинство унесетъ ихъ своимъ мутнымъ потокомъ, какъ жалкіе, одинокіе листья дубовъ могучихъ.

В. Значитъ, актеры, защищая избранное меньшинство, въ то же время и плотина, сдерживающая невѣжественное большинство, распространяя понятія о поэзіи души и знаніи красоты?

О. Да.

В. Какимъ долженъ быть человѣкъ, посвятившій себя сценической дѣятельности?

О. Такой человѣкъ долженъ быть проникнутъ, прежде всего, слѣдующими 10 заповѣдями:

1. Все для тебя въ истинѣ изящнаго искусства и въ красотѣ его.

2. Претерпи самоотверженно всякія невзгоды, гоненіе и презрѣніе невѣжественнаго большинства или злонамѣренныхъ блудниковъ пера и слова, но не сотвори себѣ кумира недостойной пошлости въ угоду грубой силѣ и не измѣняй вѣрѣ предковъ твоихъ, отдавшихъ геній свой и жизнь чистому искусству.

3. Не кощунствуй, не клятвопреступничай и не нарушай обѣтовъ, данныхъ тобою кому бы то ни было.

4. Помни, что, появляясь на подмосткахъ, ты—посланникъ многовѣковаго генія и труда твоихъ предковъ, и прежде чѣмъ взойти на трибуну премудрости и откровенія души, ты долженъ проникнуться

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Чурилы Пленковича, героя былины, славнаго покорителя женскихъ сердецъ («Забава Путятишна, піэса В. Н. Буренина, была поставлена на сценѣ Александринскаго театра въ 1894 г.).

созпаніемъ твоей задачи, а потому подготовься, обсуди, взвѣсь все, что ты собираешься дѣлать и тогда дерзай.

Пребываніе на подмосткахъ, передъ публикою, считай большимъ, свѣтлымъ праздникомъ, а подготовку усерднымъ, долготерпѣливымъ трудомъ.

5. Уважай труды другихъ, и тебя будутъ уважать. Поэтъ, которому ты взялся служить, самый близкій тебѣ человѣкъ въ мірѣ. Для него ты должнъ оставить все другое и предаться ему одному, страдать и радоваться за него. Въ этомъ твое призваніе.

6. Будучи сытымъ, не проходи равнодушно мимо голоднаго. Не сокращай жизни ближняго ненавистью, завистью, обидами и предательствомъ. Облегчай путь начинающимъ работникамъ сцены, если они стоютъ того; поддерживай нуждающихся, больныхъ, дѣтей и немощныхъ. Не кичись своей силой и славой—помни, что все преходяще въ этомъ мірѣ.

7. Бѣги любодѣянія, потому что оно разрушаетъ душевныя силы, творчество и память.

Кажущееся вдохновеніе, черпаемое изъ источника любодѣянія, можно сравнить съ виномъ, которое ложно возбуждаетъ наши силы для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ еще ощутительнѣе почувствовать ихъ потерю.

Но если любовь неизбѣжна, какъ необходимое украшеніе жизни, то не прелюбодѣйствуй, по крайней мѣрѣ, ни явно, ни тайно.

Воздерживайся отъ соблазна, изгоняй внутренне прелюбодѣяніе, сладострастныя мечты, заглушай порочныя стремленія любовью къ избранному тобою чистому искусству; только чистый, непорочный душою можетъ изобразить на сценѣ истинную, вдохновенную любовь, точно такъ же, какъ только трезвый можетъ изобразить натурально, художественно пья-

паго, со всей его отталкивающей внѣшностью и манерою говорить.

8. Не лихоимствуй и не тунеядствуй, ибо лихоимство и тунеядство—два порока, равные грабежу и воровству.

Актеръ, получающій жалованіе, но недобросовѣстно относящійся къ своему дѣлу—тунеядецъ и воръ; антрепренеръ, не уплатившій жалованіе добросовѣстному актеру,—грабитель.

9. Не клевещи. Не осуждай товарищей, тѣмъ болѣе, заочно. Не порицай изъ зависти или иного гнуснаго побужденія, съ намѣреніемъ повредить ближнему твоему, ибо, унизивъ другого, ты возвысишь себя. Оттого, что товарищу твоему будетъ хуже, тебѣ не станетъ лучше.

Не поддавайся самообману.

10. Будь чистоплотенъ душой и тѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не считай себя непогрѣшимымъ. Прислушивайся къ тѣмъ, кому ты посвятилъ свою жизнь, извлекай нужное для личнаго усовершенствованія, и да будетъ тебѣ благо».

Такова актерская этика Румянцева, но, вѣдь, Румянцевъ никто иной, какъ самъ В. П. Далматовъ, а, значитъ, это—этика самаго Далматова.

Всѣ указанныя имъ 10 заповѣдей онъ неукоснительно проводилъ въ жизни самъ, и многіе, соприкасавшіеся съ нимъ, могутъ удостовѣрить, что онъ свято выполнялъ начертанныя имъ начала правды, любви и гуманности, особенно, правила №№ 2, 4, 6, 8, 9 и 10.

Теперь еще остается указать взгляды актера Румянцева на женщину и на ея роль въ дѣлѣ сцены.

Румянцевъ думаетъ, что «съ момента вступленія женщины на сценическіе подмостки драматическая литература стала хирѣть» (стр. 56).

Нигдѣ, ни въ чемъ женщина не проявила таланта въ такой мѣрѣ, какъ на сценѣ. Это—единственная сфера, гдѣ она на одномъ уровнѣ съ мужчиной. Это ея назначеніе. Но театръ, съ его драматической поэзіей, она подмяла подъ себя. Чѣмъ талантливѣе женщина—тѣмъ хуже» (стр. 56).

«Женщина вдохновляла геніальныхъ поэтовъ, женщина, самая простая, непросвѣщенная женщина служила источникомъ вдохновенія и была опорою лучшимъ людямъ всѣхъ временъ.

— Ну, конечно!

— Но служить источникомъ вдохновенія—занятіе пассивное, а вдохновляться самой и служить высшимъ идеаламъ далекаго будущаго, игнорируя земное благо—успѣхъ дня, требуетъ самоотверженія, безкорыстной дѣятельности, на которую женщина вообще, по своей организаціи, не способна, такъ, какъ она не способна къ большимъ полетамъ фантазіи».

«Женщина создана изъ души и тѣла, но съ примѣсью лигатуры въ видѣ драгоцѣннаго металла и наряда. Отсюда сценическое дѣйствіе драматической сцены: нравиться во что бы то ни стало» (стр. 57).

«Робко, постепенно создала женщина писателей, воспѣвающихъ ея прелести и оплакивающихъ ея паденіе. Затѣмъ, она смѣло выступила на первый планъ со своими—пороками, облекая ихъ въ самыя обольстительныя формы, сверкая брилліантами, заставляя рыдать окружающихъ, когда ей не везетъ въ куртизанствѣ.

«Она пронизала насквозь драматическую и всякую иную литературу чарами соблазнительной похоти, называя эти низкія побужденія флиртомъ, кокетствомъ и другими, ничего не значащими словами. Вмѣсто пламенной страсти, облагораживаемой чистымъ влеченіемъ къ прекрасному—любовію, мы видимъ оргію чувственности со всѣми ея атрибутами человѣческихъ слабостей и пороковъ, вводя

этимъ подлымъ, легкимъ путемъ все болѣе и болѣе въ соблазнъ юныя сердца новыхъ поколѣній» (стр. 59).

«Я самый искренній другъ женщинъ. Я мечтаю объ ея законномъ правѣ работать на общественной аренѣ рука-объ-руку съ мужчиною, но женщина заняла фальшивое положеніе своимъ поломъ и до того свыклась съ этой ролью, что совсѣмъ утратила способность бороться противъ этого лживаго, хотя и соблазнительнаго пути. Я люблю и цѣню женщину! Если она почувствуетъ и оцѣнитъ мою любовь къ ней—она спасена отъ неизбѣжной гибели» (стр. 60).

О назначеніи матери-артистки и о воспитаніи дѣтей.

«Женщина—прежде всего мать. Женщина, посвящая себя драматическому искусству,—должна была бы вмѣстѣ съ тѣмъ обречь себя на безбрачіе.

Артистъ же долженъ жениться не на артисткѣ, во-первыхъ, потому, что они не могутъ, благодаря своей профессіи, дать правильнаго воспитанія дѣтямъ; во-вторыхъ, дѣти артистовъ рѣдко наслѣдуютъ таланты родителей, вѣроятно, потому, что родители слишкомъ много расходуютъ его на себя; въ-третьихъ, необезпеченность сценической дѣятельности подвергаетъ дѣтей актеровъ печальнымъ случайностямъ, часто превращающимъ ихъ въ театральный пролетаріатъ.

«Если артистическіе браки неизбѣжны, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, изыскать способъ кругового обезпеченія дѣтей на случай несчастья, болѣзни или смерти.

«Хорошо бы организовать общество взаимнаго страхованія. Такое общество спасло бы не одну тысячу дѣтей, будущихъ гражданъ» (стр. 60—61).

Таковы завѣты стараго, хорошей классической школы актера. Они написаны кровью сердца и выстраданы имъ долгими невзгодами и бурями жизни.

Молодое поколѣніе актеровъ и, особливо, актрисъ-женщинъ, должно было бы впитать ихъ въ себя, какъ воздухъ, какъ кислородъ, во имя спасенія театра и русской литературы. Русская актриса изъ поколѣнія въ поколѣніе падаетъ все ниже и ниже и въ этомъ моральномъ паденіи въ какіе-то низы, въ какія-то глубины стремительно влечетъ за собою и мужчинъ. Мельчаетъ духъ, мельчаютъ поэтическіе замыслы и понижается культура страны! Женщины-актрисы, прислушайтесь чутко, внимательно къ завѣтамъ вдохновеннаго сценическаго дѣятеля, любившаго Россію, русскую литературу, русскій театръ, русскую женщину!

Служите избранному вами искусству, но тогда откажитесь отъ семьи! Не понижайте степени высоты искусства, не увлекайте слабовольныхъ и послушныхъ мужчинъ въ низы, въ дно человѣческаго духа, а поднимайте ихъ ввысь, въ небо!.. Актерство не простое лицедѣйство, а великое служеніе искусству и культурѣ страны...

* * *

Теперь остается почерпнуть автобіографическіе матеріалы изъ разсказа Василія Пантелеймоновича «Залогъ», посвященнаго памяти извѣстнаго милліонера Саввы Тимофеевича Морозова, въ ту пору еще очень молодого человѣка.

«Театральный эпизодъ» относится къ началу 80-хъ годовъ прошлаго XIX столѣтія, т. е. имѣлъ мѣсто лѣтъ 35 тому назадъ.

Предоставимъ слово В. П.

Онъ говоритъ:

«Я въ тѣ годы (80-е въ Москвѣ) встрѣчался съ аристократіей старой и новой Москвы и на меня лично ни до,

ни послѣ никто не производилъ болѣе чарующаго впечатлѣнія, какъ двѣ представительницы бывшаго московскаго свѣта: именитая купчиха Морозова (В. А., молодая очаровательная вдова) и графиня Каннистъ, жена попечителя московскаго учебнаго округа. Въ это же время я встрѣтилъ въ первый разъ у кн. Оболенскихъ на спектаклѣ графа Л. Н. Толстого и его дочь, глубоко симпатичную Татьяну, принимавшую участіе въ благотворительныхъ спектакляхъ, которые устраивала гр. Каннистъ. Л. Н. тогда стригся ежикомъ и носилъ черный сюртукъ. Но уже подъ вліяніемъ первой всероссійской переписи, въ которой онъ участвовалъ, потихоньку почью переодѣвался въ простонародное платье и бродилъ среди обездоленнаго люда и щедро помогалъ бѣднякамъ. Когда родные случайно узнали про его таинственныя переодѣванія и экскурсіи по всевозможнымъ притонамъ и рынкамъ, то всѣ необычайно встревожились, начиная съ графини и..... Но это періодъ жизни Л. Н. слишкомъ серьезенъ, чтобы о немъ говорить вскользь,—до другого раза.

В. А. Морозова и графиня Каннистъ группировали вокругъ себя извѣстныхъ литераторовъ, профессоровъ и артистовъ, служившихъ имъ главнымъ подспорьемъ въ устройствѣ благотворительныхъ вечеровъ.

Въ домѣ В. А. я встрѣчалъ профессора Чупрова, Гольцева, профессора Снегирева, П. Д. Боборыкина и многихъ другихъ лицъ, такъ сказать, либеральнаго лагеря. Между прочимъ, встрѣчалъ юношу С. Т. Морозова.

Въ 80-хъ годахъ былъ разрѣшенъ государемъ Александромъ III первый частный театръ въ Москвѣ, именовавшійся «Пушкинскимъ», во главѣ котораго стояла энергичная талантливая женщина Бренко. Она была замужемъ за присяжнымъ повѣреннымъ и выдающимся музыкальнымъ критикомъ Левенсономъ, который, конечно, принималъ живѣйшее участіе въ созданіи идеальнаго театра и содѣйствовалъ тому, что его жена сгруппировала такую

образцовую труппу, о которой теперь можно только мечтать...

Достаточно упомянуть имена нѣкоторыхъ артистовъ, составлявшихъ ядро труппы, чтобы вообразить себѣ тотъ колоссальный успѣхъ, которымъ пользовался первый частный *свободный* театръ:

Г-жи: Рыбчинская, Свободина-Барышова, Гламма-Мещерская, Волгина, Красовская, Бороздина, Немирова-Ральфъ, Рютчи, Шабельская (подававшая большія надежды) и др.; г-да: М. И. Писаревъ, Андреевъ-Бурлакъ, Свободинъ, Ивановъ-Козельскій, Кирѣевъ, Чарскій, Стружкинъ, Рютчи, Шумплинъ, Поповъ, Костровъ, Холодовъ, Корневъ, Южинъ, Борисовскій, вашъ слуга (т. е. В. П. Далматовъ) и др., которыхъ вспомнить сейчасъ не могу, но которые дополняли чудесный ансамбль избраннаго репертуара, подъ руководствомъ геніальнаго режиссера, артиста Императорскихъ театровъ А. Ф. Ѳедотова.

Объ этомъ времени я однажды началъ было писать въ журналѣ А. А. Плещеева, лѣтъ 20 тому назадъ, рядъ очерковъ, для исторіи частныхъ театровъ, но «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ» пришлось прекратить... Къ тѣмъ же временамъ относятся и первыя попытки г. Станиславскаго осуществить свои завѣтныя мечты—создать идеальный драматическій театръ изъ любителей.

Это было самое интересное время въ исторіи частныхъ театровъ. Начало 80-хъ годовъ пробудило и оживило русскихъ артистовъ, до тѣхъ поръ скитавшихся, томившихся въ самой ужасной неволѣ у нѣсколькихъ провинціальныхъ антрепренеровъ.

Пресса встрѣтила свободу частныхъ театровъ съ распростертыми объятіями и, горячо сочувствуя принципіально идеѣ, оказала намъ мощную поддержку.

Въ 1884 году, покинувъ Москву для Петербурга, я долго еще оставался подъ впечатлѣніемъ интереснаго историче

ского момента, когда пробужденіе театра имѣло первенствующее значеніе для большинства.

Вокругъ группировались образованные люди и высокоталантливые писатели. Ему посвящали свои статьи А. Н. Островскій, Д. В. Аверкіевъ, П. Д. Боборыкинъ, Юрьевъ, князь Урусовъ, Васильевъ-Флеровъ, Кичеевъ, Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, М. В. Карнѣевъ и др., отдавшіе все свое существованіе театру.

И вотъ спустя десять лѣтъ, въ 1894 году, когда мнѣ пришлось временно разстаться съ петербургскимъ Императорскимъ театромъ, я получилъ вновь изъ Москвы приглашеніе принять участіе въ товариществѣ московскаго частнаго театра, во главѣ котораго стоялъ Чарскій. Я съ дѣтства былъ подъ обаяніемъ этого артиста и потому немедленно вошелъ въ соглашеніе съ Перловымъ, который составлялъ труппы черезъ частное театральное бюро Д. А. Бѣльскаго (стр. 240—243).

Дѣла товарищества были неважны. Вкусы и требованія въ Москвѣ за десять лѣтъ отсутствія В. П. значительно понизились.

Товарищество прекратило свое существованіе. Для спасенія актеровъ на обломкахъ стараго возникло новое товарищество, которое думало начать сезонъ тотчасъ послѣ поста.

Однако, для новыхъ товарищей выросло грозное препятствіе въ лицѣ оберъ-полиціймейстера Власовскаго, который требовалъ представленія въ депозитъ его канцеляріи 9 тысячъ рублей въ обезпеченіе исправности платежа жалованья оркестру и всѣмъ служащимъ, на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ.

Денегъ не было. Положеніе сдѣлалось критическимъ.

Черезъ одного изъ артистовъ армянина Петросьяна обратились къ Саввѣ Ивановичу Мамонтову, который далъ товариществу заимообразно 3.000 рублей. Оставалось добыть еще 6,000 рублей.

Составился совѣтъ, душой котораго былъ извѣстный журналистъ и корреспондентъ «Новостей» Рокшанинъ.

Было рѣшено просить Савву Тимофеевича Морозова.

Но кто былъ съ нимъ знакомъ изъ членовъ товарищества настолько хорошо, чтобы могъ отправиться къ нему просить?! Не оказалось ни одного, за исключеніемъ Рокшанина, который встрѣчался на биржевыхъ засѣданіяхъ Нижегородской ярмарки—и только.

— Значитъ, онъ тебя въ лицо знаетъ?—ласково, со слезой, бросаясь къ Рокшанину, сказалъ Перловъ.

— Думаю, что знаетъ.

— Голубчикъ, выручи!

Всѣ накинулись на Рокшанина.

Однако, Рокшанинъ не нашелъ для себя удобнымъ являться къ С. Т. Морозову одному, по весьма важнымъ соображеніямъ, причемъ онъ сказалъ:

— Надо толково сдѣлать, не вмѣшивая меня въ это дѣло, даже косвенно... Хотя если бы Далматовъ поѣхалъ, я бы могъ его сопровождать и представить.

Всѣ перевели умоляющіе взоры на В. П.

— Почему же это ты для меня дѣлаешь такое исключеніе?—освѣдомился я.

— А видишь ли, когда ты былъ въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, я слышалъ, съ какимъ энтузіазмомъ онъ отзывался о тебѣ! Восторгался! И потомъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ и Барановъ (бывшій нижегородскій губернаторъ), послѣ биржевого засѣданія, уговаривали купечество идти въ театръ тебя смотрѣть.

— А-а! вотъ оно что!

На слѣдующій день, въ девять часовъ утра, мы оба поѣхали къ С. Т. Морозову.

Ѣхали очень долго. Вошли въ сѣни сводчатаго зданія, больше похожаго на каменный огромный амбаръ. Здѣсь стояли старые кованые сундуки, ящики, вѣсы и разные

предметы, по нашему, ничего не стоющіе. Но мнѣ почему-то хотѣлось вѣрить, что въ сундукахъ деньги.

Доложили. Просили подождать. Взадъ и впередъ ходили люди, въ поддевкахъ и, какъ мнѣ показалось, посматривали на насъ не то иронически, не то подозрительно,—словно присматривали за нами...

Наконецъ, появился въ концѣ сводовъ представительный молодой человѣкъ съ темной бородкой, во всемъ черномъ; открытая грудь смокинга ослѣпляла бѣлизной изящной манишки и мягкія подошвы обуви обличали въ С. Т. Морозовѣ человѣка хорошаго тона, совсѣмъ не соотвѣтствовавшаго окружающей обстановкѣ.

Онъ любезно пожалъ руку Рокшанину, который представилъ меня.

— Ахъ, это вы. Очень, очень радъ познакомиться. Поклонникъ вашего таланта. Вы мнѣ доставили истинное наслажденье. Очень, очень пріятно,—крѣпко пожимая руку, довольно тихо проговорилъ С. Т., и даже какъ будто краснѣя.

Началась «живая картина», такъ какъ Рокшанинъ былъ очень блѣденъ, а В. П. не рѣшался просить, а С. Т. Морозовъ не понималъ, въ чемъ дѣло.

Наконецъ, какъ-то вышло такъ, что В. П. изложилъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ вамъ нужны, вы говорите, пять тысячъ?

— Да... Очень нужны,—сказалъ я.—Мы вамъ возвратимъ ихъ Великимъ постомъ. Можете быть увѣрены... эти деньги будутъ лежать въ сохранности у Власовскаго... въ видѣ залога.

— Хорошо-съ. Только я не могу сейчасъ дать. Прошу завтра въ это же время заѣхать сюда.

Онъ всталъ.

— Благодарю васъ!—чуть не со слезами проговорилъ я.

— Пожалуйста, пусть это останется между нами,—сказалъ Морозовъ, провожая насъ.

Когда мы очутились во дворѣ—я почувствовалъ необычайный приливъ стыда, какого я еще въ жизни не испытывалъ. А когда подумалъ, что мнѣ еще и завтра придется вынести такую же пытку свиданія, со мною чуть не обморокъ сдѣлался.

Мы молчаливо шли къ извозчику.

Первый заговорилъ Рокшанинъ:

— Не понимаю, почему ты попросилъ пять тысячъ, когда необходимо шесть?

— А я развѣ только пять просилъ?

— Это меня и удивило.

— Вотъ исторія... Это я безсознательно.

На другой день я пріѣхалъ къ Морозову нѣсколько раньше назначеннаго времени и ходилъ подъ мрачными облупившимися сводами просто самъ не свой, предаваясь непріятному предчувствію, что Морозовъ вышлетъ сказать, что ему некогда, извиняется, проситъ заѣхать на-дняхъ... или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Простите, я васъ заставилъ ждать,—дѣла...—неожиданно, какъ бы подкравшись въ своей мягкой обуви, проговорилъ дѣловымъ тономъ Морозовъ и повелъ меня опять въ ту же комнату съ зеленымъ столомъ. Не садясь, онъ вынулъ изъ смокинга пачку денегъ и, передавая ихъ мнѣ, также сердечно сказалъ:

— Желаю отъ всей души полнаго успѣха.

Я вынулъ, въ свою очередь, сохранную росписку и почетный билетъ на всѣ спектакли нашего товарищества,—но Морозовъ ни того, ни другого не принялъ.

— Простите, не могу. Я страстно люблю театръ. Но такая моя горькая участь. Если узнаютъ, что я вамъ далъ денегъ, да еще пользуюсь почетнымъ билетомъ—меня, пожалуй, заподозрятъ въ чемъ-нибудь такомъ... что для нашего брата не желательно... понимаете, коммерція руководствуется собственнымъ катехизисомъ. И потому я буду просить васъ и вашихъ товарищей ничего обо мнѣ не гово-

рить, прошу даже, если возможно, забыть, что это именно я оказалъ услугу... Вотъ мои проценты съ васъ на капиталъ,—шутя и добродушно улыбаясь, проговорилъ С. Т. Морозовъ,—и мы разстались» (стр. 244—261).

Деньги впослѣдствіи были ему возвращены.

Все это я привелъ къ тому, чтобы показать, какъ былъ высокъ моральный авторитетъ В. П. Далматова, какъ первокласснаго актера, у москвичей и эти симпатіи къ нему Москвы я наблюдалъ до послѣднихъ дней его жизни.

В. П. Далматовъ, какъ декламаторъ.

Декламація В. П. Далматова была всегда ярка и выразительна, дикція ясная (за исключеніемъ послѣднихъ 10 лѣтъ, когда онъ «мазалъ» роль, но за то и въ этотъ періодъ времени онъ давалъ незабываемые художественные образы), тонъ теплый и проникновенный, исполненный драматизма или комизма. Онъ всегда отлично понималъ смыслъ стихотвореній, которыя онъ читалъ, и творческія намѣренія автора, всегда проявляя особенную способность дополнить автора.

Декламировалъ онъ только тѣ стихотворенія, которыя были близки его душѣ и въ которыя онъ могъ вложить свой душевный опытъ. Поэтому, всѣ стихотворенія, гдѣ говорится о женщинахъ, онъ читалъ превосходно, лучше многихъ другихъ стихотвореній.

Дыханіе у него, несмотря на его широкую грудь, было короткое, иногда отрывистое, вотъ почему въ послѣдніе годы, когда у него стало болѣть сердце, неправильно сжимавшееся и расширявшееся, онъ часто сливалъ во-едино много фразъ и комкалъ реплики, замѣняя слова продолжительными звуками съ отдѣльными характерными выраженіями.

Многіе думали, что тускнѣлъ талантъ Василія Пантелеймоновича, что онъ изъ года въ годъ терялъ способность творить жизнь на сценѣ, какъ это было въ ранніе годы, и ставили ему въ вину сливаніе цѣлыхъ фразъ въ одинъ потокъ мало разбираемыхъ словъ, рычаніе и, вообще, «мазаніе» роли, но, конечно, талантъ Василія Пантелеймоновича остался до конца дней его жизни талантомъ, ослабѣло только сердце и онъ не выдерживалъ длинныхъ и сильныхъ монологовъ, онъ боялся ихъ не кончить во время дѣйствія.

Діапазонъ его голоса былъ до того обширенъ, что Александринскій театръ былъ для него малъ. У Василія Пантелеймоновича были два тембра: для комедіи—теноровый, переходящій въ баритонъ, и обыкновенный, басовый, для трагическихъ ролей. Вводя въ роль басовой тембръ, Василій Пантелеймоновичъ, который, должно, къ сожалѣнію, установить, не отличался особой музыкальностью слуха, не слышалъ себя и потому иногда давалъ не то толкованіе роли, какое хотѣлъ. Это его безпокоило и волновало.

В. П., при выходѣ на сцену, будучи уже старымъ, опытнымъ артистомъ, всегда волновался. Это волненіе проходило у него мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ наростало дѣйствіе, какъ онъ самъ входилъ въ дѣйствіе всѣмъ своимъ существомъ, но, читая мелкія стихотворенія, гдѣ дѣйствіе было короткое, онъ волновался въ теченіе всего стихотворенія.

Декламація его увѣковѣчена въ граммофонѣ. Обычный тонъ, обвѣвавшій произносимыя имъ стихотворенія, это—сердечность, теплота, бѣдность и горе несчастнаго, обездоленнаго, лишеннаго уюта и тепла человѣка, стихотворенія Никитина, Надсона, Гейне, Мюссе, Некрасова, и любовь къ женщинѣ.

В. П. Далматовъ, какъ гримеръ.

В. П. Далматовъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ гримеровъ-художниковъ.

Прежде, чѣмъ дать соотвѣтствующій роли гримъ, онъ долго и много надъ нимъ думалъ, подготовлялъ краски, разрисовывалъ свое лицо, стиралъ, замѣняя старыя тѣни новыми, и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока гримъ не удовлетворялъ его.

В. П. удивительно умѣлъ схватывать и понимать эффекты красокъ, и потому производилъ изъ публики сильное впечатлѣніе художественностью грима.

Искусство гримировки—искусство наиболѣе трудное и сложное, такъ тѣсно связанное со всей технической конструкціей роли въ пьесѣ, представлялось Василію Пантелеймоновичу однимъ изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ качествъ артиста-художника. Гримъ В. П. не былъ маской на лицѣ, какъ это мы видимъ у большинства неумѣющихъ гримироваться актеровъ, даже на образцовыхъ сценахъ, но художественной картиной, никогда не надоѣдавшей зрителю и отовсюду дающей одно и тоже художественное впечатлѣніе, какъ изъ первыхъ рядовъ партера, такъ и изъ послѣднихъ рядовъ галлерей, какъ бы часто зритель не видѣль его въ одной и той же роли.

Когда роль была новая и, особенно, историческаго жанра, то В. П. начиналъ изучать эпоху, почитывать изъ этого періода историческіе романы и повѣсти, ярко характеризующіе данное время и дѣйствовавшихъ въ тотъ періодъ лицъ, и собирать гравюры и картины художниковъ, съ изображеніемъ лица, роль котораго онъ исполнялъ. Когда онъ достаточно подробно усваивалъ себѣ эпоху и ея характеръ, онъ начиналъ гримировать себя по картинамъ и гравюрамъ, а затѣмъ уже постепенно измѣнялъ гримъ соотвѣтственно своему пониманію роли и замысламъ автора.

Поэтому, онъ гримировался всегда самъ и не довѣрялся

даже прославленнымъ парикмахерамъ. У него былъ великолѣпный, привезенный изъ Лондона, гримировальный ящикъ, поразительный своими удобствами. Онъ съ нимъ никогда не разставался и повсюду бралъ его съ собою.

Парики онъ выбиралъ самъ, какъ по цвѣту волосъ, такъ и по качеству шевелюры. Если подходящаго парика не было, то онъ входилъ въ длинныя, детальныя обсужденія съ парикмахеромъ и, выяснивши всѣ свои требованія, пріобрѣталъ сдѣланный по его спеціальнымъ указаніямъ парикъ, чтобы въ слѣдующіе разы не тратить времени на новыя объясненія. Василій Пантелеймоновичъ находилъ, что для того, чтобы найти тонъ для парика, надо прежде всего прочувствовать роль, пронести ее черезъ душу.

Паркъ у него бывалъ всегда какой-нибудь особенный, чрезвычайно оригинальный, паркъ далматовскій. Напримѣръ, въ «Карьерѣ Наблоцкаго», кн. В. В. Барятинскаго, В. П. дѣлалъ себѣ свѣтлый паркъ, съ пышной, хорошо причесанной съ завитками и съ проборомъ шевелюрой, что какъ будто не гармонировало съ чернымъ сюртукомъ и костюмами великосвѣтскаго хлыща и карьериста Наблоцкаго.

В. П. спросилъ меня, однажды, послѣ того, какъ онъ сыгралъ Наблоцкаго въ Ораніенбаумѣ, какъ мнѣ понравился его паркъ. Я не сказалъ ему въ этотъ разъ, что свѣтлые тона парика мнѣ не особенно понравились, но мѣсяца черезъ два, помню, мы коснулись этого вопроса снова—и я прямо сказалъ, что думалъ. Послѣ этого В. П. игралъ Наблоцкаго въ паркѣ, болѣе темномъ, чѣмъ въ Ораніенбаумѣ. Это было правильнѣе и по роли выразительнѣе.

Такимъ образомъ, даже въ такомъ вопросѣ, какъ выборъ парика, Василій Пантелеймоновичъ руководился вкусами и впечатлѣніями зрителя изъ партера и принималъ его замѣчанія къ свѣдѣнію и руководству. Это онъ называлъ совмѣстной работой актера и зрителя.

* * *

Василій Пантелеймоновичъ всюду, гдѣ бы онъ ни игралъ и, особенно, въ Александринскомъ театрѣ, приходилъ въ театръ часа за полтора-два до начала спектакля, раздѣвался, примѣрялъ костюмы, парики. Продѣлавъ эту работу и увѣрившись, что костюмы въ порядкѣ, что недостатковъ и погрѣшностей нѣтъ, приказывалъ развѣсить ихъ тутъ же и разложить, гдѣ можно, въ его уборной, въ полномъ порядкѣ, по-актно, а самъ, вымывъ себѣ снова лицо, обтерши его вазелиномъ и, вообще, подготовивъ его, начиналъ гримироваться.

Наложитъ одинъ, другой штрихъ на лицо, оглядываетъ себя въ зеркало съ разныхъ сторонъ, спокойно, зорко, внимательно, потягивая свою сигаретку въ тонкой янтарной трубкѣ... Молчитъ... Глаза мерцаютъ... Сниметъ старые штрихи, наложитъ новые, по иной комбинаціи, и опять осматриваетъ. Получалось впечатлѣніе, что на мгновеніе онъ перевоплощался, дѣлался публикой, глядѣвшей съ мѣста на В. П. Далматова и на его новый штрихъ грима. Въ минуты работы надъ гримомъ своего лица В. П. Далматовъ былъ весь поглощенъ *дѣланіемъ* грима и, сосредоточившись, ни о чемъ другомъ не думалъ въ этотъ моментъ.

Это бывало молчаливое, сосредоточенное священнодѣйствованіе. Въ это время онъ думалъ только о гримѣ и весь погружался безраздѣльно въ процессъ гримировки. Иной разъ съостритъ, но невзначай, мимолетно.

— Артистъ-художникъ долженъ научиться гримироваться,—сказалъ мнѣ однажды Василій Пантелеймоновичъ,—онъ долженъ узнать, на что̀ годится его лицо, какой эффектъ оно можетъ дать и на какія гримировочныя возможности оно способно. Если даже актеръ, еще не возвысившійся до степени артиста, не способенъ гримироваться, то долженъ усердно и упорно, долженъ неуклонно стремиться къ тому, чтобы овладѣть искусствомъ грима. Я не могу сказать, чтобы я былъ прирожденный гри-

В. П. ДАЛМАТОВЪ,

въ роли Ноздрева. (Передѣлка «Мертвыхъ Душъ» для сцены, сдѣланная А. А. Потѣхинымъ для спектакля въ Гатчинскомъ Дворцѣ).

мировщикъ, со дня вступленія на сцену. Первыя 5—6 лѣтъ я пользовался чужими услугами, пока, наконецъ, не взялъ палитру и краски въ свои руки. Маленькими дозами усвапвалъ я искусство грпмпрованія. Я занялся фпзіологіей лица, изучалъ мускулы лица, степень пхъ сокращаемости и расширяемости. Познавши эту премудрость, я часто самого себя загрпмпровывалъ подъ то или другое лицо... Эти упражненія имѣли ту пользу, что я въ совершенствѣ изучилъ свое лицо и умѣлъ пользоваться не только красками, но и одной только тушью, достигая тѣхъ результатовъ въ гримѣ, которые были мнѣ нужны.

Объ актерѣ и необходимости для него знанія физіологіи человѣческаго организма.

В. П. Далматовъ не разъ говорилъ мнѣ:

— Талантъ для актера—большое дѣло, половпна всего, но это далеко не все. Знаніе строенія человѣческаго тѣла, человѣческой головы, знаніе мускуловъ и позвонковъ шеи и лица—является самымъ важнымъ, я сказалъ бы, первѣйшимъ дѣломъ для актера. Я много и долго изучалъ фпзіологію человѣческаго тѣла, сначала самъ, для самаго себя, изъ любознательности, путемъ чтенія соотвѣтствующихъ научныхъ курсовъ, а затѣмъ подъ руководствомъ профессоровъ, ходилъ въ клпнпки, частнымъ образомъ, конечно. Это было въ Москвѣ, въ пору моей золотой молодости.

Кромѣ того, для актера также, какъ и для пѣвца, весьма важно знать діапазонъ и силу его голосовыхъ средствъ. Если они малы, пхъ надо развивать, а если они достаточны, о нихъ надо заботиться. Напрасно думаютъ, что школа пѣнія нужна для пѣвца, она важна и для драматическаго актера. Всякій, выступающій на сценѣ, въ операѣ или въ драмѣ, долженъ знать силу своего голоса

и создать свой, ему лишь присущій, тонъ: тонъ, тембръ голоса актера,—его стиль, его сценическій паспортъ.

Затѣмъ важно, чтобы актеръ, желающій стать артистомъ, сначала прошелъ курсъ, а потомъ и самъ себѣ создалъ свою собственную теорію жеста, позы, внѣшнихъ движеній.

Талантъ даетъ возможность актеру чувствовать роль, передавать свои настроенія и сообщать ихъ публикѣ; знаніе же своей природы, своего организма, своего тѣла даетъ возможность актеру создать свою собственную теорію жеста и внѣшнихъ движеній, сообщить имъ легкость и элегантность. Знаніе средствъ и предѣловъ силы своего голоса даетъ возможность артисту-художнику создать свой спеціальный тонъ, свой стиль игры.

Талантъ, знаніе физіологическаго строенія человѣческаго организма и полнота голосовыхъ средствъ являются для актера базой его дальнѣйшаго совершенствованія. Безъ нихъ нѣтъ актера и не будетъ артиста.

Каждый актеръ долженъ легко, свободно носить свое тѣло на сценѣ. Движенія его должны быть непроизвольны и красивы, непосредственны и художественны. Свободы движеній на сценѣ онъ можетъ достигнуть только въ томъ случаѣ, если онъ знаетъ хорошо строеніе человѣческаго организма и усвоилъ себѣ какую-нибудь теорію позы и внѣшнихъ движеній.

Знаніе организма, хорошо развитой голосъ и вдумчивая, постоянная работа надъ ролями—всегда дадутъ возможность актеру не быть однообразнымъ и позволятъ внести даже въ хорошо изученную роль нѣкоторыя новыя подробности и новое толкованіе. Надо постоянно думать надъ ролями и чеканить ихъ. Право же, и изъ пустой роли можно сдѣлать шедевръ, если въ актерѣ горитъ священный огонь.

О жестѣ, позѣ и мимикѣ.

Теорія жеста и внѣшнихъ движеній почти всегда очень интересовала В. П. Даже незадолго до смерти онъ говорилъ мнѣ о ней.

Жестъ, какъ одна изъ формъ внѣшняго сценическаго дѣйствія, В. П. тѣсно связывалъ съ мимикой, со способностью и умѣніемъ придать лицу соотвѣтствующее выраженіе.

— Жестъ и мимика логически тѣсно связаны другъ съ другомъ,—говорилъ В. П.—Для этого весьма поучительны примѣры древнихъ греческихъ и римскихъ актеровъ. Жестъ и мимика тянутъ за собою пластику и танцы. Актеръ долженъ изучать теорію жеста, мимики, пластику и танцы—не какъ школьный предметъ, а какъ способъ дальнѣйшаго совершенствованія своихъ артистическихъ способностей. Для изученія жеста и позы богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ даетъ древне-греческій и римскій театръ и его главный дѣятель—актеръ. Русскіе актеры обязаны подробно и внимательно изучать театральную дѣятельность древне-греческаго и римскаго актера, какъ базу театральнаго искусства, и затѣмъ уже сосредоточиться на изученіи конца XVIII столѣтія и на великой эпохѣ театральнаго искусства въ XIX столѣтіи на Западѣ и, особенно, въ Россіи... У насъ были великіе актеры, нисколько не уступавшіе актерамъ Запада—Мочаловъ, Щепкинъ, Живокини, Самойловъ, Провъ Садовскій, Модестъ Ив. Писаревъ и много, много другихъ. Театральной молодежи ихъ жизнь и дѣятельность непремѣнно нужно изучать съ большой внимательностью, если они хотятъ быть мастерами своего цеха и хранителями театральныхъ традицій.

О Дельсартѣ [1]).

В. П. чрезвычайно интересовался новшествами Макса Рейнгардта, театромъ Вагнера, Джона Крэга. Критиковалъ ихъ во многомъ, но нерѣдко питался ихъ мыслями и читалъ о нихъ съ жадностью, урывая для этого отъ ежедневной, нервной работы время.

Года четыре назадъ В. П., который во всемъ хотѣлъ находить общіе, типическіе принципы въ силу обобщающихъ способностей своего ума, старался разложить движенія человѣческаго тѣла на основныя группы. По этому поводу онъ высказывалъ свои особенныя мысли и соображенія. Я просилъ его записать ихъ и подробно изложить свои выводы, иллюстрируя ихъ примѣрами изъ своего личнаго сценическаго опыта. Это былъ бы любопытный матеріалъ. Однако, онъ, занятый текущей работой, не удосужился это сдѣлать.

Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ говорилъ о французѣ Дельсартѣ и его знаменитыхъ курсахъ мимики и пластики, основанныхъ въ Парижѣ въ 1839 году. Самъ Дельсартъ жилъ отъ 1811 до 1874 гг.

— Эти курсы,—говорилъ В. П.,—посѣщали музыканты, актеры, проповѣдники, композиторы, адвокаты, политическіе дѣятели, впослѣдствіи прославившіеся. Они изучали у него теорію жеста и позы, т. е. теорію внѣшнихъ движеній. Дельсартъ стремился создать законы жеста и позы, основанные на данныхъ физіологіи и на строеніи человѣческаго организма. Самыя главныя части тѣла, это—голова, глаза, руки и ноги. Онѣ—колыбель позы и жеста.

---

[1]) Нѣкоторые хотятъ видѣть фамилію Дельсарта начертанной:—Дель Сарте, но мы, подчиняясь духу русскаго языка (примѣръ мы имѣемъ въ фамиліи Фонвизинъ вмѣсто фонъ-Визинъ, какъ было въ старину) и транскрипціи французовъ съ е глухимъ на концѣ, будемъ писать и склонять Дельсартъ.

Дельсартъ думаетъ, что движенія могутъ быть: a) нормальныя, обычныя, ежедневныя, такъ сказать, простыя, будничныя, b) концентрическія и c) эксцентрическія. Затѣмъ онъ дѣлаетъ еще подраздѣленія для движеній нормальныхъ. У него слишкомъ сложное и дробное дѣленіе.

Голова, глаза, руки и ноги, по Дельсарту, могутъ принимать 9 различныхъ, но основныхъ положеній, каждая и каждый. Такимъ образомъ, создается цѣлая лѣстница внѣшнихъ движеній, причемъ ихъ координація ведетъ къ созданію законовъ позы и жеста.

Дельсартъ ошибался, однако же, предполагая, что жестъ и движенія, сами по себѣ, могутъ вполнѣ замѣнить собой чувство на сценѣ, передать истинную психологію движенія человѣческой души. Чувство, какъ паѳосъ, жаръ души, пламень сердца, органически тѣсно связано съ жестомъ и позой, а потому, какъ одно чувство не можетъ дать полнаго и правильнаго представленія о дѣйствующемъ лицѣ и объ эпохѣ, такъ и одно познаніе тайны теоріи жеста и позы не дастъ его. Во взаимодѣйствіи чувства и жеста, въ ихъ сподчиненіи—тайна вліянія артиста на толпу. Великій сценическій талантъ—великъ и въ позѣ, и въ жестѣ, и въ пламенной, вдохновенной рѣчи. Однако, долженъ сказать, Дельсартъ, съ моей точки зрѣнія и насколько я понимаю,—во всякомъ случаѣ, величайшій теоретикъ въ области пластики,—закончилъ свои соображенія Василій Пантелеймоновичъ.

Объ Айседорѣ Дунканъ.

Съ большимъ интересомъ относился В. П. къ школѣ пластики Далькроза и къ «босоножкѣ» Айседорѣ Дункапъ. Однажды, Василій Пантелеймоновичъ просилъ меня пойти съ нимъ на одинъ изъ вечеровъ Айседоры Дункапъ. Билеты взялъ онъ самъ, и я былъ удивленъ, когда онъ сѣлъ въ одинъ изъ заднихъ рядовъ партера, съ большой сосредоточен-

ностью наблюдая за мимикой и танцами Айседоры Дунканъ, создательницы пластическаго танца.

Танцы Айседоры Дунканъ, конечно, на любителя, но В. П. хотѣлъ угадать въ ея толкованіи жеста и позы, какъ внѣшней формы сценическаго дѣйствія актера, принципъ, законъ, что-нибудь въ родѣ того, что подмѣтилъ Дельсартъ. Его интересовало общее, теоретическое начало въ танцахъ, въ пластикѣ Дунканъ, а не самый танецъ, не то, *что* она танцовала, а то, *какъ* она танцовала.

Во время танцевъ мы даже не обмѣнялись мнѣніями и впечатлѣніями и только собирали ихъ, напитывались ими.

Вечеромъ, когда ужинали, я спросилъ его:

— Почему вы забрались такъ далеко?

— Вблизи нѣтъ иллюзіи отъ молчаливаго, пластическаго движенія,—сказалъ В. П.—Танецъ, балетъ хорошъ издали, на нѣкоторомъ разстояніи. Пластика есть движеніе, есть мимолетная, воздушная тѣнь. Тѣнь должна быть изящна и совершенна. Когда же вы видите вблизи, въ первыхъ рядахъ партера, пляшущую дѣвицу съ толстыми икрами, съ неуклюжими ступнями ногъ, то иллюзія отлетаетъ и остается печальная, некрасивая дѣйствительность. Идеально сложенныхъ, въ духѣ греческой пластики, женщинъ въ природѣ почти что нѣтъ; такія женщины лишь мечта поэта и его фантазіи. Я, какъ, должно быть, и вы, получилъ удовольствіе отъ того, что не видѣлъ вблизи женскихъ ляшекъ, толстыхъ ногъ, ступней, плотныхъ икръ, а видѣлъ однѣ тѣни, одни воздушныя движенія, столь пластически совершенныя у Айседоры Дунканъ.

В. П. Далматовъ и молодые писатели.

На одномъ изъ вечеровъ у артиста Императорскихъ театровъ Н. Н. Ходотова молодой писатель А. П. Каменскій читалъ свою пьесу «Люди», передѣланную имъ изъ повѣсти того же имени.

Присутствовалъ и В. П. Далматовъ. Онъ долго и внимательно слушалъ пьесу въ чтеніи самаго автора и, повстрѣчавъ его въ первый разъ въ жизни, внимательно его разсматривалъ, какъ представителя новой, экзотической полосы русской литературы. Ему показалось несуразнымъ одно—самый процессъ созданія пьесы.

— Мнѣ показалось удивительнымъ,—передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія В. П. отъ этого вечера,—то, что молодой писатель какъ будто взялъ свои брюки, которые онъ носитъ и которые хорошо уже извѣстны публикѣ, вывернулъ ихъ наизнанку и сшилъ новыя брюки. Но такъ какъ это ему не удалось сдѣлать хорошо, то онъ сталъ утюжить, наводить фасонъ, перевернувъ ихъ снова съ той стороны, съ которой онъ носилъ ихъ раньше. Этотъ способъ писанія я не совсѣмъ одобряю: въ душѣ автора должна быть вынесена или пьеса, т. е. движеніе въ дѣйствіи, или повѣсть, т. е. эпическое повѣствованіе, но выводить одно изъ другого—это какъ будто не въ традиціяхъ и не во вкусахъ русской литературы. Развѣ у Тургенева, Толстого, Достоевскаго вы найдете хоть одинъ такой опытъ?! Это походитъ на армянскій анекдотъ, который можно, какъ угодно вывернуть—и туды, и сюды.

Однако, В. П. очень обласкалъ молодого писателя, какъ онъ, обыкновенно, дѣлалъ со всѣми молодыми талантами, уединился и долго говорилъ съ нимъ по поводу пьесы, ея плана и замысла, указывая сценическіе недостатки, предлагая опустить ту или другую сцену, вставить новую или прибавить реплику и т. д.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ В. П., по моей просьбѣ, очень много способствовалъ тому, чтобы покойный А. С. Суворинъ принялъ ее къ постановкѣ въ Маломъ театрѣ.

Пьеса успѣха не имѣла и прошла только два раза. Она была снята съ репертуара Малаго театра.

— Авторъ мало наблюдаетъ жизнь,—сказалъ В. П.,—живетъ какъ будто умозрительно или еще не выработалъ

методовъ познанія особенностей жизни. У него все пока недостаточно дѣйствительно и драматично, нѣтъ жизненности въ движеніяхъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, нѣтъ настоящей, хватающей за сердце драмы. Онъ много долженъ надъ собой и надъ своей манерой наблюденія жизни поработать, и тогда только выйдетъ изъ него толкъ, а пока это все пробы весьма талантливаго беллетриста въ драматическомъ родѣ. Жизнь, вотъ куда должны устремлять свое зоркое вниманіе господа русскіе писатели, и изъ нея почерпать темы для своихъ вдохновеній.

* * *

На сколько В. П. Далматовъ оставилъ въ душѣ его учениковъ по Театральной школѣ Суворина и его сотоварищей по преподавательской дѣятельности теплыя воспоминанія, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы объединиться въ одну тѣсную семью вокругъ его бюста, стоящаго въ Театральной школѣ, и пропѣть ему «Вѣчную память».

Недавно, въ Театральной школѣ была вечеринка. Собрались бывшіе и нынѣшніе ученики школы. Въ четвертомъ часу ночи, когда залы опустѣли, группа учениковъ спустилась въ нижній залъ, гдѣ стоитъ бюстъ В. П. Далматова на пьедесталѣ, и, не зажигая электричества, въ темнотѣ, опустились передъ нимъ на колѣни.

Во главѣ этой группы, впереди всѣхъ, стоялъ Г. В. Глоцкій, режиссеръ Литературно-Художественнаго театра, ученикъ и другъ знаменитаго московскаго актера и антрепренера Ѳедотова. Вся эта группа долго стояла на колѣняхъ. Гаврила Владимировичъ, наконецъ, сказалъ проникновеннымъ голосомъ:

— Человѣкъ онъ былъ...

Молодые голоса повторили:

— Человѣкъ онъ былъ!..

Пропѣли ему «Вѣчная память». Это трогательное, уми-

лительное пѣніе въ учрежденіи, обвѣянномъ духомъ Василія Пантелеймоновича, привлекло всѣхъ тѣхъ, кто еще не успѣлъ уйти.

Образовалась дружная семья. Вспомнили кое-что изъ жизни Василія Пантелеймоновича и разошлись, окрыленные воспоминаніями о хорошемъ человѣкѣ.

Однако, не забыли и нынѣшняго директора Школы—гордость русской сцены Марію Гавриловну Савину. Всѣ собравшіеся вокругъ бюста Василія Пантелеймоновича послали ей трогательную телеграмму съ выраженіями преданности и полнаго благоговѣнія передъ ея великимъ талантомъ.

Заключеніе.

Я собралъ по мелочамъ, по крупинкамъ штрихи и детали изъ жизни В. П. Далматова, какъ *матеріалы* для его психологической біографіи. Въ настоящей книжкѣ содержится лишь канва или полотно для біографіи незабвеннаго Василія Пантелеймоновича.

Сценическая біографія Василія Пантелеймоновича, какъ исполнителя тѣхъ или иныхъ ролей, давшихъ ему славу и извѣстность, какъ учебный, школьный матеріалъ для начинающихъ артистовъ, цѣликомъ не входила въ задачу настоящей книжки. Эту біографію долженъ написать другой, какъ самостоятельную работу, и это будетъ большимъ вкладомъ въ исторіографію русской сцены. Отчасти эта сторона біографіи Василія Пантелеймоновича освѣщена и мной, но не въ тѣхъ деталяхъ, какъ этого хотѣлъ бы я, какъ того требуетъ суть дѣла и такая выдающаяся сценическая личность, какъ В. П. Далматовъ.

Моя цѣль состояла только въ томъ, чтобы дать образъ талантливаго, выдающагося человѣка, *романтика русской сцены*, почувствовавшаго ясно и сознательно, что *онъ*—

божьей милостью артистъ, дать образъ постоянно работающаго надъ собой и надъ своимъ талантомъ отъ ранней юности до гробовой доски человѣка. Моя цѣль состояла въ томъ, чтобы дать образъ человѣка, который всѣмъ былъ обязанъ себѣ и благодаря личнымъ заслугамъ, безъ связей и протекціи, достигъ общественнаго признанія.

Моя цѣль была сохранить потомству его дѣла, мысли, его настроенія, его переживанія, чувствованія, его боязни и надежды на будущее русскаго театра, оттѣнить и отмѣтить красоту и художественность его творчества, его затаенныя мысли о театральномъ искусствѣ, и его высокую поэтическую душу.

Когда я писалъ эти свои воспоминанія, я всегда имѣлъ въ виду, что ни великій Мочаловъ, ни М. С. Щепкинъ, ни Самойловъ, ни М. И. Писаревъ, ни даже Каратыгины, вдумчивые и оставившіе послѣ себя сценическіе мемуары, не нашли еще себѣ біографа, который бы самъ перечувствовалъ ихъ жизнь и разсказалъ міру то, что зрѣло и таилось въ ихъ душахъ, при жизни скрытое отъ нескромнаго взгляда современниковъ, и что нерѣдко составляло сущность ихъ личности и ихъ душъ, какъ общественныхъ дѣятелей.

Въ исторіографіи этого рода, гдѣ психологичность изложенія тѣсно связана съ любовью и преданностью къ данному таланту, всякая деталь, всякій штрихъ имѣютъ свое мѣсто и значеніе.

Отрывочность и разрозненность мною сообщеннаго матеріала, эпизодичность разсказанныхъ фактовъ *психологически*, тѣмъ не менѣе, тѣсно связаны другъ съ другомъ и должны дать единое представленіе о Василіи Пантелеймоновичѣ Далматовѣ, какъ о человѣкѣ и артистѣ. Самъ онъ то же былъ весь сложенъ изъ эпизодовъ и эпизодически закончилъ свою художественную и удивительно яркую, талантливую жизнь.

964764

H. 37

Готовится къ печати того же автора:

Исторія русскаго театра XIX вѣка.

Классическій періодъ русскаго театра.

Пособіе къ лекціямъ.